

ТОПРБАҢҒО ҒАҒҒД.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ 2р.
І Е Р У С А Л И М Ъ,

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА
ТОРКВАТА ТАССА.

ПЕРЕВОДЪ

С. МОСКОТИЛЬНИКОВА.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1820.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Апрѣля 26 дня 1820 года. Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

ЛЕВЪ ЦВѢТАЕВЪ.

Изданіе Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Почипая лестною для себя наградою благосклонное вниманіе опечесивенной Публики къ первому изданію персевода моего Тассовой Поэмы *Освобожденный Иерусалимъ*, съ шѣмъ вмѣспѣ не спыжусь признапья въ усмопрѣнныхъ самимъ мною недоеспанкахъ онаго, оставшихся неисправленными, и въ копорыхъ надѣюсь воспользоваться снисходительнымъ извиненіемъ.

Начавъ переводъ мой съ шаковагожь Французскаго Г. Ле-Брюна, около двадцати лѣпъ назадъ шому, по обспояпельспвамъ, не могъ я

безпрерывно продолжаять его: въ нѣсколько лѣтъ едва первыя шесть пѣсней составили весь успѣхъ моего упражненія; но опъ внезапныхъ случаевъ усилилось желаніе окончатъ начатый трудъ; пламень Пѣвца священной брани согрѣлъ охлажденное развлеченіями общежитія воображеніе, и предложеніе послѣдующихъ четырнадцати пѣсней было плодомъ постоянного занятія въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ.

Манускриптъ первой Части уже готовъ былъ для отсылки къ Изда-телю, когда я рѣшился свѣришь его съ Италіянскимъ подлинникомъ, котораго прежде у себя не имѣлъ; но поропливосшь моя — въ оправда-

ніе коей ничего сказаць не могу — сполько была велика, что я, удовольствуясь нѣкошорыми шолько выписками о перемѣнахъ, раздѣльно опъ шексна къ манускрипту приложенными, опшправиль его для напечатанія; и обременивъ себя переводомъ послѣднихъ нѣсней, не оставилъ времени для тщательнаго просмотра первыхъ шрудовъ; а они, въ разные періоды жизни, не всегда бывающъ одинаковы. — Нужно ли сказаць, что нѣкошорые и изъ шѣхъ погрѣшностей, какія вкрались при перепискѣ и въ шинографіи, пропущены въ указашелѣ ихъ?

Вошъ мое опкровенное признаше! вошъ и причины, для чего во

впоромъ изданіи Любипели Словес-
ности усмотрѣнныя нѣкоторыя пере-
мѣны, и особливо въ первыхъ пѣ-
сняхъ! Не смѣю ласкать себя на-
деждою, чпобъ я могъ успѣшь, при
всемъ изобиліи опечесшвеннаго сло-
ва, въ совершенствѣ удержатъ не-
подражаемая красота безсмертна-
го *Тасса*; но покрайности желалъ
и употребилъ къ тому все, чпо
было соразмѣрно моимъ способно-
стямъ. —

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою священную брань и Полководца, освободившаго великій Гробъ Христовъ. Много подвизался онъ и силами разума и крѣпостию мышцы, много преперѣлъ для одержанія знаменитаго приобрѣшенія. Тщепно адъ воспалъ пропѣвъ его; тщепно ополчились соединенные народы Азіи и Ливіи: Небо покровительствовало ему, и собрало подъ священныя знамена разсѣянныхъ сподвижниковъ его.

О Муза, не украшающая главу свою пльвными лаврами Геликона, но въ небесахъ живущая, шамъ, гдѣ гремятъ совоспѣванія вѣчной радости, и коея чело увѣчано сіяніемъ звѣздъ немерцающихъ! пы вдохни во грудь мою божественный жаръ; своимъ озари свѣтомъ мое пѣно-сложеніе; прости, если часпю украшу я въ немъ истину цвѣтами и придамъ другія къ своимъ прелестямъ!

Тебѣ извѣстно, что смертный жаждетъ упоить себя мечтаніями Парнасса; тебѣ извѣстно, что истица, облеченная

прелеспами випійсхва, влечепь и поко-
ряепь сердца спрощивѣйшія. Такь пред-
спавляемь мы болѣзнующому младенцу края
сосуда, омоченныя сладкою влагою: счаспи-
ливо обманушый, вкушаепь онь горькіе со-
ки, и одолженъ бываепь жизнию своему за-
блужденію.

О величеспвенный Альфонсъ, моя на-
дежда и мое прибѣжище, ты, чпо спась
опь озлобленій жребія и опь грозныхъ скаль
свирѣпствующаго моря заблуждшую и полу-
сокрушенную ладію жизни моей! возри
благосклонно на швореніе, кошорое посвя-
пишь тебѣ возложилъ я на себя неизмѣн-
ный обѣщъ! Можеть бышь, наспанепь
время, когда Муза моя воспоешь славу шво-
ихъ подвиговъ, нынѣ пророчеспвенно изла-
гая нѣкопорое ихъ начерпаніе.

Такь! если нѣкогда соединялся Хри-
спіане узами вождельннаго мира, если нѣ-
когда ополчашся они, да вшорично изшорг-
нупь изъ рукъ гордаго Музульмана славную
добычу, беззаконно имъ похищенную: —
ты будешь начальспвовапъ ихъ легіонами,
или управляпъ мореходнымъ ополченіемъ
ихъ. Ревнишель Годофреда! удостой виашь
пѣснямъ моимъ и препояши на брань чреса
пшви!

Пяпъ крапъ уже солнце свершило ко-
свенный пупъ свой опь дней, въ кои свя-
щенная ревнеспь увлекла Хриспіанъ къ
спранамъ Востока. Никія преклонила чело
свое предъ ихъ ошважнеспію; могущеспвен-

ная Антіохія, приобрѣщенная хипроспію, ограждена была мужествомъ ихъ пропиву соединенныхъ силъ Персіи. Власпишели Торпозы единымъ хладомъ зимы удержаны были въ своихъ дѣйствіяхъ, и возвращенія весны ожидали.

Уже скончавалось суровое время, спѣсившее воинственную бодрость Рыцарей, когда съ вышины божественнаго Преспола, сколько же превознесеннаго надъ сферою звѣздною, сколько звѣзды возвышаются надъ бездною ада, Превѣчный низвелъ око Свое на землю; въ одно мгновеніе одинъ изъ Его взоровъ объемлетъ вселенную и всѣ существа, ею содержимыя.

Все открыто предъ Нимъ; но предпочтительно призираешь Онъ на Сирію и Князей Христіанскихъ. Симъ взоромъ, испытующимъ сердца и проникающимъ сокровеннѣйшія движенія ихъ, видишь Годофреда, пламенѣющаго чистѣйшею ревностію. Бранноносный Мужъ, исполненъ Вѣры, горитъ желаніемъ освободить Солимъ отъ ига нечестія. Слава, скиптры, богатства, недостойны возвышенной души его.

Но видишь несытый духъ властолюбиваго Бадуина, единственно прилѣпленный къ величію челоуѣковъ. — Видишь храбраго Танкреда, возненавидѣвшаго жизнь въ перзаніяхъ безнадежной любви. — И Боэмонда, какъ полагаешь онъ въ Антіохіи основанія новой власпи, предписываешь законы, зво-

дипть новыя обычаи, новыя искусства, и научаетъ подданныхъ своихъ истинному Богослуженію.

Углубленному въ безпреспанныхъ о томъ помышленіяхъ, кажется, чужды всѣ иныя предпріянія. — Чипаетъ въ пылкой душѣ Ренальда, алчущей браней и неперпящей покая. Не владычество, не сокровища прельщаютъ его: онъ пылаетъ шолько желаніемъ чести, но пылаетъ неумѣренно. Повѣспвованія Гельфа, дяди его, плѣняютъ внимательный слухъ юнаго Рыцаря, и сердце его возгараетъ опть блеска древнихъ примѣровъ.

Проникнувъ души сихъ и другихъ Военачальниковъ Христіанскихъ, Царь вселенной призвалъ Гавріила, впорымъ пославленнаго въ первомъ чинѣ свѣшпоносныхъ существъ. Гавріиль, вѣрный посредникъ между Богомъ и чшущими истину, посланникъ радости, открываетъ на земли волю Небесъ и возноситъ къ пресполу Вышняго объшпы и моленія челоуѣковъ.

„Спѣши обрѣспъ Годсфреда, и гласомъ „Моимъ вѣщай ему: почшо сіе бездѣйсп- „віе? почшо угнѣпенному Солиму ожидать „еще своихъ избавителей? Да созовешъ „онъ Князей на совѣщаніе, и въ укуоряю- „щихъ да возбудишь ревность къ знамени- „тому подвигу! Его нарекаю я Вождемъ и „правителемъ ихъ: избранный Мною из- „бранъ будетъ ими и, нынѣ ему равные, „укоряшъ бышь попомъ исполнителами „воли его.“

Богъ рекъ — и гошовый совершилъ повелѣнное, Гавріиль облекъ уже ефирнымъ пѣломъ невидимое существо свое. Приемлешъ образъ челоуѣка, но небесное величество блиспаешъ во взорахъ его. Возраспъ его — еспъ возраспъ, разлучающій юношество оипъ младенчества; лучезарное окруженіе увѣчваешъ свѣплорусые власы его.

Два скорыя, неупомимыя крыла присоеднися къ его раменамъ; бѣлизна ихъ подобна снѣгу, и злато блещетъ на воскраіяхъ. Сими крылами разсѣкая вѣтры и облаки, паритъ небесный Духъ надъ землею и моремъ. Уже далече оспавиль оиъ небесную ограду и предѣлы міра; его распросперпыя крыла оспановляють на минушу полешъ свой надъ горою Ливаномъ.

Быстро слешаешъ попомъ къ равнинамъ Торшосы. Солнце опверзало врапта Воспока; половина круга его казалась еше погруженною въ нѣдрахъ водъ. Уже Годофредъ приносилъ Вѣчному обычную жершву хвалы, когда, приближаясь наравнѣ съ свѣпиломъ дня, но превосходя его въ сіяніи, Серафимъ предшаешъ взорамъ Рыцаря.

„Годофредъ! се время благопоспѣшное „бранямъ! и почпо медляшъ, почпо не те „купшъ къ избавленію парабощеннаго Соли „ма? Созови Князей для совѣщанія, и без „печныхъ подвигни на совершение предпри „яшя. Богъ нарекъ шебя Вождемъ и прави-

„пелемь ихъ, и они сами непринужденно
„признаюпъ власпъ швою.

„Опъ Бога посланъ я, и Его волю опъ
„крываю шебъ во имя Его! О! какое несо-
„мибное для шебя упованіе быпъ поббди-
„пелемь! Какой ревности къ исполненію
„возложеннаго долга надлежитъ возгорбпъ
„въ душб швоей!“ Рекъ — и уже вознесся
въ небеса, къ превыспреннимъ обипелямъ
чиспбйшаго свбпа. При сихъ словахъ, при
ослбпляющемъ блескб семъ, Годофредъ
оспаепся изумленъ и безмолвенъ.

Пришедъ въ самага себя, размышляепъ
онъ и о повелбніяхъ, слышанныхъ имъ, и о
Богб, заповбдавшемъ онья, и о небесномъ
Сущеспвб, возвбспившемъ ихъ. Сугубишся
ревность его; неперббливо желаепъ онъ
совершишъ начинаніе, главою коего сужде-
но быпъ ему. Не самолюбіе, напыщенное
суешными почеспями, умножаепъ его му-
жеспво; но его воля возгараепъ въ волб
Небесъ, какъ искра въ безмбрномъ пламени.

Онъ приглашаепъ къ собранію разбъян-
ныхъ сподвижниковъ своихъ; во всб спра-
ны ускоряюпъ гонцы и посланія; просипъ
и совбпуепъ. Все, что можепъ попрыести,
подвигнушъ благородный духъ, все, что
можепъ возбудишъ усыпленную доблеспъ,
гопово уже въ душб его, и могущеспвен-
ная средспва, имъ упопрбляемая, всб
сердца влекупъ и уббждаюпъ.

Спекаюпся вожди; прочіе за ними слб-
дуюпъ; единый Бозмондъ оспался въ сво-

ихъ владѣніяхъ. Часпъ ратниковъ вмѣщаются въ сѣнахъ Торпозы, и часпъ наполняютъ поля, ее окружающія. Наконецъ собранные въ назначенный день составляють совѣтъ священный и пуржеспвенный. Годофредъ посреди ихъ; величество блистаетъ на челѣ его, и высокое краснорѣчіе одушевляеть его вѣщанія:

„Воины, несущіе месь за оскорбленіе
 „Небесъ! вы, коихъ Богъ избралъ къ воз-
 „становленію служенія и жершвенниковъ
 „Его; вы, коихъ десница Его управляетъ
 „во браняхъ среди опасностей на сушѣ и
 „ужасовъ мяпежной пучины; вы, кои по-
 „корили закону Его иполкое число оппад-
 „шихъ обласшей, распросперли побѣдонос-
 „ныя хоругви Его между побѣжденными и
 „усмиренными народами, и прославили ве-
 „ликое имя Его!

„Безъ сомнѣнія, не суетнымъ славо-
 „любіемъ движимые, оспавили мы нашихъ
 „женъ, чадъ и отечество; не для влады-
 „чеспва надъ варварами дерзали мы съ не-
 „успрашимостію на невѣрность моря и со-
 „мнишельные случаи войны опдаленной:
 „слава, споль обыкновенная, побѣды, споль
 „ничпжныя, цѣною крови, пролитой на-
 „ми, бытъ не могушь.

„Водрузишь на сѣнахъ Свяпаго гра-
 „да побѣдную хоругвь; свергнушь съ Хри-
 „спіанъ жестпкое и поспыдное иго раб-
 „спва, на нихъ опягопѣвнее; основашь
 „въ Палеспинѣ новую державу; дашь благо-

„чеспію надежное прибѣжище; разру-
 „шипъ средоспѣніе, возбраняющее жерп-
 „вамъ и усердію его доспупъ къ великому
 „Гробу: — шакова была цѣль високаго на-
 „шего предпріятія.

„Мы презрѣли тысящу опасностей;
 „тягоспѣйшіе пруды не упомяли наше-
 „го шерпѣнія; но мало содѣлали мы для
 „нашей славы, и еще менѣе для своихъ на-
 „мѣреній, если симъ шолько ограничашся
 „усилія нашего оружія, или другое будупъ
 „имѣпъ направленіе. Чпо пользы, увлечь
 „цѣлаю Европу въ нѣдра Азіи, внести пла-
 „мень брани въ сіи обширныя страны, ког-
 „да сполько великихъ движеній окончатп-
 „ся единымъ возмяпеніемъ Царспвъ, безъ
 „успроенія новыхъ?

„Вошще бы пожелалъ власполубецъ
 „ушвердипъ пресполь свой на земныхъ основа-
 „ніяхъ шамъ, гдѣ, окруженный чуждыми, ино-
 „вѣрными, множеспвомъ нечеспивыхъ, безъ
 „надежды на Грековъ, далече опъ помощи
 „Запада, онъ узрипъ сокрушеніе нешвер-
 „даго зданія и, подавленный его развали-
 „нами, единый шолько гробъ ископаешъ себѣ.

„Ошпоманы побѣждены, Персы раз-
 „бишы, Анпіохія подвластна: славны име-
 „на! велики и блиспапельны подвиги! но
 „намъ ли они принадлежатъ? Нѣптъ! все
 „сіе даръ Вышняго и дѣло Его всемогуще-
 „спва. Если щедроты Его превращашся въ
 „рукахъ нашихъ въ орудія преслушанія, ес-
 „ли мы упошребимъ ихъ на сопрощивленіе

„волѣ Его, я спрaшуся, да не опшймешъ
 „Овъ ихъ, и шумная молва о нашихъ побѣ-
 „дахъ да не содѣлаеяся народною баснею!

„Прочъ, прочъ опъ насъ полико пре-
 „спуиное упошребленіе небесной благоспи!
 „Будемъ тверды въ шесспвіи своемъ, и увѣн-
 „чаемъ знаменишымъ концемъ великое пред-
 „пріятіе. Нѣпъ препонъ! пупи опверсты!
 „время споспѣшеспвуешъ! Попечемъ, усп-
 „ремимся къ симъ спѣнамъ, гдѣ Небеса по-
 „ложили конецъ нашихъ подвиговъ. — Чшо
 „еще насъ удерживаетъ?

„Такъ, знаменишые Вожди! я вамъ воз-
 „вѣщаю по, и неложны мои предреченія.
 „Призываю во свидѣшельсшво вселенную,
 „грядущіе вѣки и небесныя могущеспва,
 „внемлющія словамъ моимъ. Такъ! время на-
 „спало, и все доспигло зрѣлости для
 „успѣховъ нашего оружія. Умедля еще, упу-
 „спимъ случай, и исчезнешъ побѣда. Я
 „уже зрю Египетъ, поспѣшающій на по-
 „моць Палестинѣ и шоржеспвующій надъ
 „нашимъ нерадѣніемъ.“

Умолкъ — и вѣщанію его послѣдоваль
 пихій шумъ въ собраніи. И се воспашешъ
 Пепръ, смиренный опшельникъ, но возсѣ-
 дящій съ Вѣнценосцами и совѣшами сво-
 ими содѣйсшвующій предпріятію, коему
 онъ даль первое движеніе. „Приглашеніе Го-
 „дофреда“ рекъ Пепръ „подшверждаю совѣ-
 „шомъ моимъ. Еще ли колеблешесь? Испина
 „вамъ доказана! вы ее чувспвуеше, вы

„убѣждены въ ней; и мнѣ оспалось при-
„совокупить единое слово.

„Приводя на память бѣдспвенныя вра-
„жды, сей неизчерпаемый источникъ на-
„влеченныхъ вами на себя просрамлений; не-
„согласія, коими успѣхи ваши были воспя-
„щаемы, или опдаляемы, и всегдашнюю
„медленность: — я нахожу сущеспвенную
„вину ихъ въ пагубномъ и сполько времени
„продолжающемся раздѣленіи власши, ра-
„споргающемъ единомысліе.

„Попребенъ единый Начальникъ; коего
„мудрость опредѣляла бы награды и нака-
„занія. Гдѣ власпъ раздѣлена, тамо прав-
„леніе безъ правилъ и основанія, волнуется
„въ неизвѣспности. Ахъ! соберите въ еди-
„ный составъ члены, спремящіеся къ со-
„вокупленію; ввѣрьте рукъ единого бразды
„начальспва! Вооруженный жезломъ власши
„и силою, да имѣетъ онъ права и величіе
„Царскіе!“

Таковъ былъ совѣспль спарца. О Боже!
какой умъ не подвигнетъ сила Духа Твоего;
какое сердце не воспалилъ Твой небесный
жаръ? Ты исполнилъ имъ опщельника; Ты
напечатлѣлъ вѣщанія его въ душахъ Хри-
спіанскихъ Князей; Ты укротилъ въ нихъ
чувспвованіе независимости и кичливое же-
ланіе начальспвовать другими, полико свой-
спвенное человѣчеспву! Вильгельмъ и Гельфъ,
знашпѣйшіе изъ всѣхъ, первые почпили Го-
дофреда достоинспвомъ верховнаго Полко-
водца.

Всѣ прочіе восплескали. Да будетъ онъ, провозгласили, душею нашихъ предпріятій и да начальствуесть нами; да налагаесть законы побѣжденнымъ, и какъ независимый властитель, и брань и миръ опредѣляесть; да преклоняся ошнынѣ предъ нимъ равные ему, и попекуеть на исполненіе воли его! — Мгновенно слава со звучною трубою лещипъ и разноситъ всюду вѣспъ знамениаго избранія.

Годофредъ являесть воинству — и кто бы не призналъ его доспойнымъ сана, въ кошорой возведенъ онъ Небесами? Съ яснымъ челомъ, съ кропкимъ и спокойнымъ взоромъ пріемлетъ онъ ихъ почести, внимаесть рукоплесканіямъ ихъ, ошвѣспвуесть свидѣтельствамъ любви и увѣреніямъ въ повиновеніи. Наконецъ повелѣваесть заупра всѣмъ собраться въ порядокъ бранный на обширной равнинѣ.

Ясиѣ, лучезариѣ показалось солнце на воспокѣ; съ первымъ свѣпомъ дня, имъ возвращеннаго, уже знамена развѣвають въ воздухѣ, и все воинство, покрытое блестящими доспѣхами, выступя, спроиися въ порядокъ на пространномъ полѣ. Являесть Годофредъ, и обращаетъ внимательные взоры къ различенію проходящихъ предъ нимъ рядовъ пѣхопы и всадниковъ.

О ны, протоняющая ночь вѣковъ и забвеніе, соблюдающая въ надежномъ хранилицѣ минувшія событія, Память! возвѣспи мнѣ имена вождей и число ихъ вои-

новъ, да ихъ древняя слава, исчезавшая въ молчаніи и погребенная во мракъ лѣтъ прошедшихъ, воспримешь въ моемъ пѣснопѣиіи прежній блескъ! Дай вѣщаніямъ моимъ звукъ, громацій во всѣхъ вѣкахъ и еще раздающійся за предѣлами времени!

Первые шествуютъ преемники древнихъ Галловъ — ополченіе избранныхъ выпязей Ильдефранса, богатой и плодоносной страны, орошаемой чешыря рѣками. Гугъ, брашъ обладашеля ихъ, предводишельствовавалъ ими; но уже не было Гуга, и лиии развѣвались подъ начальствомъ Клошарія. Нося имя Царей, онъ достоинъ былъ, по его храбрости и подвигамъ, сана Царскаго.

Тысящи всадниковъ, тяжелой броней облеченныхъ, составляютъ ополченіе ихъ; тысяща другихъ за ними слѣдуютъ; подобное первымъ устройство, подобный образъ дѣйствій, но же вооруженіе и пошъ же самый видъ знаменуютъ ихъ. Невстрия была опечесивомъ сихъ рапоборцевъ; Робертъ — Князь и предводишель ихъ. Въ слѣдъ за ними развѣваютъ знамена Вильгельма и Адемара, двухъ Князей и пасшырей народовъ.

И пошъ и другой, изведъ изъ сѣни олтарея, прикрыли бранными шлемами длинные власы свои; въ рукахъ, посвященныхъ мирному богослуженію, блисхалъ убійственный мечъ. Подъ начальствомъ перваго слѣдуютъ чешыреста Оранцовъ; послѣдній повелѣваетъ чешыря спами другихъ,

споль же мужеспвенныхъ, и городъ Пюйя былъ мѣстомъ рожденія ихъ.

За ними являешся Бадунъ, начальспвующій пысящю двумя сшами Булонцевъ; часть ихъ слѣдовала подь его знаменами; другую ввѣрилъ ему брань его Годофредъ, по врученіи самому верховной надь всѣми власти. Графъ Шарпрекій, герой неуспрашимый въ бишвахъ и мудрый въ совѣсахъ, ведеть за нимъ чепыреса воиновъ.

Гельфъ шествуетъ по спонамъ егъ; Гельфъ, собспвенными достпннспвами возведенный къ величію. Родясь въ Ипаліи, Рыцарь сей исчисляеть въ домѣ Эспскомъ длинный рядъ своихъ прародителей; но Германія дала ему названіе, дала области, и онъ подкрѣпилъ славу Гельфовъ, уыновившихъ его. Онъ предписывалъ законы Каринтія и владычеспвовалъ надь спраною, лежащею между Рейномъ и Дунаемъ, гдѣ нѣкогда обипали Свевы и Репіане.

Наслѣдіе машери его увеличилось побѣдами, имъ одержанными. Послушные воли начальника, воины его на самую смерть дерзають; но ищущіе опасностей во время брани, любяшь въ нѣдрахъ мира пиршества и забавы; любяшь умѣряшь шеплотою сладкаго пишія хладъ климата, ими обипаемаго. Пять пысящъ рапниковъ, оставя опечесство, раздѣляли съ нимъ славу его; но болѣе двухъ прешей изъ нихъ пожалъ мечъ Персовъ.

Во слѣдъ имъ шествують избранные опъ народа, со всѣхъ странъ Германією, Францією и моремъ окруженнаго, плодоносныя коего нивы и пучныя пасшвы орошають и часто наводняють Маасъ и Рейнь; еще бѣлѣе кажутся лица ихъ подъ освѣщеніемъ свѣплорусыхъ власовъ. Въ единой дружинѣ съ ними оспровишяне, пріобыкшіе ограждать себя опъ яросши Океана высокими оплошами, Океана, не корабли только и богашыя купли, но цѣлыя города и Царшва погмощающаго въ бездны свои.

Въ числѣ штысяци воиновъ и шѣ и другіе соединены подъ начальствомъ другаго Роберта. За ними являешся множайшее оплченіе Британцовъ, славящихся искусствомъ спрѣломешанія. Вильгельмъ, вшорый сынъ обладашеля ихъ, повелѣваешъ ими и племенемъ, ближайшимъ къ сѣверу, дикими жишелями лѣсовъ Ирландіи, касающейся послѣднимъ предѣламъ обитаемаго міра.

Танкредъ попомъ слѣдуешъ — Танкредъ, кошорый въ мужешствѣ, великодушій, неуспрашимости и красотѣ превзошелъ бы всѣхъ Рыцарей, еслибъ не было съ ними Ренальда. Легкая шѣнь присоединялась къ сіянію шопоко возвышенныхъ качешствъ: гибельная спрасшъ, любовь, единымъ взоромъ порожденная среди ужасовъ бипшъ, коей жизнь — мука, питание — горешшъ!

Въцають, что въ шопшъ самый день, когда Хришшіане прославили себя разбиштемъ Персовъ, побѣдоносный Танкредъ,

упругденный преслѣдованіемъ враговъ, предъ нимъ убѣгающихъ, искалъ наконецъ мѣста, гдѣбъ могъ успокоиться и утолить жажду, его помящую. Входилъ въ сѣнь, лучамъ солнца не праницаемую: тамъ струился прозрачный испочникъ, окруженный ложами изъ зеленого дерна.

Внезапно являешся предъ нимъ дѣвица, копорой рѣзные доспѣхи одну только главу оспаляли безъ покроя: то была юная воинспвенница изъ числа невѣрныхъ, подобно ему пришедшая въ сіе убѣжище искашь прохлады и опдохновенія. Танкредъ видилъ прекрасную, видилъ, и удивляешся ей; быспрый пламень прошекъ по жиламъ его; онъ воспылалъ, и спрасилъ, едва только родившаяся, уже возрасла, уже овладѣла сердцемъ его.

Узрѣвъ Рыцаря, незнакомка прикрыла шлемомъ главу свою, и напала бы на него, еслибъ не была удержана приспѣвшимъ опрядомъ Христіанъ. Гордая красавица успунаешъ множесшву, ей угрожающему — удаляешся; но въ побѣжденномъ любовію Танкредѣ оспаешся впечатлѣнъ образъ ея; она живешъ въ сердцѣ, живешъ въ мысляхъ его, и очарованному воображенію все наминаешъ и ея черпы, и ея посшупъ, и мѣста, гдѣ онъ видѣлъ ее: вѣчная пища пламени, его пожирающаго.

Съ сердцемъ, полнымъ вздохоевъ, съ поникшими очами, шеспвуешъ онъ, шягопни-

мый грустнѣю и являя на лицѣ своемъ любовь безнадежную. Осмь сонъ всадниковъ, для послѣдованія за нимъ оставили счастливые брега Кампаніи — гдѣ природа является во всемъ ея величїи — и плодотворные холмы, отражающіеся въ зыбкомъ кристалѣ Тосканскихъ водъ.

Двѣстѣ Грековъ несущая пошомъ; грудь ихъ не сокрыта подъ шпалью, но ихъ чрезъ мечемъ препоясаны; лукъ и стрѣлы звучащъ на раменахъ. Быстрые и неутомимые кони ихъ едва ли знаютъ покой и пищу. Скоры въ нападеніи, поспѣшны въ отступленіи, воины сіи являющіеся въ безпорядкѣ разсыяны; но и самое бѣгство ихъ есть сраженіе.

Ташинъ ими начальствуетъ — Ташинъ, единый изъ Князей Греческихъ, державшій присоединился къ судьбѣ Зпада. О пресупленіе, о стыдъ! Злополучная Греція! ты пребывала бездѣятельною зрительницею брани, свирѣпствовавшей на предѣлахъ твоихъ; слабое правленіе твое ожидало произшествій къ рѣшительности своей: нынѣ, раба униженная, сени подъ тяжестію оковъ твоихъ; но не обвиняй въ несправедливости жребія, на шею возложившаго ихъ. Се достойная мзда твоего малодушія!

Въ послѣднихъ рядахъ является ополченіе, копорому честь, мужество и способности должны были дасть первенство предъ другими. То были бранные перуны, пре-

пепъ Азіи, непобѣдимые герои, извѣстные подъ именемъ свободныхъ Рыцарей. Баснословные Аргонавты! снранствующіе Выпязи еще баснословнѣйшіе! ваши подвиги, споль много превозносимые, исчезаютъ предъ подвигами рапборцевъ сихъ. Но кто будешь достоинъ начальствовать ими?

Дудонъ Консійскій предводити ихъ: бодрая смарость его сохраняетъ всю силу возмужалости; его крѣпость видна еще подъ власами уже посѣдѣвшими, и почтенныя раны оспались памятниками великихъ дѣлъ его. Еслибъ право начальства принадлежало только знатности рода и храбрости, то бы всѣ сія войны могли его пребывать; но единодушное ихъ согласіе положило избрати главою мужа, прославившаго себя множайшими битвами, и болѣе прочихъ опытности пріобрѣтшаго.

По немъ изъ первыхъ шесствуетъ Евстафій, славный по своимъ доблестямъ, а еще болѣе, какъ братъ Годофреда. И Гернардъ, сынъ Государя Норвежскаго, превозносящійся достоинствомъ наименованій и коронами, его ожидающими; Рожеръ Бернавильскій и Энгерандъ подкрѣпляютъ древнюю славу поколѣній ихъ. Женшонъ, Рамбальдъ и двое Жерардовъ опличаются мужествомъ и неустрасимостію.

Достойны также уваженія между ими Убальдъ и Роземондъ, наслѣдникъ Герцогства Ланкашерскаго, величавый Обизонъ, герой Тосканскій, и вы, Ахиллъ, Сфоркъ и

Паламедъ, шри брапа, приносящіе честь Ломбарди! ваши имена провозгласишь все-ленная, и они вознесутся надъ бездною забвенія; равно и швое, храбрый Опшонъ! шы, коего побѣдоносная рука приобрѣла сей знаменитый щипъ, на которомъ изображень былъ младенець въ природной нагошѣ, изъ челюстей змія исходящій.

Могу ли не вспомянушь о Гаспонѣ, Родольфѣ и обоихъ Гвидахъ, прославившихся подвигами? Имена Эрарда и Гарниера должны ли погребены бышь во мракѣ оскорбительнаго молчанія? Но куда вы еще увлекаете меня, Гильдиппа и Одоардъ? Вѣрные любовники, нѣжные супруги, всегда неразлучные! вы слѣдуете другъ за другомъ въ самыхъ ужасахъ битвъ, и вы пребудете также соединены въ пѣсняхъ моихъ.

Любовь! въ чемъ не успѣваете подъ владычествомъ швоимъ? Робкую любовницу превращаете шы въ отважную героиню. Гильдиппа, неразлучная съ супругомъ своимъ, сражаете по спрану его; дни ихъ единую нишь соспавляютъ; нѣтъ болѣзни, нѣтъ раны, обоими неравно ощущаемой. Ударъ, постигающій любовника, поражаетъ любовницу, и жизнь одного истекаетъ язвою другія.

Но Ренальдъ еще въ нѣжномъ цвѣтѣ младости превосходитъ всѣхъ Христіанскихъ Вицязей, и обращаетъ на себя вниманіе всего воинства. На величественномъ челѣ его блистаетъ крошкая горделивость; его подвиги упредили возрастъ и превзошли ожи-

даніе; первые дни весны его произраспили плоды, собираемые другими въ позднюю осень. Покрытый спалію и вооруженный перуномъ, подобился онъ богу браней; слагаетъ шлемъ — и сама Любовь является въ лицѣ его.

Прекрасная Софія дала ему жизнь на берегахъ Адрижа, и могущественный Бершольдъ отецъ его. Усыновленный Машильдою еще въ колыбели и воспитанный при очахъ ея, онъ наставленъ былъ прилично сыну Царскому, и не разлучался съ нею, доколѣ звукъ бранной трубы раздастся онь спранъ Восшока, и воспламенилъ юную отважность его.

Не совершились еще тогда три пятилѣтнія возраста Ренальдова, и онь, сокрывшись онь рукъ, пишавшихъ его, ввѣрился пупи неизвѣстному, преплылъ море Егейское, претекъ берега Греціи, и въ спранахъ опдаленныхъ присоединился къ Христіанскому воинству. Геройское бѣгство . достойное подражанія въ знаменишомъ попомшвѣ его! Три уже года сражался онь, и едва легкой пухъ начиналъ являться на ланишахъ его.

За всадниками шеслвуетъ пѣхопа, и Раймондъ предводитъ первый сонмъ; Тулуза повинуется законамъ его. Онь подошвы Пиринея, онь береговъ Гаронны и Оксана чешыре пысяци воиновъ за нимъ слѣдовали; надежно вооруженные, образованные въ спрогоспи воинскаго порядка, смѣ-

лы въ опасностяхъ, привычны къ трудамъ, храбры во браняхъ, не могутъ имѣшь они вождемъ ни мужесквице, ни опытице своего начальника.

Стефанъ Амбуазскій ведеть пяшь тысящъ Турянъ и Блоазцевъ, хощя покрытыхъ свѣплюю спалию, но слабыхъ прошивостояшь ушружденіямъ. Рожденные подь благошворнымъ и пріятнымъ небомъ, заимствуюшь они опъ спраны своей изнѣженности и роскошную помношь; спремишельны въ первомъ нападеніи, но скоро жаръ ихъ слабешъ и гасешъ.

За нимъ являешся Алкаспъ, съ грознымъ взоромъ и надменнымъ челомъ, подобенъ Капанею подь Фивскими стѣнами. Шестъ тысящъ Гельвешіянъ оставили съ нимъ льдисшыя верхи Альповъ. Смѣлый и гордый народъ сей далъ новое образованіе и благороднѣйшее употребленіе желѣзу, проводившему бразды и раздиравшему нѣдра земли; рукою, паспырскій посохъ держашь приобыкшею, онъ владыкамъ земли брань предлагаешъ.

Наконецъ, подь знаменемъ пройсшвенной мисры и ключей великаго Паспыря, Камилль начальсшвуетъ седмью тысящами воинновъ, покрытыхъ блестящимъ вооруженіемъ. Камилль, гордящійся честію ихъ предводителя, пишаешъ себя надеждою воскресить славу предковъ его и явишь вселенной, что мужесшво Римлянъ еще не из-

чезло, или по крайности въ одномъ польско искусствѣ усугублющъ они древнимъ.

Такъ прошло въ величественныхъ рядахъ своихъ ополченіе крестоносцевъ, изъ которыхъ предводимые Камилломъ были послѣдніе. Удовлетворенный Годофредъ призываетъ первенствующихъ вождей и ввѣряетъ имъ шайну своихъ предпріятій. „Заушра“ сказала онъ „съ первымъ свѣтомъ зари да двигнешя воинство, и да узряшъ враги Свяшый градъ въ облежаніи, прежде нежели ожидающъ погю.“

„Шесшуйте, хр брые рыцари, теки те къ бишвамъ, или паче къ побѣдъ!“ При сихъ опиважныхъ словахъ мудраго Полководца все поколебалось, всѣ сердца закипѣли ревностію, и уже общая нетерпѣливость желаетъ ускорить возвращеніе ушра. Но предусмотрительный Годофредъ, зная всѣ предположя опасности, печется шолько сокрыть ихъ во глубинѣ души своей.

Неложное извѣстіе достигло слуха его, что Владыка Египша приближается къ Газѣ и съ спрашными силами угрожаетъ владеніемъ въ Сирію. Онъ знаетъ предпріимчивость Государя сего, и возрашій посреди браней, не можетъ мыслишь, чшобъ соперникъ его въ то самое время усыпленъ былъ на лонѣ праздности. Не сомнѣваясь обрѣсти въ немъ упорнаго врага, пакъ вѣщаетъ Генриху, испытанному въ вѣрности посланнику своему:

„Возсядь въ легкую ладію и поспѣшай
 „въ Грецію. Рука, никогда неизмѣнявшая
 „испинѣ, начѣршала мнѣ досповѣрную вѣспь,
 „что юный герой, ошрасль Царская, всшу-
 „пилъ въ сію спрану для присоединенія къ
 „ополченію нашему: Дапскій Князь, веду-
 „щій съ собою народы, обипающіе въ хлад-
 „ной поднебесности Медвѣдицы.

„Можешь бышь, пронырливый Грекъ
 „покусишь преклонишь его къ пупи об-
 „рашному, или направишь силы его и му-
 „жество въ спраны, опъ насъ опдаленныя.
 „Вѣрный исполнишь намѣреній моихъ,
 „провозвѣспникъ истины! укрьши сего Кня-
 „зя въ предпріятіи, сопряженномъ съ его
 „и нашею пользою; словомъ моимъ вѣщай
 „ему, да ускоришь своимъ прибытіемъ и да
 „избѣгнешь безславія, коимъ покроешь его
 „малѣйшая медленность.

„Но самъ не возвращайся съ нимъ; пре-
 „будь при Царѣ Греческомъ для ускоренія
 „помощію, поликокрашно обѣщанною, и
 „копорою, какъ союзники, мы опъ него
 „ожидаемъ по взаимному соглашенію.“ Ген-
 „рихъ, снабденный симъ наспавленіемъ и пи-
 „саніями Героя, опсправляется въ пупь, и
 „Годофредъ начинаешъ вкушаешъ спокойствіе.

Уже заря опсверзала солнцу врапа во-
 „спока: послышались сливающіеся звуки
 „пимпановъ и военной шрубы; все прихо-
 „дишь въ движеніе, все попрясаешся. Не
 „сполько пріяшенъ смерпнымъ громъ, обѣ-
 „щающій засохшей землѣ благотворный

дождь, сколько воинамъ, жаждущимъ сражений, бранный звукъ.

Въ жару, ихъ поревающемъ, всѣ возлагающъ на себя твердую сшаль, всѣ спекающся, всѣ спѣшапъ усшонпсья подъ начальствомъ вождей своихъ. Уже просперлись ряды воинства; уже распущены знамена, и среди ихъ являешся шоржеспвенная хоругвь Святаго Древа, надежный залогъ побѣды.

Свѣпимо дня вознеслось на быспропечной колесницѣ своей; яркіе лучи его ударяющъ въ доспѣхи рапные, и отраженіе ихъ сыплетъ искры, далече ослѣпляющія; весь воздухъ кажется въ пламени. Звукъ оружія и ржаніе коней, сливаясь, громко раздвуются въ долинахъ.

Исполняя повелѣнія верховнаго Вождя, пекушатся оградить себя опъ скрыпныхъ засады непріятеля, множеспво легко вооруженныхъ всадниковъ разсѣвающся въ поляхъ и обзорвуютъ положеніе спраны; землекопы уравниваютъ пущь, засыпающъ спремнины и ошверзающъ вездѣ удобные для воинства проходы.

Нѣпъ ни внезапныхъ скопищъ враговъ, ни швердынь, окруженныхъ глубокими рвами, ни паденія водъ, ни крупизны горъ, ни чащи лѣсовъ, кои бы могли удержатъ спремительное шеченіе Хриспіанъ. Таковъ являешся Царь рѣкъ, когда во гнѣвѣ своемъ, возвышая влажный хребетъ, преходитъ брега и несетъ испребленіе въ доли-

ны: нѣтъ оплошовъ, нѣтъ преградъ, могущихъ оспановишь разлишье водъ его.

Единый владѣшлемъ Триполя имѣлъ укрѣпленія, воинство, сокровища и оружіе, — единый онъ могъ пославишь имъ препоны; но не дерзая противишь бурѣ, заключенный въ стѣнахъ своихъ, онъ предлагаетъ дары и испрашиваешъ мира. Съ полною властію, среди его обласшей, Годофредъ подаешъ ему законы и приѣмлетъ его почести.

Съ вершины горы Сеира, опъ восточной страны возносящейся надъ Святымъ градомъ, низходишь въ долину множество Христіанъ; мужи, жены, дѣти приносятъ дары побѣдителямъ. Радосно созерцають они избавишелей и брашнахъ своихъ; удивляються оружію, имъ неизвѣстному, и сіи надежные душеуказашели препровождють Годофреда въ его шествіи.

Никогда не удаляешся онъ опъ бреговъ моря, зная, что близъ ихъ плавають дружественные корабли, обезпечивающіе его въ изобильномъ продовольствіи войскъ и въ помощи. При семъ посредствѣ для него шолько желѣють богатыя жашвы въ оспровахъ Греціи; для него шолько Хіо и Кришь видяшъ созрѣвающимъ грозды свои.

Далече спонешъ пучина подъ тяжестію кораблей; воды пѣняшся подъ веслами легкихъ судовъ. Нѣтъ уже для Срацына убѣжища на Средиземномъ морѣ: встуду обрѣтаешъ онъ или смершь, или рабство. Венеція, Лигурія, Франція, Брипанія, Голландія,

дія и богашая дарами Цереры Сицилія, покрыли влажное пространство ихъ флагами.

Единый духъ движеть сихъ мореплавателей; единый узелъ привязуетъ ихъ къ успѣхамъ великаго предпріятія, и они снабжаютъ воинство запасами, отъ разныхъ береговъ доставляемыми. Таково было положеніе Христіанъ, когда Годофредъ, вступивъ безпрепятственно въ предѣлы невѣрныхъ, скорыми шюпами приближался къ мѣстамъ, орошеннымъ кровію Богочеловѣка.

Но равнодушная провозвѣстница истины и лжи, Молва, распространила уже слухъ о соединеніи побѣдоносныхъ Христіанъ, и что они вступили въ путь, ничѣмъ для нихъ незаграждаемый. Она исчисляеть силы ихъ, именуеть опличнѣйшихъ вицязей, повѣствуетъ о ихъ подвигахъ, и ея грозный гласъ предсказуетъ похищенію Сіона пагубный его жребій.

Спрахъ бѣдствій едва ли не естъ лютейшее зло, чѣмъ самое событіе ихъ. Жадное и безпокойное ухо собираеть всѣ сомнительные слухи, внемлетъ всякому пустословію и несетъ смяшеніе въ душу. Смущенный шумъ распространяется во градъ, пропекаетъ окрестности и возвращается съ вящими ужасами. — Но пиранъ между шѣмъ, съ приближеніемъ опасностей, грозящихъ его старости, упражняль сердце свое варварскими намѣреніями.

Аладдинъ именовался онъ: новый обладатель страны, бывшей ему чуждою, црствуетъ, окруженъ страхомъ и заботами. Преклонность вѣка едва начинала умигчать врожденную жестокость его; но при нашествіи Лаптинцовъ новыя подозрѣнія присоединяются къ прежнимъ безпокойствамъ: онъ спрашиваетъ враговъ, и купно своихъ подданныхъ.

Въ единомъ градѣ смѣшанно обитали два народа, раздѣленные вѣрою: малочисленнѣйшій и слабѣйшій чтилъ Христа; другой послѣдовалъ ученію Магомета. Овладевъ Солимомъ и желая положить Царству своему швердое основаніе, Аладдинъ, въ семь намѣреніи, облегчилъ для невѣрныхъ налоги, и сугубо ими ошягошилъ несчастныхъ Христіанъ.

Тиранъ увѣренъ въ ихъ ненависти, и его жестокость, лѣпами охлажденная, воспыдала съ новымъ раздраженіемъ, съ новыми ужасами; никогда не имѣла она сколько жара и сколько жадности къ пролитію крови. Такъ ядовитый змій, оцѣпенѣвавшій опъ мразовъ зимы, съ наспупленіемъ весенней теплоты возвращается къ жизни еще опаснѣйшимъ; такъ пріученный левъ, когда оскорбляетъ его, по природѣ своей бываетъ грозенъ и яроспенъ.

„Я зрю“ вѣщаетъ Аладдинъ „я зрю
 „въ сихъ невѣрныхъ неложные признаки
 „радости, обновленной въ сердцахъ ихъ.
 „Они услаждаются нашими бѣдспвіями,

„они посмѣваются нашимъ слезамъ. Можешь
 „бышь, вшайнѣ соплепающъ они измѣну и
 „предапельшво; можешь бышь, умышля-
 „ющъ на жизнь мою, или ищущъ ввеспн
 „въ спѣны сіи враждебный народъ, именуя
 „его своими брапіями.

„Нѣшь! я сокрушу ковы ихъ еще въ
 „зарожденіи; погашу гнѣвъ мой въ попо-
 „кахъ крови ихъ, и наводню ею Солинь.
 „Предамъ закланію младенцовъ при персяхъ
 „маперей; пожгу дома, пожгу храмы ихъ
 „и превращу для нихъ въ смерпные косп-
 „ры; на Гробъ, ими обожаемомъ, посреди
 „жертвоприношеній и моленій ихъ, служи-
 „пелей олшаря первыхъ пожрепъ меспъ
 „моя.“

Такъ рекъ нечеспивый въ сердцѣ сво-
 емъ; но безумныя помышленія оспались не-
 исполненны: не жалоспію подвижый, но
 по малодушію проспиль онъ невинныхъ.
 Спрахъ раздражаепъ; силнѣйшій спрахъ
 связуепъ и укрощаепъ яроспъ его. Онъ
 препещепъ мысли погубишъ всю надежду
 къ примиренію и невозвращно ожеспочишъ
 прошиву себя врага, увѣччанаго побѣдою.

Умѣрилъ варваръ порывы несмысленной
 злобы своей, или паче, другое обрѣлъ ей
 насыщеніе. Опустошаепъ поля, низвер-
 гаепъ смиренныя хижины земледѣльцовъ;
 всюду распроспраняепъ пожирающее пла-
 мя; не оспавляепъ воинамъ Запада ни пици,
 ни убѣжища. Жеспочкая предоспорожностъ
 его возмущаепъ воды въ испсчникахъ ихъ, и

къ чистымъ спруямъ примѣшиваешъ смерпоносные яды.

Въ то же время укрѣпляетъ Иерусалимъ: съ прехъ уже спранъ надежно защищенный градъ сей, шолько опъ сѣвера имѣлъ слабѣйшее огражденіе. При первомъ ощущеніи угрожающей опасности Аладдинъ вознесъ новыя спѣны, и собралъ внутрь ихъ множество рапниковъ изъ своихъ подданныхъ и чужеземныхъ, коихъ продажную кровь купилъ злапомъ своимъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Между шѣмъ, какъ ширанъ приготавлился къ наступающей брани, въ единый день Исмень тайно предспаешъ ему — Исмень, сильный изъ глубины гробовъ воззвалъ бездушный прахъ и далъ ему чувствованіе и жизнь — Исмень, опъ грозныхъ коего заклинаній блѣдиѣшъ царь преисподнихъ на самомъ престолѣ своемъ — Исмень, кошорый повелѣваешъ демонамъ, понуждаешъ ихъ рабспвенно служишь въ исполненіи пагубныхъ его намѣреній, связуешъ и разрѣшаешъ ихъ по волѣ своей.

Поклонникъ Магомеша, онъ былъ нѣкогда Христіанинъ. Не испребивъ еще изъ памяти оставленнаго богослуженія, въ нечеспивой и свяшопашспвенной наукѣ своей оскверняешъ священные обряды, и

сѣшиваетъ два закона, никогда въ совершенствѣ имъ не познанные. Нынѣ, изъ мрачнаго жилища, гдѣ упражнялся онъ въ невѣдомомъ ученіи, сѣшивъ, извѣстивъ объ общей опасности, предложишь злобному Царю еще злѣйшаго совѣтника.

„Государь!“ вѣщаетъ онъ: „и шакъ близко уже сіе побѣдоносное, сіе страшное воинство, угрожающее тебѣ нападеніемъ! Но исполнимъ должное: Небо, вселенная дадутъ помощь мужеству нашему. Все предсумошрѣно швоимъ благоразуміемъ; ты удовлетворишь обязанностямъ Царя и полководца, и если каждый изъ насъ ошъ своихъ не уклонится, Іудея будешь гробомъ враговъ швоихъ.“

„Я съ моею шпраны предлагаю владыкѣ моему все, что только могу: хочу раздѣлить и швои шруды и швои опасности; обещаю тебѣ и совѣты опытной шпарости, и всѣ пособія моего знанія; самый адъ принужу сражаться за тебя. — Но внемли шайнствамъ, коими располагаюсь я начать мои дѣйствія.“

„Подъ храмомъ Христіанъ, во глубинѣ шайнаго подземнаго зданія, возвышается жерпвеникъ; на немъ поставлено изображение Той, Которую сей безумный народъ чинитъ какъ Божество, какъ Машеръ Бога, родившагося и погребеннаго. Неугасимый свѣшильникъ горитъ предъ симъ образомъ; онъ облеченъ завѣсою, и окрестъ его привѣшены во множествѣ

„приношенія, посвященныя легковѣрнымъ
„усердіемъ.

„Попребно, да шы самъ своею рукою
„восхишишь сей образъ изъ подземнаго свя-
„пилица; попребно, да шы самъ поспа-
„вишь его во храмъ Музульмановъ, Могу-
„щеспвеннымъ очарованіемъ я содѣлаю его
„вѣрнымъ и надежнымъ хранипелемъ гра-
„да: онъ будешь въ спѣнахъ швоихъ зало-
„гомъ побѣды и безопасности владѣнія
„швоего.“

Рекъ — и убѣдилъ. Тиранъ въ непер-
пѣливоспи своей лепишь къ убѣжищу
Христіанъ, и удаляетъ ошпуда Священ-
никовъ. Рукою свяпощапспвенною изъем-
лешъ образъ ошъ мѣспа его и вносишь во
храмъ, гдѣ шолікокрашно раздражающел
Небеса преспупнымъ и несмысленнымъ слу-
женіемъ. Въ семь мѣспѣ оскверненія, надъ
священнымъ подобіемъ, чародѣй невняш-
нымъ гласомъ произносишь хулы свои.

Но съ возвращеніемъ зари спражъ не-
чеспиваго храма шщепно ищепъ первыми
взорами драгоцѣннаго залога, ищепъ — и
не обрѣшаешь его; спѣшишь къ шيرانу,
копорый, при возвѣщеніи его, возкипѣлъ
яросшію. Безъ сомнѣнія, возопилъ онъ, не-
вѣдомая рука шайно его похишила; и чьей
рукъ сей бышь, кромѣ Христіанской?

Въ самомъ ли дѣлѣ было шо скрыпное
дѣйспвіе руки вѣрнаго, или Небо, возне-
годовавъ на заключеніе въ мѣспѣ, полномъ
скверны, изображенія Царицы Его, Маше-

ри Бога Его, явило силу свою; хипрость или чудо — языкъ молвы въ нервѣшмоспни изрещи того не дерзаетъ. Но конечно безсильна была бы ревность человѣческая, и благочестію пріятно видѣть въ семъ произшествіи чудо всемогущесва.

Мгновенно служители варварства разсѣиваются по храмамъ и жилищамъ Христіанъ; жаднымъ и любопытнымъ окомъ пропекаютъ въ нихъ мѣста сокровеннѣйшія; награды предлагаютъ за опкрытіе; страшными казнями грозятъ тѣмъ, кои бы дерзнули скрыть похищенное, или похищателя. Самъ чародѣй вопрошаетъ таинственную науку, и прибѣгаетъ ко всѣмъ ея пособіямъ; тщетные поиски! безплодные чары! Небо посмѣялось усиліямъ его, и сокрыло предъ нимъ истину.

Свирѣпый Аладдинъ, продолжая подозрѣвать Христіанъ и спыдаясь невозможности изобличить ихъ, весь предается чувству ненависти. Воспламененный гнѣвомъ, увлекаемый неистовымъ испуленіемъ, хочетъ испить, хочетъ, за какую бы то цѣну ни было, дать насыщеніе злобѣ своей. „Погибнетъ,“ восклицаетъ онъ: „погибнетъ сей невѣдомый виновникъ въ общей гибели единовѣрцевъ его!

„Чтобъ только лишишь жизни преслупника, да падетъ испребленіе на праведнаго! да пораженъ будетъ невинный! — Праведный? невинный? . . . О, нѣтъ! всѣ они виновны въ очахъ моихъ. Никогда

„и ни одинъ изъ нихъ не былъ другомъ нашего имени. Хотя бы одинъ сыскался не-причастный новому пресупленію, за дрянную вину достоинъ смерти. Поедемъ, вѣрные мои подданные, поедемъ! мечъ и пламень да вооружають васъ! жгите! за-жогайте!“

Такъ вѣщалъ тиранъ, и его люпыя повелѣнія, вскорѣ познанныя, разносяють ужасъ между Христіанами. Унылы, сокрушенны, смерть уже видяють они предъ собою; не дерзають ни бѣжать, ни защищаться; не мысляють ни умоляють, ни оправдываються. Въ препетѣ, въ нерѣшимости, всё предаются уже опчаянію; но внезапно находятъ спасеніе свое тамъ, гдѣ менѣе могли ожидать его.

Была между ими юная дѣвица съ величественною душою, съ сердцемъ, достойнымъ діадимы. Прекрасна, но небрегла о красотѣ своей, или искала въ ней только того, что можетъ возвысить прелесть добродѣтели; величайшимъ ея совершенствомъ было — скрывать совершенства свои въ спѣнахъ смиренной храмины. Тамъ, въ уединеніи, незнаема, устраниется она отъ очей, похвалъ и ревностныхъ исканій чело-вѣковъ.

Но нѣтъ огражденія, за которымъ бы могла сокрыться красота, достойная взоръ и удивленія. Любовь! уже ли допустишь сіе? Нѣтъ! пы открыла скромное жилище ея желаніямъ юности, воспали-

нымъ своимъ пламенникомъ. Любовь! иногда слѣпошествуя, шествуешь ты съ очами покровенными; иногда, какъ Аргусъ, ничто не избѣгаешь опъ проницабельности твоей: сквозь пыящу преградъ, во глубинѣ таинственнѣйшаго убѣжища, указуешь ты нѣжному сердцу предметъ его обожанія.

Софронія, Олиндъ, въ единомъ рожденные градъ, единому поклоняются Богу. Сколько же скромень любовникъ, сколько прекрасна его любовница. Много желаетъ Олиндъ, мало надѣется и ничего не пребываетъ: или не знаетъ какъ, или не смѣетъ опкрыть свои чувствованія. Софронія или не видитъ, или не понимаетъ ихъ, или небрежетъ о любви его. Такъ досель поработалъ ей себя несчастный Олиндъ, не примѣченный, или мало познанный, или пренебреженный.

Между тѣмъ жестокой приговоръ и бѣдствіе Христіанъ возмущаютъ мирное убѣжище Софроніи. При семъ извѣстїи великая душа ея раждаетъ великую мысль: она хочетъ спасти братьевъ своихъ; движимая мужествомъ и удерживаемая стыдливостїю, наконецъ слѣдуетъ внушеніямъ перваго, или паче, въ прїяптѣйшемъ единствѣ соглашается обѣ сіи добродѣтели.

Одна, среди множества, является юная красавица, не скрываетъ и не выказываетъ своихъ прелестей. Возложивъ покры-

вало на главу и пошупивъ очи, шествуешь она съ видомъ крошкимъ и увѣреннымъ. Сомнѣвающеся око не можешь различить, теклась ли она, или нѣтъ, о своемъ украшеніи; искусство, или внезапность рассыпають на ней пріятности. Счастливая небрежность сія есть даръ природы, любви и Небесъ, ей благодѣтельницающихъ.

Предметъ всѣхъ взоровъ, она ни на кого своихъ не обращаетъ; предстаетъ пирану, и не колеблется, видя пламенный гнѣвъ его, но безспрашно встрѣчаетъ грозный взглядъ. „Удержи,“ вѣщаетъ ему „удержи мечь пвою и рвеніе пвоего народа. „Я опкрою пресупника, тебя оскорбившаго; предамъ рукъ пвоей жертву, коей „пребуешь яросць пвоя.“

При сей величавой смѣлости, при неожиданомъ явленіи гордой и всепокоряющей красоты, едва не смященный, едва не побѣжденный Аладдинъ укрощаетъ гнѣвъ и умягчаетъ люпость взоровъ своихъ. Еслибъ не такъ ожесточенно было сердце его, еслибъ не такъ спрога была непорочность Софроніи, онъ бы воспылалъ любовію. Но красота безъ снизхожденія не побѣждаетъ сердца безъ желаній, и надежда есть первая пища любви.

Любовь не коснулась чувствій варвара; но по крайности проникло ихъ удивленіе, любопытство и пріятность. „Продолжай!“ рекъ онъ „я запрещаю лишать жизни „Христіанъ пвоихъ.“ — „Пресупницу, Го-

„сударь! ты видишь предъ собою; совер-
 „шившаяся папъба есть дѣло руки моей.
 „Я похищила у тебя образъ; я виновна, и
 „меня довлѣетъ наказать тебѣ.“ —

Такъ юная героиня приносишь жизнь
 свою въ жертву общей опасности, и хошешь
 всю тяжесть ея собрать на главу свою.
 Великодушная ложь! была ли когда сама
 испинна достойнѣе почитанія? Тиранъ ос-
 „падался въ недоумѣнїи, и первокрапно
 яросшь его возгорѣшь медитъ. „Я хошу,
 „сказаль онъ, „да опкроешь мнѣ, кто даль
 „тебѣ совѣшь, кто былъ твоимъ сообщни-
 „комъ въ похищенїи?

„ — Не приобщай никого къ славѣ,
 „мнѣ только одной принадлежащей. Кромѣ
 „самой себя не имѣла я ни совѣшника, ни
 „сообщника; одна все совершила. — И
 „пакъ на тебя одну падешъ мой гнѣвъ и
 „мое мщенїе. — Праведенъ судъ твой! мнѣ
 „принадлежитъ слава; мнѣ и наказанїе
 „препертъль должно.“

Тиранъ снова пылаешъ гнѣвомъ. „Гдѣ
 „скрыла ты образъ? — Не скрыла, но
 „предала его пламени; я долгомъ почитала
 „сожещи его, чшобъ спасши опъ оскверне-
 „нїя и хулы нечеспивыхъ. Государь! хищ-
 „ника ли ищешъ ты, или похищенное?
 „Никогда не узришь ты послѣдняго; но
 „виновная предъ тобою.

„Виновная, рекла я? — Нѣшь! я не-
 „винна: можешъ ли быть преступленїемъ
 „возвращенїе сокровища, неуредно то-

„хипростію похипшила образъ, нами покло-
 „няемый? Если она по исполнила, да вѣ-
 „щяеть, какъ? Я, Государь! я виновенъ въ
 „похищеніи.“ — Споль много любилъ онъ,
 увы! равнодушный предметъ его дыха-
 ній! —

„Къ отверстію, коимъ гордый храмъ
 „пвой приемлетъ воздухъ и свѣтъ, возшелъ
 „я нощю, и по спезямъ неприсупнымъ
 „содѣлалъ для себя едва удобный проходъ.
 „Честъ дѣянія опъ меня неопъемлема; я
 „и смертъ прешерпѣтъ долженъ. Да не
 „присвоетъ она казни моей: мнѣ принад-
 „лежатъ узы сіи; для меня гоповишя ко-
 „спертъ, для меня возжигается пламя!“

Софронія, подъявъ очи, кидаетъ на
 Олинда взоръ, исполненный нѣжності и
 соболѣзнованія. — „Чшо возводишь ты на
 „себя, безвинный несчастливецъ? Какая
 „мысль, или какое изспупленіе увлекаетъ
 „тебя? Уже ли неспособна я безъ тебѣ пре-
 „нести все, чшо можетъ гнѣвъ челоука?
 „Во мнѣ такъ же естъ сердце, одно, дерза-
 „ющее на смертъ, не имѣя нужды въ со-
 „поварищѣ къ ея раздѣленію.“

Такъ вѣщяетъ она любовнику, но не
 можетъ поколебать его швердоспи и пре-
 мѣнннхъ намѣренія. О героическое позори-
 ще, гдѣ возвышеннѣйшая добродѣтель бо-
 репся съ нѣжнѣйшею любовію, гдѣ награ-
 да побѣдипелю — смертъ, гдѣ казнь по-
 бѣжденному — жизнь! Видя сію чешу,

споль непоколебимую въ собственномъ обвиненіи, удвоилась ярость мучителя.

Отважность ихъ почившая для себя стыдомъ, мнилъ онъ, что презрѣніе казни есть оскорбленіе лицу его. „Вѣрю имъ обоимъ,“ рекъ безчеловѣчный: „оба увѣнчаны будуть побѣдою и пальмою, коихъ пребудуть.“ — Спекуляторы, послушные гласу его, налагають оковы на Олинда. Любовникъ и возлюбленная его, оба къ единому привязующа сполпу, но, обращенные противоположно, видѣть другъ друга не могутъ.

Окрестъ ихъ возвышается костеръ, и уже мелькаетъ пламень, между тѣмъ какъ несчастный Олиндъ произноситъ къ подругѣ казни своей нѣжныя жалобы, вздохами прерываемыя: „Се узы, жизнь мою съ твоею соединить долженствовавшія! се огонь, ко-
„ему надлежало возжечь сердца наши взаимною страстію!

„Другое пламя, другія узы любовь мнѣ обѣщавала: и се пригопвленныя намъ жестокии жребіемъ! Увы! сколь попечительна была несправедливость его разлучать насъ въ продолженіе жизни, и съ какою люпосію онъ соединяетъ насъ при врашпахъ смерти! Но если уже должно было тебѣ погибнуть споль ужаснымъ образомъ, я благомъ чпу раздѣлилъ твой гробъ, когда не могъ раздѣлить твоего ложа. Оплакиваю участь твою; но моя достойна зависши: я умираю съ тобою!

„Смерть, истинно блаженная! сладостная казнь, еслибъ успа мои, прилѣпленные къ успамъ швоимъ, могли съ послѣднимъ вздохомъ опдашь шебъ душу мою, и воспріяшь швою!“ Такъ сѣшоваль Олиндъ о своемъ злополучіи. — Таковъ былъ крошкѣй ошвѣшь Софроніи:

„Мой другъ! инья мысли, инья слезы, пошребны для сей минушы: помысли о швоихъ слабостяхъ, помысли о шой высокой наградѣ, каковую Небеса обѣщавашу добродѣшели; принеси въ жершву Божешву мученіе швое — и оно будешъ усладительное; усшреми желанія швои къ вѣчнымъ селеніямъ, гдѣ швершное благо шебя ошдаешъ. Возри на прекрасное небо, возри на величешвенное солнце, кошорое, изливая съ лучами швоими ушѣшеніе, призываешъ насъ.“

Музульманинь, пронупый сосшраданиемъ, испускаешъ болѣзненные вопли; вѣрный спонешъ, въздыхая въ безмолвіи. Нѣкое безвѣспное, новое впечатлѣніе касаетъ ожешпоченной души ширана: онъ чувствуетъ его, негодуешъ самъ на себя, и — спрашашъ бышь преклоннымъ къ сожалѣнію — ошвращаетъ взоры, удаляетъ. Одна шы, о Софронія! одна шы не раздѣляешъ общей горешти: предметъ шполикыхъ слезъ, ни одною не орошаетъ очей швоихъ.

Но се являетъ Рыцарь: гордъ и величешвенъ былъ видъ незнакомца. Его вооруженіе, его иноплешенная одежда озна-

чаюпъ , что онъ прибылъ изъ страны опдаленной. Тигръ , возносящійся на шлемъ его , привлекаешь вниманіе зришелей ; по сему знаменитому признаку мнѣшь видѣшь Клоринду — и по была дѣйствительно Клоринда.

Еще въ первыхъ лѣпахъ юности мужественная дѣва пренебрегла забавы и упражненія своего пола. Гордая рука ея не удоспоивала унизиться безславными трудами и вершено съ иглою содѣлашь своимъ занятіемъ. Далече бѣжала она изиѣженности градожишелей и сихъ нерисшупныхъ черпгоговъ , мнимаго убѣжища непорочности , пребывающей безопасно и въ самыхъ нѣдрахъ свободы. Вооруживъ величіемъ чело свое , пріятно ей было казаться суровою ; но при всей суровости всегдашняя прелестъ оживляла черты ея.

Во младенчествѣ еще нѣжная рука ея привыкла усмиряшь борзаго коня ; она дѣйствовала мечемъ и копіемъ ; укрѣпила въ единоборствѣ члены свои и усовершенствовала легкость ихъ въ бѣганіи. Въ чащѣ лѣсовъ , въ ушесисныхъ разсѣлинахъ горъ преслѣдовала люпѣйшихъ звѣрей. Была въ сраженіяхъ — левъ , въ дубравахъ — ловець неушомимый.

Изъ опдаленныхъ областей Персіи пришекла Клоринда сражашься съ Хрисціанами — и уже испытали они крѣпость мышцъ ея. Не единожды успила она поля ихъ членами ; не единожды обатряла воды

кровию ихъ. Первые взоры ея встрѣчаютъ позорище смерти. Движимая любопытствомъ, понуждаетъ коня своего; хочетъ знать, за какое пресупленіе осуждены на казнь сіи несчастные.

Разсупилась предъ нею толпа народная. Клоринда, приближаясь къ костре, наблюдаетъ безмолвіе Софроніи, споны Олинда и мужество, выразительнѣе открывающее себя въ слабѣйшемъ полѣ. Но оны жалосны плачетъ безуспѣшный Олиндъ, и если спонетъ оны, то не собственныя сраданія надываютъ грудь его. Безмолвная Софронія, успремивъ къ небу взоры свои, и прежде смерти казалась опдѣлившеюся оны всего земнаго.

Запрещало сердце Клоринды: и пому и другой соспраждетъ она, и проливаетъ слезы; но живѣйшее чувствованіе привязуетъ ее къ чуждой сокрушенія. Молчаніе Софроніи глубже проникаетъ въ душу ея, чѣмъ воздыханія Олинда. „Прошу тебѣя,“ поспѣшно вопрошаетъ она близъ стоящаго сарца: „возвѣспи мнѣ, кто срадалцы сіи? Какой случай, или какое злодѣяніе привлекло ихъ на мѣсто казни?“

Едва рекла — и сарецъ въ крапкихъ словахъ удовлетворяетъ вопросу ея. Удивленная повѣствованіемъ, въ поспѣ же часъ оцупишельно познаетъ невинность обоихъ. „Нѣтъ! не умрушь они; или прозбы мои, или мое оружіе будутъ безсильны!“ — Такъ помысливъ, спремился къ костре, по-

велѣваетъ угасить пламень и вѣщаетъ спекуляшорамъ :

„Да никто изъ васъ не дерзнетъ исполнить жестокаго долга, доколь не совѣщайось я съ Царемъ вашимъ; онъ не обвинитъ васъ въ медленности, и я за сіе отвѣтствую.“ Ея видъ, слова ея поразили ихъ, и они безпрекословно повинуются. Воинственница приближается къ Аладдину, кошорый самъ ускорялъ вспрѣшить ее.

„Ты зришь во мнѣ Кларинду,“ произноситъ она, „и — можетъ быть — извѣстно тебѣ имя мое. Прихожу для защиты твоихъ областей и мщенія, кунно съ побой, за общій законъ нашъ; повели, и я готова на все опасности. Самыя пруднѣйшія предпріянія не поколеблютъ моей неустрашимости, и самыми легчайшими я не пренебрегаю. Въ полѣ, во внутренности укрѣпленій твоихъ, всюду обрящешь ты помощь руки моей.“

„Храбрая героиня!“ отвѣтствуетъ Аладдинъ: „нѣтъ Царства столь далекаго, нѣтъ столь дикой страны, куда бы не достигли имя и слава твоя. Увѣренный, что раздѣлю съ побой опасности брани, безспрашно иду пропиву ихъ и не сомнѣваюсь въ побѣдѣ. Нѣтъ! еслибъ цѣлое ополченіе присоединилось къ силамъ моимъ, и тогда не имѣла бы я крѣчайшаго упованія.“

„О! какъ медленъ мнѣ являешься Годофредъ, по чувству моей неперпѣливости! — Ты пребуешь, да рука твоя мною

„будеть управляема: знаю, что одни поль-
 „ко великіе, прудные подвиги доспойны
 „мужесва швоего; хочу, да воиншво
 „мое шебъ повинуется, да швои повелѣнія
 „будушь закономъ его.“ Клоринда съ скром-
 „ношю приементъ споль лестное для ея
 „самолюбія привѣстивіе.

„Безъ сомнѣнія удивишься шы“ при-
 „совокупила она „пробованію цѣны за услу-
 „ги, еще несодѣланныя; но, въ полной
 „надеждѣ на благосшъ швою, смѣю въ на-
 „граду себѣ испрашивашь жизнь симъ не-
 „щаснымъ. Умоляю о пощадѣ, хопя бы,
 „при сомнительности преспуленія, могла
 „просишь только о правосудіи. Но я не
 „хочу оправдывашь ихъ; не, хочу пред-
 „спавляшь къ убѣжденію шѣхъ многихъ ви-
 „довъ, кои невинность ихъ мнѣ опкрыва-
 „юшь, и скажу только объ одномъ.

„Виняшь Христіанъ въ похищеніи об-
 „раза; я оприцаю шо, и сильныя причи-
 „ны оправдываюшь мысль мою. Преспу-
 „леніе, оскверненіе свяшныи заключаль въ
 „себѣ совѣшь, преподанный тебѣ чародѣ-
 „емъ швоимъ. Виновию для насъ допустишь
 „кумиры въ молишвенные храмы наши, и
 „шѣмъ болѣе кумиры иновѣрныхъ.

„Пріямно душѣ моей признашь въ ве-
 „ликомъ пророкѣ нашемъ шворца сего чуда.
 „Такъ, оно произведено его могущесшвомъ.
 „Далече опвергаешъ Магомешъ оскверненіе
 „опъ храма своего: опъ запрощаетъ намъ
 „искажашь богослуженіе, имъ усшавленное,

„нечислымъ примѣшеніемъ. Да чародѣйствъ,
 „вуетъ Исмень: волшебство есть его оружіе;
 „но мечъ долженъ блистать въ рукѣ вой-
 „на. Се знаніе наше и единственна на-
 „дежда!“

Она умолкла. Безчувственное сердце Аладдина неприслушно жалости; но не можетъ онъ прошивиться желаніямъ Клоринды: основательность и сила прозбъ ея убѣждаютъ покоренный разумъ его. „Даю „имъ“ сказалъ онъ „и жизнь и свободу. Правда, судіе, или милость! когда невинны — „оправдываю; виновны — прощаю ихъ.“

Разрѣшены узы обоихъ. Но какое чудо! Любовь Олинда воспламенила сердце нечувствительное. Онъ уже любимъ; уже скоро счастливый супругъ, для коего пламя казни превратилось въ брачный свѣтильникъ! Олиндъ хопѣлъ умереть съ Софроніею — и признательная Софронія хочетъ раздѣлиться съ Олиндомъ припносши жизни.

Но снѣдаемый подозрѣніемъ пиранъ спрашивается въ обласняхъ своихъ споль рѣдкаго мужества, споль рѣдкой добродѣтели. Опчужденные по его велѣнію опечесства, и пошь и другая далече опъ Палестины ищутъ убѣжища. Симъ не кончилось гоненіе: множество Христіанъ повержено въ узы; другіе осуждены на изгнаніе. Опчаянны, въ слезахъ, оппоргающа опъ нѣжності супругъ, лобзанія чадъ и послѣднихъ объятій родителей.

Жесткая разлука! Аладдинъ обращаетъ удары свои на пѣхъ единственно, коихъ крѣпость и смѣлость почищаетъ опасными. Жены, дѣти, спарцы, полпа слабая и беззащитная, оспяются въ рукахъ его залогомъ вѣрности опцовъ, чадъ и супруговъ. Изъ сихъ злополучныхъ, скипающихъ и разсѣянныхъ, нѣкоторыя приемятъ оружіе: опчаяніе заглушаетъ въ нихъ и страхъ и чувствованія природы; они присоединяются къ ускоряющему шествію воинству и срѣпаются его подъ стѣнами Еммауса.

Еммаусъ! предѣлы свои касаются предѣламъ Солима, и пушникъ, изшедшій упроромъ, до девяти часовъ дня переходитъ ихъ косящею спопою. О! какъ возрадовались, узрѣвъ себя, Хрисіане! Какое нетерпѣніе подвигло, восхипило мужественныя души ихъ! Но солнце свершило болѣе половины пути своего, и Годофредъ опвергаетъ удовлетворитъ жару, ихъ порывающему.

Уже, по его велѣнію, шапры были разбишы, уже свѣшило дня погружалось въ нѣдрахъ моря, когда явились въ спанѣ двое знаменитыхъ мужей, имѣющихъ спранную поступь и одежды неизвѣсныя. Все возвѣщаетъ въ нихъ миръ и дружество. То были посланники обладателя Египта, въ пышномъ и величественномъ сопровожденіи.

Алепъ именовался первый. Не имѣя ни предковъ, ни извѣстности, изъ среды праха возвысился онъ до подножія престола. Ласкапелъ краснорѣчивый, пронырливъ, уклончивъ, всегда измѣняющій наружность свойствъ и обращенія, искусно облакаепъ себя прищворствомъ и хитростію; навывкшій соплепашель клеветы, и въ самыхъ похвалахъ своихъ скрываетъ коварное порицаніе.

Вспорый былъ Черкашенинъ Аргантъ. Спранникъ, прежде невѣдомый при Дворѣ Египта, но возсѣдшій потомъ въ числѣ санраповъ его, храбростію достигъ онъ первѣйшихъ воинскихъ почестей. Нешерпѣливъ, упоренъ, свирѣпъ, неупомимъ, непобѣдимъ въ битвахъ, презрипелъ всего священнаго, чинилъ онъ единый мечъ закономъ и основаніемъ своихъ дѣйствій.

Просаятъ о переговорахъ — и ихъ допускаютъ предъ Годофреда. Сѣдящій съ начальниками воинства, являлъ онъ просипоту и въ видѣ и одеждѣ; но для истиннаго мужества, блистающаго собственнымъ свѣтомъ своимъ, не нужны чуждыя украшенія. — Аргантъ взираепъ на него съ хладнокровіемъ надменнаго величія, и едва малымъ удостоиваепъ привѣтствіемъ.

Но Алепъ, руку приложивъ къ персямъ, съ поникшими очами, глубоко преклоняепся и воздаепъ ему всѣ почести, какія Египтянинъ приносипъ владыкамъ своимъ. Вишійсиво, сладчае меда, исшекаетъ изъ

успѣ сего посланника, и Хриспіане; безмолвствуя, внемлютъ его вѣщаніямъ:

„Великій воинъ,“ начинае шь онъ
 „единъ доспойный повелѣвае шь поликимъ
 „числомъ знаменипыхъ героевъ, обязан-
 „ныхъ мужеспву швоему и швоей мудрости
 „завоеваніями и пальмами, собранными еще
 „прежде, нежели совокупились они подъ
 „начальспвомъ швоимъ! сполпы Иракловы
 „не полагаю шь предѣловъ славы швоей; она
 „уже возгремѣла между нами, и наполнила
 „Египецъ молвою о швоихъ подвигахъ.

„Но чудеса споль необычайныя, на кои
 „всѣ мы взираемъ въ изумленіи, не сполько
 „удивляю шь Монарха нашего, сколько при-
 „нося шь ему удовольспвія. Пріятны ему о
 „нихъ повѣспованія; любилъ онъ въ шебѣ
 „шо, что другимъ внушае шь зависъ и
 „опасеніе: любилъ храбрость швою, и хо-
 „щелъ, да, раздѣленные вѣрою, по край-
 „носпи въ чувешпованіяхъ, онъ и пы, бу-
 „дете соединенны.

„Движимый симъ благороднымъ желані-
 „емъ, онъ просилъ у тебя мира и дру-
 „жеспва. Добродѣшель буделъ узломъ со-
 „единенія вашего, когда вѣра былъ имъ не
 „можешъ. Но извѣспясь, что вооружился
 „шы для низверженія преспола его союз-
 „ника, его друга, онъ восхопѣлъ, прежде
 „нежели возгорилъ пламень брани, оп-
 „крылъ шебѣ чрезъ насъ тайну души своей.

„Если, довольный побѣдами, донинѣ
 „пріобрѣпленными, согласенъ будешъ оспа-

„вишь въ покоѣ Палестину и области, по-
 „кровишельспивуемая его скипетромъ, онъ
 „съ своей страны обѣщаетъ подкрѣплятъ
 „еще колеблющееся владычество пвое. Ка-
 „кая сила дерзнетъ возшанъ на васъ со-
 „единенныхъ? Могушь ли Олишоманы и
 „Персы уповатъ когда-либо возникнушь
 „опъ препергѣнныхъ ими поражений?

„Государь! важность и быспроша по-
 „бѣдъ швоихъ удивятъ опдаленнѣйше въ-
 „ки. Будушь прославлятъ разбише ополче-
 „ний, разрушеніе швердынъ, превозможеніе
 „опасностей, опверснше неизвѣстныхъ пу-
 „шей предъ швоимъ мужествомъ, попрясе-
 „ніе и смяшеніе далечайшихъ областей еди-
 „нымъ слухомъ швоего нашеслвія. По шо-
 „ликихъ подвигахъ, можешь быть, пред-
 „успѣешь распроспранитъ швои владѣнія;
 „но вопще ласкался бы пы пріобрѣсти по-
 „вую славу.

„Твоя достигла послѣдней высоты своей,
 „и не должно подвергать ее случаямъ вой-
 „ны неизвѣстной. Побѣдивъ, распроспра-
 „нишь пы свои владѣнія, но не славу; по-
 „бѣжденный, упратишь и области и ува-
 „женіе. Безразсудно и дерзоспно было бы
 „все ввѣрять швенравію шаспія, когда и
 „шаспіе едва ли уже можешь пріумножитъ
 „чѣмъ-либо швои выгоды.

„Можешь спашься, сокровенные враги,
 „завидующіе величію и могущеспву шво-
 „ему, будушь пишатъ совѣшями жаръ, шебя
 „увлекающій; можешь спашься, упоенный

„надеждою побѣдипь еще, пошому чшо пы
 „всегда побѣждалъ; обладаемый пылкимъ
 „желаніемъ, споль могущеспвеннымъ надъ
 „душами великими, повелѣвапъ народомъ,
 „плапящимъ дань и порабощеннымъ — пы
 „паче удаляпсья будешь мира, чѣмъ другіе
 „убѣгаютъ брани.

„Рекупъ, чшо надлежитъ слѣдовапъ
 „проспраннымъ пупемъ, опверспымъ шебѣ
 „судьбою; чшо не должно осшавляпъ про-
 „славенный мечъ, опвѣспвующій шебѣ
 „за побѣду, доколѣ Магомешъ падешъ съ
 „его служеніемъ, доколѣ содѣлаешъ изъ Азіи
 „обширную пустыню. — Сладкія ласка-
 „шельспва! мечпы очаровашельныя, кои
 „часто увлекаютъ оболъщеннаго ими въ не-
 „избѣжную гибель!

„Но когда ненависть не ослѣпляетъ ше-
 „бя, когда не погашаетъ она свѣспильника
 „пшого разума: шо усмотришь, чшо брань,
 „не имѣя никакихъ для шебя надеждъ, всѣмъ
 „угрожаетъ; чшо непоспоянное и преходя-
 „щее шаспіе сыплешъ попеременно успѣхи
 „и преврапности, и чшо не рѣдко, при
 „самомъ высочайшемъ воспареніи, низвер-
 „гающа въ ужаснѣйшую пропасть.

„Вѣщай мнѣ: если богатый, могуще-
 „спвенный, спрашный Египецъ ополчипъ-
 „ся на пагубу пвою; если Опшоманъ, Персъ
 „и сынъ Кассана совокупапся на пвое по-
 „раженіе: шо какіе оплошы пропшвопоспа-
 „вишь ихъ спремленію? гдѣ обрящешъ по-
 „мощь въ пвоихъ опасностяхъ? Можешъ

„бышь, уповаешь ты на зависпливую Гре-
„цію, на вѣрноссть ея, клятвами упверж-
„денную?

„Вѣрноссть Грековъ! О! кому не-
„извѣстны они? . . . Испышавъ уже еди-
„ножды, или паче тысящекратно, преда-
„пельсшва сего алчнаго и коварнаго наро-
„да, научись спрашишься его: они опказа-
„ли тебѣ въ пропускѣ чрезъ земли свои, и
„ты ожидаешь, чшо кровь и жизнь ихъ бу-
„душъ принесены въ жершву тебѣ!

„Можешь бышь, возлагаешь ты всю
„свою надежду на сіи войска, кои окружа-
„ютъ тебя; можешь бышь, уповаешь по-
„бѣжденныхъ побою раздѣльно и еще по-
„бѣдишь въ соединеніи? Но ты зрѣлъ ис-
„пробленіе людей швоихъ войною и болѣзня-
„ми; но Египтянинъ, новый врагъ, присо-
„единишся къ Туркамъ и Персамъ, побѣж-
„деннымъ побою.

„Или судьбы обѣщали тебѣ всегда бышь
„непреодолимымъ во браняхъ, и ты самъ
„прочель сіе въ предопредѣленіяхъ Неба?
„Хощу пому вѣришь съ побою; но гладъ
„ожидаетъ тебя. Какая помощь, какое
„убѣжище защитишь тебя опъ зла сего?
„Возшпанъ прошиву его съ мечемъ и копіемъ,
„и мечнай еще о побѣдѣ!

„Пламень распростеръ вездѣ опусшоше-
„ніе; мудрая предумопрішельность всюду
„и все ишпребила; прежде швоего сюда
„вспупленія всѣ дары земли заключены въ
„Солимъ и швердыняхъ его: но ты, дони-

„нѣ предводимый опважноспію, гдѣ обрѣ-
 „спи можешь продовольспвіе воинамъ, пи-
 „щу конямъ пвоимъ? Речешь, чшо кораб-
 „ли спасушь тебѣ опъ оскудѣнія. И пакъ,
 „порабощенный вѣспрамъ, хочешь необхо-
 „димое для тебѣ содѣлать зависящимъ опъ
 „премѣнчиваго ихъ дыханія?

„Или, можешь бышь, щастіе пвое и
 „вѣспрами повелѣваешь, разрѣшаешь и свя-
 „зуюшь ихъ по волѣ своей? Можешь бышь,
 „послушныя тебѣ волны моря, ни моленій,
 „ни воплей нашихъ не внимлющаго, предъ по-
 „бою шолько согбенны? Можешь бышь пакъ,
 „же ласкаешь себя надеждою, чшо Еги-
 „пешъ, Персія и Турція, въ соединеніи
 „ихъ, кораблеополченію швоему шолько же
 „грознаго пропивопоспавишь не могушь?

„Попребна, Государь, двоякая побѣда
 „къ успѣху въ швоемъ предпріятіи: упра-
 „ва единой влечешь за собою для тебѣ
 „посрамленіе и гибель. Разбишіе кораблей
 „швоихъ предасъ тебѣ всѣмъ ужасамъ гла-
 „да; преперпѣвшему пораженіе на сушѣ
 „шоржесиво на морѣ будепъ безъ пользы.

„Если, при всѣхъ шолико сильныхъ по-
 „бужденіяхъ, еще опшвергнешь миръ, предла-
 „гаемый тебѣ могущеспвеннымъ обладапе-
 „лемъ Египша — Государь! проспи моей
 „опкровенности — увѣренный въ швоей
 „доблести, я не буду увѣренъ въ швоемъ
 „благоразуміи. Да благоволишь Небо внуше-
 „ніемъ своимъ преклонишь тебѣ къ совѣшамъ
 „мира! да возврапшся шобою спокойспвіе

„Азіи, и наконецъ да возможешь и ты самъ,
„по шюликихъ браняхъ, вкусишь плоды по-
„бѣдъ своихъ!

„И вы, сподвижники въ шпудяхъ и по-
„бѣдахъ его, знаменишые вишызи! ласкае-
„мые благосклонною улыбкою коловрашнаго
„счаспія, брегитесь ввергнушь въ новыя
„брани, брегитесь ополчитъ прошиву себя
„новыхъ враговъ. Подобно пловцу, избѣ-
„жавшему опасностей невѣрной пучины,
„успокойтесъ напоследокъ въ шихомъ при-
„спанищѣ и своенравію волнъ не предавай-
„тесъ!“

Алепъ умолкъ — и угрюмый шопопъ
героевъ былъ опвѣпомъ вишійспву его: я-
сно выражалось негодование въ ихъ видѣ и
движеніяхъ. Годофредъ все сіе наблюдалъ
внимательнымъ окомъ, и увѣрять въ общемъ
расположеніи, шакъ опвѣшспивуетъ послан-
нику:

„Служитель Монарха Египетскаго! ты
„искусно соединилъ въ словахъ своихъ ла-
„скапельспва съ угрозами. Если Царь швой
„любитъ меня, если хвалитъ подвиги на-
„ши, я умѣю опвѣшспивовать его чувспво-
„ваніямъ; но на возвѣщеніе швое о соеди-
„ненномъ вооруженіи реку тебѣ свободно и
„съ обыкновеннымъ моимъ чиспосердечіемъ:

„Знай, что мы пренебрегли опасности
„земли, опасности моря и суровость пре-
„мѣнъ воздушныхъ для шого единспвенно,
„да опшкроемъ себѣ путь къ спѣнамъ Свя-
„шпаго града, да избавимъ Солимъ опъ горь-

„каго рабства, его угнѣшающаго. Въ семь
 „великомъ намѣреніи ревнуя быти достпой-
 „ными благости Бога, насъ пушеводству-
 „ющаго, мы не спрашимся опваживаеиъ
 „щипепную славу, наши облаени и самую
 „жизнь.

„Не алчность ко злашу, не гордое же-
 „ланіе побѣдъ были побудительными при-
 „чинами нашего предпріятія. Отець не-
 „бесный да испоргнетъ изъ сердцеъ на-
 „шихъ сѣмена яда, споль пагубнаго! да не
 „поперпипъ, чшобъ онѣ, заразивъ чувсшва,
 „испребили наши добродѣтели: да управ-
 „ляеиъ нами всегда десница Его, коея
 „прикосновеніе смягчаеиъ сердца, согрѣ-
 „ваеиъ и воспаменяеиъ ихъ!

„Она предводииъ насъ въ шесшви
 „сквозъ пыящу опасностей, всѣ преграды
 „сокрушаеиъ предъ нами; она уравниваеиъ
 „горы и изсушаеиъ рѣки; она умѣряеиъ
 „зной лѣта и хладъ зимы, укрощаеиъ
 „гнѣвныя волны, связуеиъ и разрѣшаеиъ
 „дыханіе вѣтровъ; она опверзаеиъ предъ
 „нами и разрушаеиъ швердыни, пожинаеиъ
 „и разсыпаеиъ цѣлыя ополченія.

„Она внушаеиъ намъ мужество: въ ней
 „полагаемъ мы упованіе; въ ней, а не въ
 „бренныхъ силахъ своихъ, не въ корабле-
 „ополченіяхъ, не въ соединенныхъ воинств-
 „вахъ Европы и Греціи. При ея покрови-
 „пельствѣ можемъ ли спрашпшься оскудѣ-
 „нія въ пособіяхъ? Кому извѣстно, какъ
 „защищаеиъ и поражаеиъ она, шопъ не

„ищеть другой помощи прошиву зла, ему
„грозящаго.

„Но еслибъ, въ наказаніе заблужденій
„нашихъ, или по неисповѣдимымъ судьбамъ
„Вышняго, мы опщещились Его подкрѣп-
„ленія: — о! кшобъ изъ насъ не почель
„благомъ обрѣспи гробъ свой близъ Гроба
„Спасителя! Умремъ, не завидуя шѣмъ,
„кои преживушъ насъ; умремъ, но не безъ
„опшщенія! Азія не посмѣется жребію на-
„шему, и мы не слезами распворимъ чашу
„смершную.

„Не мни однакожъ, чшобъ мы успра-
„нялись мира, подобно какъ спрашашся и
„бѣгушъ ужасовъ брани: мы не пренебре-
„гаемъ дружеспва швоего Владыки, не оп-
„вергаемъ союза, имъ предлагаемаго; но
„шебѣ извѣсно, повинуется ли Іудея за-
„конамъ его? Почтожъ ей бышъ предме-
„помъ его попеченій? Да не запрещаешь
„намъ побѣждашъ Царспва, ему чуждыя,
„и спокоень, въ нѣдрахъ своихъ обласпей,
„да управляетъ ими въ счастливой безмя-
„шешности!“

Услышавъ данный великимъ Вождемъ
опшвѣтъ, Арганпъ воскипѣлъ гнѣвомъ и до-
садою: превозмогаемый сими чувспвованія-
ми, съ молніеноснымъ взоромъ приближается
невѣрный къ Годофреду. „Ты не хочешь ми-
ра?“ вѣщаетъ онъ: — „и брань будетъ часпъ
„швоя; пы желаешь ее, когда опвергнулъ
„условія, Владыкою нашимъ шебѣ предлага-
„емыя.“

Съ тѣмъ купно возьмешь полу одежды своей, образуетъ сгибъ ея въ подобіе обширнаго нѣдра, и еще оскорбилельнѣе, еще суровѣе возглашаетъ: „О дерзоспный презришель опасностей! здѣсь миръ и брань, соединенны, приношу тебѣ: избирай самъ; но избирай въ сіюжъ мишу.“

При сихъ словахъ, при семъ обидномъ движеніи восплаютъ всѣ Христіанскіе Герои: всѣ, не ожидая, что скажетъ Полководецъ ихъ, грозно восклицаютъ: *брань!* *брань!* Тогда варваръ, распусшивъ полу, соприясаешь ее. „Возвѣщаю вамъ брань,“ произноситъ онъ „и возвѣщаю смертельную!“ По дерзновенному, ужасному виду почли бы его Римляниномъ, опровергающимъ храмъ Януса.

Казалось, что изъ груди его изпоргалась несмысленная ярость и безбожный раздоръ; казалось, пламенникъ фурій возжигалъ очи его. Таковъ, безъ сомнѣнія, былъ горделивецъ, воздвигшій прошиву Небесъ столпъ заблужденій и смѣшенія; таковымъ зрѣлъ его древній Вавилонъ, когда возносилъ онъ надменную главу свою, угрожая свѣшлать.

„Пріемлемъ,“ опивѣспивоваль Годофредъ брань, вами возвѣщенную; рекипе Царю вашему, да придетъ онъ, да поспѣшишь, или насъ ожидаетъ на брегахъ своего Нила.“ Напоследокъ, съ видомъ крошкимъ опускающая ихъ, вручаетъ почешные дары:

даешъ Алепу богатый шлемъ, пріобрѣ-
шенный въ покоренной Никіи.

Арганшъ получилъ мечъ, коего злая
рукоять осыпана была драгоценными ка-
меньями; но искусство художника блистало
въ немъ еще болѣе, чѣмъ вещество, вхо-
дившее въ составъ его. Варваръ окинулъ
разсѣяннымъ окомъ богатство и украшеніе
меча. „Ты скоро узришь,“ сказалъ онъ Го-
дофреду, „какъ употреблю я дары твои.“

Они удалились. — „Разлучимся!“ вѣ-
щаетъ Арганшъ: „я съ наступленіемъ ноци
„войду въ Іерусалимъ, а ты, по возвраще-
„ніи у пра, воспримешь путь къ Египту.
„Ни мое присутствіе, ни мои писанія та-
„мо не нужны. Извѣсти Монарха нашего
„объ отвѣстѣ Христіанъ; а я не хочу
„ославишь мѣстѣ, гдѣ господится позорище
„бишвъ.“

Такъ мирный посланникъ во врага пре-
вращается, не размысливъ, приличенъ ли,
или противенъ благомыслию поступокъ его,
и не оскорбляетъ ли народное право нару-
шеніемъ издревле принятыхъ обычаевъ.
Увлекаемый пылкимъ рвеніемъ — прежде не-
жели разверзъ уста свои Аленъ — уже
печетъ онъ, при безмолвномъ мерцаніи
звѣздъ, къ спѣнамъ Солима, и оставляетъ
клеврепа своего въ равной неперпѣли-
вости.

Ночь облекла природу чернымъ покро-
вомъ; тишина царствовала и въ воздухѣ
и надъ водами; казалось, молчала вселенная.

Упомненные пвари, жипели влажной стихіи, свирѣпые насельники вершеповъ и лѣсоель, пшицы и всѣ сущесва, преданныя сладкому сну, въ шайнспвенныхъ ужасахъ мрака и безмолвія забывали пруды свои, радости и прискорбія жизни.

Но Хриспіане и вожди ихъ не смыкають вѣждъ своихъ и не вкушаютъ покоя. Съ жадносшію ожидаютъ они возвращенія зари, долженспвующей освѣспивъ и скончашъ пущъ ихъ. Безпокойное, внимашельное око усспремляютъ они въ небеса, и ищутъ вспрѣспивъ первые лучи, грядущіе разсѣять мрачныя шѣни.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Уже дышешъ прохладный вѣспрь, предпекущій улиру; зоря воспашешъ и смѣшпваешъ небесныя розы со злапомъ лучей своихъ. Вооружилось все Хриспіанское воинспво, и спашъ наполняется восклицаніями. Рапшныя шпруды еще въ живѣйшихъ, еще въ громчайшихъ шпонахъ выражаютъ общее веселіе.

Съ мудростію и благоразуміемъ управлешъ Годофредъ жаромъ воиновъ, кошпрый шпруднѣе укропшъ, чѣмъ удержашъ воды, низвергающіяся въ пучину Харибды, или яроспное дыханіе Борей, когда онъ, поспрясая верхи Аппенина, корабли въ ки-

пящихъ волнахъ погребаетъ. Далъ знакъ — и двинулись въ пущь: спремипельно шешивіе ихъ, но въ быспропѣ своей повинуется гласу, правило и мѣру ему полагающему.

Лепяшъ — и полепъ сей недовольно скоръ еще для ихъ желаній: кажешся имъ, что земля медленно изчезаетъ подъ спопами ихъ. Уже солнце, возвысаясь, умножило пламень лучей своихъ; палящій зной пожигалъ поля, и внезапно Іерусалимъ предспавляешся взорамъ ихъ: всѣ указуюшъ его другъ другу, и множеспво смѣшанныхъ голосовъ повпоряюшъ: *Іерусалимъ! Іерусалимъ!*

Таковы являюпся дерзновенные пловцы, на неизвѣспномъ морѣ, подъ незнаемымъ небомъ ищущіе новыхъ бреговъ: долго заблуждая по произволу обманчивой спихии и невѣрныхъ вѣспровъ, напослѣдокъ опкрываюшъ они желанную землю, издалуче привѣспивуюшъ ее радоспными восклицаніями, указуюшъ одни другимъ, и при семъ зрѣлицѣ забываюшъ скуку, шруды и безпкойспва, ими поперифнныя.

Но радоспъ, симъ первымъ видомъ внушенная, мгновено премѣняешся въ глубокую гореспъ, соединенную со спрахомъ и благоговѣніемъ. Едва дерзаюшъ они возвеспи очи ко граду, избранному жилищу Спасителя, гдѣ прешерпѣль Онъ смерпъ, былъ погребенъ, и съ шоржеспвомъ воскресъ во плоти челоука.

Тихія восклицанія, невянятно произносимыя изреченія, спономъ, вздохами и слезами прерываемыя, выражающъ скорбь и радость, во едино сліянные; воздухъ шумилъ и трепещеиъ. Такъ въ густошѣ лѣсовъ вѣтры дышущъ, завывая между листьями; такъ волна, ударяясь о камни и разсыпаясь на брегъ, шипилъ, ревешъ, грохочешъ.

Съ ногами необувенными, по примѣру вождей, Хрисціане приближающъ къ Солиму; всѣ свергли съ себя злато и шелковыя шкани; всѣ оспавили шлемы и украшенія, на нихъ развѣвавшіяся; изъ смирившихся и въ чувствво ничпожесшва погруженныхъ сердець бѣгущъ гордосш и суеша мірская. Ланипы ихъ орошены слезами горящей любви; но они еще винапшъ себя въ несовершенсшвѣ умиленія.

„Се“ вѣщаешъ въ себѣ каждый воинъ „се, о Искупишель мой! мѣспа, напоенныя „Твоею кровію! — и мои очи, при возрѣннн на нихъ, не содѣлались еще двумя спочниками слезъ? . . . и мое оледенѣвшее сердце еще не распаяло? . . . Ожеспоченное, безчувспвенное сердце! шы еще „не сокрушено, еще не расперзано? — „Увы! вѣчныхъ достойно шы слезъ, не „проливая ихъ нынѣ.“

Между пѣмъ спражъ невѣрныхъ, съ вышшы одной изъ швердынъ проспирая быстрый взоръ въ долину и горы, уже видпшъ вдалькѣ возносящіеся вихри праха.

Скоро образуется изъ нихъ кашащаея шуча ; сверкая и пламенѣя , кажется , несетъ она въ нѣдрахъ своихъ перуны и молніи . Наконецъ различаетъ онъ блестящія оружія , воиновъ и коней ихъ .

„О Небо!“ вопіетъ : „какое облако праха , помрачаетъ воздухъ ! — какъ возгарается оно ! — Къ оружію , граждане ! къ битвѣ ! , восходите на стѣны ! — врагъ приближается!“ Тысящи устъ повшоряють грозную вѣсть ; всѣ спѣшаютъ , всѣ емлются за оружіе ; — повсюду слышенъ вопль : „Се , врагъ ! зрите ужасную шучу , горизонтъ , облегающую !“

Младенцы , престарѣлые , слабыя и беззащитный сонмъ , робкая толпа женъ , ни нападають , ни защищаются неспособная , спѣшаютъ во храмы лжепророка проливать мольбы и слезы . Мужественнѣйшіе , опважнѣйшіе жипшели уже вооружились ; пекутъ ко врагамъ , летяють на стѣны града . Аладдинъ всюду являешся , все видишь и на все распроспраняетъ свое попеченіе .

Давъ повелѣнія , возходишь онъ на возвышенную швердыню , опкуда взоръ его объемлетъ и долину и горы . Опсюду можеть онъ и наблюдають всѣ движенія , и спѣшно преходишь шуда , гдѣ было бы нужно его присутствіе . Герминія сопровождаеть его , прелестная Герминія , по кончинѣ опца своего и покореніи Антиохіи нашедшая при Дворѣ его убѣжище .

Клоринда между пѣмь исходишь на по-
пекъ, и съ нею множесиво рашниковъ; но
она всѣхъ упреждаетъ. Арганпъ, занявъ
сокрытое мѣсто, готовъ подкрѣпить ее.
Увѣщаніями и еще болѣе неуспрашимымъ
видомъ своимъ воинственница одушевляетъ
опважность сопутствующихъ ей. „Поспѣ-
„шимъ“ возглашаетъ она „блиспашельнымъ
„началомъ положишь основаніе надеждамъ
„Азіи!“

Она вѣщала еще, какъ толпа Христи-
анъ, увлеченныхъ желаніемъ добычи, воз-
вращалась къ воинству съ опогнанными
сподами. Клоринда нападаетъ на нихъ;
вождь ихъ, усмотрѣвшій героиню, самъ про-
тиву ея успремляется. То былъ Гордонъ,
опважный Рыцарь, но весьма слабый ей
противоборникъ.

Вспрѣчаются — и одинъ ударъ низвер-
гаетъ на землю Гордона предъ очами сво-
ихъ и невѣрныхъ. Радостно послѣдніе вос-
кликнули, извлѣкая изъ перваго успѣха къ
продолженію брани щастливое, но щецп-
ное предзнаменованіе. Клоринда впоргаетъ
ся въ ряды враговъ; рука ея множится въ
пораженіяхъ, и спочисленные удары лепяпъ
въ единое мгновеніе. Воины ея шекутъ ей
во слѣдъ по спезѣ, уравненной силою и оп-
верстой мечемъ ея.

Она возвращаетъ добычу. Христиане,
уклоняясь, опспушаютъ медленно на близъ
лежащую возвышенность, гдѣ, соединясь,
укрѣпляются. Тогда, подобень быспро-

печной молнии, вырывающейся изъ облака, храбрый Танкредъ, по велѣнію Годофреда, лещишь имъ на помощь.

Смѣль и грозень былъ видъ юнаго Рыцаря; съ необыкновенною легкостію управлялъ онъ огромнымъ копіемъ своимъ. Аладдинъ, замѣтивъ его съ высоты швердыни, судишь, что надлежишь бышь ему однимъ изъ отличнѣйшихъ Христіанскихъ героев. „Царевна!“ рекъ онъ Герминія, коей сердце уже препенало: „въ печеніи войны „продолжишельной безъ сомнѣнія навыкла „пы познавашъ сихъ Рыцарей, даже и подь „вооруженіемъ, закрывающимъ ихъ.

„И пакъ, кшо сей, имѣющій споль гор- „деливый видъ и поступъ споль дерзно- „венную?“ Герминія хопѣла опшѣпснво- ванъ — и вздохъ, вырвавшийся изъ спѣ- сненной груди, сомкнулъ уста ея; заблнспа- ли влажныя зеницы. Удерживаетъ она и свои вздохи и свои слезы; но прелестныя розы лица ея покрылись жидкими перлами, и часишь заключеннаго вздоха слепѣла съ дрожащихъ устъ.

Пошомъ, скрывая подь завѣсою ненави- сти крошчайшее чувствование: „Увы!“ рек- ла: „я много знаю его. Много причинъ, „Государь, начерпавшихъ образъ Рыцаря „сего въ душѣ моей и научившихъ меня раз- „личашъ его между тысящами. Часто зрѣ- „ла я, какъ наводнялъ онъ поля кровію „моихъ подданныхъ; какъ наполнялъ глубо- „кіе рвы ихъ шрупами. Небо! коль тяж-

„ки удары жесшюката! Нѣтъ правъ, нѣтъ
„шайнштвъ къ уврачеванію ранъ, какія на-
„носишь онъ.

„Танкредъ имя Князя сего — и, ахъ! ес-
„либъ могла я когда-либо имѣть его своимъ
„плѣнникомъ! — Нѣтъ! я не желала бы,
„чпобъ онъ погибъ въ сраженіяхъ; я бы хо-
„пѣла живаго взять его: я бы хотѣла,
„чпобъ сладкая мечь успокоила волну-
„ющія меня движенія.“ Рекла и съ послѣд-
ними словами ея вылепаетъ вздохъ, щещи-
но заглушаемый. Аладдинъ мыслитъ ви-
дѣть ненависть шамъ, гдѣ вѣщаетъ языкъ
любви.

Между шѣмъ Клоринда и Танкредъ на-
падають другъ на друга; оба взаимно по-
ражають себя въ забрали шлемовъ. Со-
крушенныя древки копій лепятъ щепами;
но ударъ, разпоргнувъ подвязи Клоринди-
на шлема, оставляетъ ее съ беззащит-
ною и обнаженною главою. Слетѣлъ на
землю шлемъ; вѣпръ волнуется злаповид-
ныя власы ея — и грозный воинъ превра-
щается въ красоту небесную.

Блнспають очи ея, взгляды какъ мол-
нія; но милыя и въ самой ярости, чпо бы-
либъ они, оживленные улыбкою? . . . Тан-
кредъ! гдѣ блуждаютъ мысли швои? гдѣ
взоръ швой покоится? Уже ли не позна-
ешь лица, побою обожаемаго? — Се чер-
пы, воспламенившія душу швою! — Серд-
це швое, въ коемъ онъ напечатлѣны, ска-

жесть шебъ: се красота, искавшая пѣни и прохладенія при уединенномъ источникѣ!

Прежде не позналъ онъ ее ни по вершнику шлема, ни по щипу, девизомъ украшенному. Видишь ее — узнаешь — и нѣмѣюшь всѣ члены его. Клоринда, прикрывъ главу свою, возобновляетъ нападеніе. Танкредъ, уступая, опсшраняется. На другихъ ошягошѣла крѣпкая рука Рыцаря; другихъ поражаетъ во множествѣ громовый мечъ его; но непреспающая слѣдовать за нимъ Клоринда поспигаетъ его. Грознымъ гласомъ вопіетъ она: спой! спой! — и въ одно мгновеніе двѣ смерти ему представляетъ.

Рыцарь поражаемый, не поражаетъ взаимно: не сколько занимаетъ его попеченіе о своей защитѣ, сколько прелестныя очи, изъ коихъ любовь пускаетъ мѣлкія стрѣлы. Тщепны, мысленно вѣщаетъ онъ, тщепны удары руки твоей, исчезающіе въ воздухъ; но не мимо падаютъ исходящіе ошъ красоты твоей: они пронзаютъ сердце мое.

Рѣшился наконецъ, хотя безъ надежды въ успѣхъ, не унесши съ собою во гробъ тайну любви своей. Пусть узнаетъ Клоринда, что она поразитъ окованнаго пѣтника, умоляющаго и шреншущаго у ногъ ея. „О ты,“ рекъ онъ: „ты, что во множествѣ враговъ, кажешься, меня одного почиташешь врагомъ своимъ! спѣши, удалимся ошсель; одни, въ успраненіи, мы удоб-

„Нѣ можемъ измѣрить силы свои и познать себя.“

„Вѣрнѣйшій опытъ покажетъ поуда, равняюсь ли я тебѣ въ мужество.“ Она приемлетъ вызовъ, и не помышляя о шлемѣ, коего не имѣетъ уже, отважно скачетъ впередъ; унылый, безоправданный Танкредъ за нею слѣдуетъ. Герония уже готова къ битвѣ, уже нападаетъ. „Стой!“ возглашаетъ онъ: „прежде нежели сразимся, положимъ условія.“

Остановилась одна — и опчаянная любовь исполняетъ отважноствію другаго. — „Когда ты“ сказалъ онъ „не хочешь мира со мною, предлагаю условіе, да испоргнишь сердце мое; сердце, надъ которымъ я уже не властенъ, жаждетъ смерти, если жизнь его тебѣ пропивна. Давно тебѣ оно принадлежитъ: возми его! я не имѣю права къ защищенію.“

„Се грудь моя! почему не поражаешь? Попробна ли помощь рукъ твоихъ? — попробно ли обнаженную и беззащитную предать се ударамъ твоимъ? рука моя свергнетъ доспѣхи.“ — Несчастный любовникъ хотѣлъ еще въ живѣйшихъ выраженіяхъ объяснить мученія свои; но въ самое время бѣгутъ невѣрные, и воины Танкредовы преслѣдуютъ ихъ.

Спрахъ ли по былъ, или припворство, но Срацины убѣгали предъ Христианами. Одинъ изъ сихъ, безчувственный, видитъ распустившіеся и вѣтромъ разеваемыя

власы Клориндины, возносить руку, спремишся въ пыль поразить ее. Танкредъ испускаешъ вопль, шепчетъ — и мечъ свой прошивопоставляетъ мечу убійственному.

Ударъ не былъ безъ дѣйствія. Клоринда легко поранена: нѣсколько капель крови обатрили бѣлую выю и смѣшали пурпуръ свой со запахомъ власовъ ея. Такъ подъ рукою искуснаго художника драгоценный мешалъ блестящъ рубиновымъ пламенемъ. Разгнѣванный Танкредъ съ обнаженнымъ осиріемъ кидается на презрѣннаго убійцу.

Бѣжишь малодушный! . . . Танкредъ съ усугубленною яростию его преслѣдуетъ. Оба лепяшъ, подобно спрѣль, воздухъ разсѣкающей. Клоринда въ изумленіи, недвижима, долго не совращаетъ съ нихъ взоровъ своихъ, и не мысля гнаться за ними, напоследокъ удаляешся съ бѣгущими воинами; но часто предспавляетъ Христіанамъ грозное чело свое, часто нападаетъ на нихъ; взадъ и впередъ обращаетъ, попеременно гонитъ и опспушаетъ. Нѣтъ въ движеніяхъ ея ни бѣгства, ни побѣды.

Таковъ свирѣпый волъ, въ обширной оградѣ со псами сражающійся: когда предспавляетъ имъ рога свои, они утекаютъ; когда бѣжишь, дерзновеннѣе возвращающся и его преслѣдуютъ. Бѣгущая Клоринда прикрываетъ щипомъ главу свою, и не преспаешъ опражать сыплющіеся на нее удары, подобно Мавру, который въ играхъ

своихъ, даже убывая, защищаешь себя отъ мячей, въ него повергаемыхъ.

Уже и Срацины и Хрисіане достигли укрѣпленій Солима. Внезапно первые произносящъ спрашныя вопли, обпекающъ далече, возвращаются на Хрисіанъ и швѣнящъ ихъ съ пыла и съ боковъ. Двигнувшійся съ своею дружиною Арганъ нападаетъ на нихъ прямо въ чело ополченія.

Звѣровидный Черкесь выплываетъ изъ рядовъ, горя неперѣвнѣемъ нанесши первый ударъ. Уже всадникъ, низверженный подъ коня своего, влачится во прахъ; еще иные падающъ по спрану его; но сокрушилось ужасное копіе Арганово и разлетѣлось на часпи. Съ мечемъ вторгается онъ въ средину Хрисіанъ, умерщвляетъ, низлагаешь, или ранишь всѣхъ, кого шолько поспигнешъ рука его.

Клоринда, подражая ему, пресѣкладни доблеспвеннаго Арделіона. Рыцарь сей въ преклонности вѣка сохранялъ еще непреборимую крѣпость: имѣлъ двухъ сыновъ подпорою своей спароспи, но подпорою щещною въ роковое мгновеніе. Алкандръ, спаршій изъ нихъ, бывъ жеспко раненъ, не могъ уже бдѣшь надъ главою, полико ему любезною. Полифернъ, возлѣ его сражаясь, едва успѣлъ спасти самаго себя.

Танкредъ, не поспигнувъ варвара, обрѣпшаго спасеніе въ легкости коня своего, озираетъ вспящъ, видить Хрисіанъ увлеченныхъ безразсудною дерзоспію; ви-

дипть ихъ окруженными; и — въ одинъ мигъ является на мѣспѣ сраженія. Соимъ браиноносный, всюду лепящій на опасноспи, печепь по слѣдамъ его.

То были свободные Рыцари, цвѣпть героевъ, избранная сила ополченія. Мужеспвеннѣйшій, прекраснѣйшій Ренальдъ, предваряя всѣхъ, кажепся быспрѣйшимъ молніи. Скоро Герминія познала его по величеспвенному виду и щипу, на копоромъ изображень былъ царь пернапыхъ въ лазурномъ полѣ. „Се“ рекла она Аладдину, не совращавшему съ него взоровъ своихъ: „се „безспрашнѣйшій изъ випязей!

„Можепть быпть, въ цѣломъ мѣрѣ нѣпть соперника, его dospойнаго — и онъ еще въ „первой юности лѣпть своихъ! Если бы воинство враговъ нашихъ подкрѣплялось хоппя шесперыми споль же грозными Рыцарями, то побѣжденная Азія спенала бы „уже въ оковахъ Хриспіанъ; народы Юга „и Воспока шрепепали бы подъ законами „ихъ, и можепть быпть, самый Ниль, скрывающійся въ испочникѣ, не спасъ бы опъ „ига ихъ невѣдомой главы своей.

„Ренальдъ именуепся онъ. Раздраженная рука его опаснѣе парановъ спѣпнамъ „нашимъ. Простри, Госудррь, далѣе взоры „свои: зри воина, коего броня украшаепся „злашомъ и зеленою: се храбрый Дудонъ. „Знаменипый происхожденіемъ и подвигами, онъ предводитпть свободныхъ Рыцарей:

„равный съ ними въ мужествѣ, по преимуществу лѣшь избранъ ихъ начальникомъ.

„Въ другомъ, коего поспушь споль надменна и коего покрываешъ темноцвѣтное вооруженіе, пы видишь Гернарда, брата Царя Норвежскаго. Не шягопиль еще землю смерпный горделивѣйшій, и сей шолько единый порокъ мрачиль славу его дѣяній. Два Рыцаря, въ бѣлыхъ доспѣхахъ, съ бѣлыми украшеніями, супъ Гильдиппа и Одоардъ, чеша, прославляемая сполько же по воинспвеннымъ доблеспямъ, школко по любви ихъ и вѣрности.“

Между шѣмъ смерщносная бипва сильнѣе возгараешся. Танкредъ и Ренальдъ разпоргли густые ряды оружія и воиновъ, ихъ окружающихъ. Дудонъ и его сподвижники, приспѣвшіе шуда, множащъ поражение и смерть. Арганшъ, самъ Арганшъ подъ сильною мышцею Ренальда колеблешся, и поверженный, воспашеш съ шрудностию.

Гибель варвара, вѣрояпно, была бы неизбѣжна; но въ сію минушу спощкнувшійся конь Ренальдовъ увлекаеш всадника въ своемъ паденіи. Между шѣмъ, какъ герой освобождаетъ былъ опъ сего бремени, невѣрные, разсыпавшись, бѣжали къ Солиму. Арганшъ и Клоринда одни шолько пропшвоборспвуютъ, одни спспавляютъ оплощ все разрушающему спремленію.

Опспупаютъ послѣдніе. Усилія Христіанъ на нихъ остановляюшся, или паче ослабѣваютъ. Подъ сѣнію мощной руки

ихъ Срацины избѣгають поспигающей ихъ опасности; но распаленный Дудонъ спремился за побѣдою, пускаетъ на Тиграна коня своего, низвергаетъ пропивника, и ударомъ меча отдѣляетъ главу отъ шѣла его.

Твердая спаль не защитила Алгазара отъ пораженія. Врѣпкій Корбанъ не обрѣлъ никакой помощи во шлемѣ своемъ. Амурашъ лишается подъ ударами героя жизни, скорбя о потерѣ ея. Мегемель и жеспюкой Алманзоръ низложенные, глопають персь земную; и надменный Аргантъ не можетъ избѣгнуть пораженія.

Трепещеть онъ отъ ярости; иногда, оспавоваясь, возвращается; послѣ еще опсупаешь; наконецъ внезапно вержется на Дудона, и сильнымъ ударомъ опверзаетъ въ боку его глубокую и смертельную рану. Падаешь Рыцарь; люшый, послѣдній сонъ смыкаетъ пягошѣющія вѣжды его.

Три крапы опверзаетъ онъ очи свои, и ищеть убѣгающаго свѣта; при крапы покушается приподнять себя на рукѣ своей, и при крапы упадаешь. Мрачный покровъ проспираетъ надъ его вѣждами; пошупляясь, они закрываются. Хладнымъ попомъ орошающа неподвижные члены, и подъ шяжкою рукою смерти оцѣпенѣвъ, леденѣють. Свирѣпый Аргантъ, не оспавнавливаясь надъ безжизненнымъ шрупомъ, скачеть далѣе.

Но и въ самомъ бѣгствѣ, обращаясь къ христіанамъ, вопіесть: „Воины! сей окровавленный мечъ естъ вчерашній даръ вашего Полководца; возвѣстите ему, какъ я нынѣ упошребилъ его. Безъ сомнѣнія, причина будетъ ему вѣсть сія. Онъ конечно съ удовольствіемъ услышитъ, что даръ его равняется богатству въ добротѣ своей.

„Скажите ему, что самъ онъ скоро испытаетъ силу меча сего, и если уедетъ лишь нападеніемъ, я самъ неожиданно явлюсь, даже подъ наметомъ его.“ Раздраженные дерзостію невѣрнаго Христіане порываючися напасль на оскорбителя; но ускакавъ, онъ съ своими соединяется и подъ стѣнами града обрѣшаетъ надежное убѣжище.

Съ высоты стѣнъ осажденные сыплютъ каменный дождь; пучи сырѣль помираютъ воздухъ. Христіане принуждены къ опустуленію, и Срацины входятъ въ Солимъ. Но возспавшій опъ паденія Ренальдъ припекаетъ къ Рыцарямъ.

Воспаленный гнѣвомъ, спѣшитъ онъ мещинъ за смерть Дудона звѣрскому убійцѣ. „Кто васъ еще удерживаетъ?“ гласитъ онъ сподвижникамъ своимъ: „чего вы ожидаете? Лишась вождя своего, лишась героя, почто не шеемъ къ опущенію? Какъ! въ праведномъ гнѣвѣ, насъ поревающею, уже ли брѣнное укрѣпленіе поспавитъ намъ преграду?“

„Нѣтъ! хошя бы изъ птвердѣйшей спа-
 „ли, изъ непроницаемаго адаманша соспав-
 „лена была спѣна сія, никогда въ ограж-
 „деніи ея свирѣпый Арганль не найдетъ
 „себѣ убѣжища опть пораженій вашихъ! На
 „приснупь, на приснупь, шовариши!“ —
 Рекъ — и первый ленипъ къ спѣнѣ. Подъ
 зашипою шлема не спрашипся онъ ни вер-
 женія камней, ни града спрѣль, свиспя-
 щихъ надъ нимъ.

Подъемлепъ гордую главу, обращаетъ
 къ осажденнымъ грозное чело, на кото-
 ромъ дышетъ мужеспвенная опважноспъ,
 и одинъ видъ его вносипъ ужасъ — въ
 нѣдра укрѣпленій, препенъ — въ сердца
 зашипниковъ спѣнѣ. Но между пѣмъ какъ
 онъ ободрялъ Хриспіанъ и угрожалъ Сра-
 цинамъ, является нѣкто укромипъ жаръ
 его: то былъ мудрый Сигіэръ, спрогій про-
 возвѣспникъ Годофредовыхъ повелѣній.

Порицая именемъ верховнаго Вождя не-
 оспорожное рвеніе, повелѣваетъ имъ воз-
 врапипся немедленно. „Удалипесь!“ вѣ-
 щалъ онъ: „не здѣсь и не въ сей часъ дол-
 „жно вамъ предаваться гнѣву вашему. По-
 „винуйпесь: се еспъ воля Годофреда!“
 Оспановилса Ренальдъ; но шрепещетъ опть
 неперпѣливоспи, и досада, едва сокрываема-
 я, проницаетъ въ его видѣ и движеніяхъ.

Хриспіане возврапиплись, и невѣрный,
 свидѣтель ихъ опспуленія, не дерзнулъ
 возмупипъ его. Тѣло храбраго Дудона не
 лишипся послѣднихъ почеспей: вѣрныя

друзья, со слезящими очами, подъемлюсь на своихъ раменахъ сіи почтенные и любезные ошапки, между нѣмъ какъ Годофредъ съ одной возвышенности обозрѣвалъ положеніе и укрѣпленія Свяшаго града.

Солимъ расположенъ на двухъ противоположныхъ горахъ неравной высоты, разлучаемыхъ долиною, раздѣляющею и градъ, укрѣпленный отъ прехъ спранъ самою природою. Съ чепвертой отъ сѣвера вела къ нему покапость, непримѣнно возвышающаяся; здѣсь глубокіе рвы и высокія стѣны окружали его крѣпкою защипою.

Внутренность града снабдѣна водохранилищами, дождемъ наполняемыми, водопроводами и испочниками; но внѣшности предшавляють только обнаженную и песчаную землю; ни одинъ испочникъ, ни одинъ ручей не орошали ее; никогда не украшалась она цвѣтами; никогда древо подъ величавымъ своимъ осѣненіемъ не давало убѣжища отъ палящихъ лучей солнца. Только за шестъ миль или далѣе возвышался лѣсъ, коего зловѣщій мракъ распро-спранялъ окрестъ его ужась и уныніе.

Со спраны, освѣщаемой первыми лучами дневнаго свѣшила, Іорданъ кашипъ прославленные и счастливыя спруи свои. Съ запада Средиземное море шумипъ на пескахъ, предѣлы ему полагающихъ. Съ сѣвера лежишь Вефиль, воздвигшій нѣкогда жертвенники злапому пельцу, и невѣрная Самарія. Вифлеемъ, колыбель Богоче-

ловѣка; заземлѣть спрану, оиъ коей бурныя шучи проспирающе нахмуренное чело свое.

Въ то время, когда Годофредъ обозрѣвалъ градъ, его положеніе и окреспности, когда вѣрнымъ окомъ измѣрялъ мѣсто для спана своего, и избиралъ спрану спѣнь, на копорую выгодые можешъ учинишь нападеніе, Герминія узрѣла его, и указавъ Царю, рекла: „Вишязь, кего видишь, Годофредъ, въ пурпуровой мантіи, исполненный поликою важностию и величіемъ — ешь Годофредъ.“

„Испинно для скиптра рожденный, изобилень въ способностяхъ и ополчашься, и царствовашь; великій Вождь и мужеспенный Рыцарь, оиъ спольже силенъ въ битвахъ, какъ и въ распоряженіяхъ. Между зримымъ побюю множеспвомъ Христіанъ не могу указашь тебѣ ни единого, кто бы превосходилъ его и въ храброспи и въ благоразуміи. Раймондъ въ совѣсахъ, Ренальдъ и Танкредъ въ сраженіяхъ, многу бышь единеспвенными его совмѣспниками.“

„Онъ извѣспенъ мнѣ,“ сказала Аладдинъ: „я видѣлъ его нѣкогда въ землѣ Франковъ, при семь гордомъ Дворѣ, гдѣ я былъ посланникомъ обладашеля Египша; зрѣлъ, какъ онъ пошрясалъ копіемъ въ респалницѣ. Онъ едва изшелъ шогда еще изъ младенчества; но уже видѣ его, сло-

„ва и дѣйствія предзнаменовали высокое
„назначеніе.

„Предзнаменованіе, увы! съ излишешствомъ неложное!“ Такъ вѣщая, смятенный Аладдинъ пошупляеть взоры свои; но потомъ, принявъ спокойнѣйшій видъ, продолжаетъ: „Кто сей воинъ, облеченный „багряницею и, по видимому, предспавляющійся равнымъ ему? Менѣе возвышенъ „шаномъ, но какъ черпы ихъ между собою „сходны!“ — „Се Бадуинъ:“ опвѣстивуешь Герминія: „по его виду, а еще болѣе по „его подвигамъ не трудно познашь брата „Годофредова.

„Другій по спрану Военачальника, дающій, какъ видится, ему совѣты, естъ „Раймондъ, о мудрости коего я вѣщала тебѣ. Съдины покрыли его въ браняхъ, и „нѣтъ ни единого изъ Христіанъ искусишь „его въ воинскихъ хипроспяхъ. Далѣе опъ „нихъ видимый, въ позлащенномъ шлемѣ, „естъ Вильгельмъ, сынъ Государя Бришанскаго.

„Зри Гельфа, доспойнаго соперника „Героевъ, поликожь знаменипаго саномъ, „какъ и происхожденіемъ. Я познаю его по „широтѣ мышць, по проспранной груди „его. Но — мой жеспокій врагъ, убійца „Бомондъ, истребитель рода моего? — Я „не обрѣшаю его между всѣхъ сихъ Рыцарей.“

Между пѣмъ Годофредъ, обзрѣвшій все, къ своимъ возвращается. Удосповѣрясь въ безуспѣшности нападенія на Солимъ въ мѣ-

спахъ утесистыхъ и неприступныхъ, повелѣваетъ устроитъ спанъ въ долину прошиву врагъ сѣверныхъ и продолжитъ до краугольной твердыни.

Въ семь пропаяженіи объемлетъ онъ близъ шрепей части града; и хопя не имѣлъ способовъ всецѣло окружитъ его, но, заградивъ по возможности все пуши, къ нему ведущіе, и занявъ важнѣйшія мѣста, устроитъ опъ осажденныхъ всякую внѣшнюю помощь.

И дабы обезопаситъ спанъ свой опъ исхожденія ихъ и нападенія чужеземцовъ, защищаетъ его полевыми укрѣпленіями; повелѣваетъ ископать глубокіе и широкіе рвы. Удовлешворивъ симъ важнымъ потребностямъ, поспѣшаетъ воздать шѣлу храброго Дудона священный и печальный долгъ. Воздыхающей и скорбящей сонмъ окружалъ шѣло сіе.

Оно проспершо было на возвышенномъ одрѣ, кошорый вѣрные друзья Рыцаря украсили воинскими почестями. Съ пришествіемъ Годофреда усугубились спенанія горести; но сѣшованіе, заключенное въ душѣ его, не являло во внѣшности ни яснаго спокойствія, ни мрачнаго унынія. Сосредоточень въ самомъ себѣ и устремивъ взоры свои на безжизненные оспашки Рыцаря, онъ пребылъ въ молчаніи нѣсколько времени, и пошомъ произнесъ:

„Храбрый воинъ! не о тебѣ должны мы воздыхать и проливать слезы: ты

„кончилъ здѣсь жизнь, чшобы водвориться
 „въ селеніяхъ вѣчности. Мѣсна, гдѣ осна-
 „вилъ ты смерпную одежду, наполнены
 „пвоею славою и пвоими доблеспями. Ты
 „жиль, ты низшелъ въ юдолъ смерпи, какъ
 „Герой и Христіанинь. Блаженный въ
 „нѣдрахъ Божесшва, вѣнчающаго подвиги
 „пвои, погружающійся въ Его неизмѣримо-
 „спии, ты вкушаешь радость безконечную.

„Наслаждайся блаженспвомъ своимъ. Не
 „пвой, но нашъ жребій оплакиваемъ бышь
 „должень. Лишаясь тебя, мы перляемъ пре-
 „краснѣйшую часть самихъ себя. Но если
 „сіе прехожденіе, опъ непросвѣщенныхъ смер-
 „птію именуемое, опъемлеть у насъ помощь
 „руки пвоей, ты можешь въ жилищѣ из-
 „бранныхъ испросить намъ помощь самага
 „Бога.

„Прежде зрѣли мы тебя смерпнаго, съ
 „бреннымъ копіемъ за насъ подвизавшагося;
 „нынѣ, къ безсмерпнымъ соприсчисленный,
 „ты будешь споспѣшествовать намъ во бра-
 „няхъ съ невидимымъ и небеснымъ оружіемъ.
 „Не опвергни почеспей нашихъ; будь за-
 „щипникъ намъ, прибѣжище въ опасно-
 „спяхъ. Нѣкогда побѣдоносны и поржесп-
 „вующи, мы исполнимъ во храмахъ обѣщанья,
 „нынѣ тебѣ нами приносимые.“

Такъ вѣщаль Годофредъ — и уже шем-
 нопна ноци омрачила послѣдніе лучи скон-
 чавшагося дня. Сладкій сонъ приходишь
 подашь опраду сѣпующимъ, удержавъ сле-
 зы и гореспъ Христіанъ; но Вождь ихъ, за-

нимающійся осадою Солима, помышляесть о сооруженіи бойницъ, и едва на крапкое время предаеся успокоенію.

Купно съ солнцемъ восплаесть уже и хощесть самъ сопровождасть печальное шестпвіе. Изъ душистаго кипариса пригошповлень былъ гробъ, и при подошвѣ одного возвышенія, въ виду спана, гордый пальмъ осѣнялъ могилу своими вѣшьями. Тамо полагають пѣло Рыцаря, между пѣмъ какъ служители олпаря въ священныхъ пѣснословіяхъ умоляли о успокоеніи души его небесную Благоспѣ.

Тамо на вѣшьяхъ пальма привѣшены профейи и оружія, храбростію Дудона, въ сраженіяхъ болѣе счастливыхъ, опъ Сиріянъ и Персовъ пріобрѣтенныя; къ шому же древу прикрѣплены были его лапы и вооруженіе, съ начерпаніемъ словъ: *Здѣсь погребенъ Дудонъ. Мимоходящій! почти прахъ Героя.*

Исполнивъ сей горестный и священный долгъ, Годофредъ посылаетъ древодѣлашелей подъ надежнымъ прикрышіемъ въ близъ лежавшій лѣсъ, таившійся въ углубленной долинь. Сиріянинъ указаль его Франкамъ, и тамъ-по воздвигнушся орудія къ разрушенію стѣнъ Солима.

Оживленная единомушіемъ ревностъ ихъ понуждаесть стенасть древа подъ усугубляемыми ударами сѣкиры. Всѣ общими силами наносятъ пораженія древнему лѣсу, никог-

да еще оныхъ неиспытавшему. Священный пальмъ, дикая ясень, надгробный кипарисъ, сосны и ели падаютъ подъ остріемъ спали; вязъ лишается жизни съ виноградною лозою, его объемлющею.

Посѣкаются пины и дубы, пысящекрашно видѣвшіе возобновеніе весны и своихъ лисвій, пысящекрашно прошивосполавшіе въ крѣпости своей порывамъ раздраженныхъ вѣтровъ. Колесницы спонупъ, оси скрипятъ подъ тяжестію, ихъ бременящею. Опъ звуковъ оружія, опъ смѣшанныхъ воплей Хрисіанъ дикіе звѣри бѣгутъ изъ логовищъ, и успращенные пицы оспавляютъ гнѣзда свои.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Между шѣмъ, какъ все споспѣшествуетъ ускоритъ соспавленіемъ орудій къ разрушенію спѣнъ Солима, вѣчный врагъ человекъ обращаетъ на воинство Хрисіанское взоры, возженные мрачнымъ огнемъ ненависти. Видя ревность, оное оживляющую, пламенѣетъ ярость его; самъ онъ раздраетъ себя собшвенными угрызениями, и подобный волу, пораженному смершельнымъ ударомъ, изрыгаетъ скорбь свою вздохами и рыканіемъ.

Мгновенно мысли его усремляются къ совокупленію всѣхъ люпѣйшихъ золь на главу Хрисіанъ. Онъ повелѣваетъ, да

въ мрачномъ его жилищѣ соберется ужасный свѣтъ. Безумный мнишь, что неиспов-
снво его можешь пропировоборспвовапъ опре-
дѣленіямъ Вышняго; дерзаетъ равнять
себя съ Нимъ, и забываетъ, какія молніи,
какія смертоносныя стрѣлы мечетъ дес-
ница Бога мспшпеля!

Дикимъ и заунывнымъ гласомъ адская
труба жшпелей вѣчныя шмы созываетъ;
колеблется шартаръ въ темныхъ и глубо-
кихъ его пропашпяхъ; безсвѣпный воздухъ
оптвѣпшвуешъ гласу ея продолжшпелнымъ
дрожаніемъ. Тако, или еще менѣе, реву-
щій перунъ гремитъ, разсыпается въ шре-
скахъ и падаетъ; менѣе ужасны колебанія,
понуждающія шренешапъ землю, когда шпер-
шіеся въ нѣдрахъ ея пары, приходя въ дви-
женіе, возгараются и извергають пламень.

Сшремшптельно шпшекають могущешва
бездны. Небо! какіе шпранные, гнусные,
шпранные шпзраки; смерпъ и ужасъ обш-
пашють въ очахъ ихъ: шные въ образѣ чело-
вѣка, шощуть мрачный долъ звѣршными
погами; шасы ихъ шпешены змїями; ог-
ромный и раздвоенный ошпбъ свшваешся
кольщобразными шгшбами.

Тамъ являющіяся во множешствѣ шмердя-
щія Гарпш, Кеншавры, Сфшнксы и блѣд-
ныя Горгоны; несшпшныя толпы лающшхъ
и ненасышныхъ Сшллъ. Шшпашъ Гшдры,
швшпашъ Пшоны, Шшмеры дышуть пла-
менемъ. Тамъ шредешашють люшые Поли-
фемы, Гершоны, шшсшща новыхъ чудовшщъ,

тысяща уродливыхъ видовъ, какихъ воображеніе никогда не мечпало — смѣшанные и во едино сліянные.

Они заемлютъ мѣста по шуй и десной странѣ угрюмаго царя ихъ. Сѣдящій посреди, онъ держитъ въ рукѣ своей твердый и тяжкій скиптръ; его надменное чело, вооруженное грозящими рогами, возносится превыше горъ неприступныхъ, превыше крупѣйшихъ скалъ. Кальпа, неизмѣримый Апласъ, въ сравненіи съ нимъ, явились бы малыми холмами.

Ужасное величество, въ свирѣпыхъ чертахъ напечатлѣнное, множитъ страхъ и сугубитъ гордость его; взгляды, подобный кометѣ, гибель предвозвѣщающей, сверкаютъ ядомъ, очи его напоющимъ; густая, длинная и гнусная брада, влачась, разстилается по власистой груди; уста его, испочающія нечислную кровь, разверзаются, какъ обширная пропасть.

Изъ сихъ зараженныхъ устъ исходитъ ядовитое дыханіе съ вихрями дыма и пламени. Такова Эпна, изъ разженныхъ нѣдръ своихъ изрыгающая съ ужаснымъ прескомъ черные ручьи сѣры и жупела. При грозномъ гласѣ его молчитъ устрашенный Церберъ, нѣмѣетъ Гидра, Коцилъ останавливаетъ печеніе, бездна препещетъ и мрачные вертепы ея повпоряютъ гибельныя его изреченія:

„Адскія божества, вы, паче достойныя „возсѣсть превыше солнца, въ оныхъ перво-

„бышыхъ обласяхъ вашего рожденія! вы,
 „вы, коихъ великій переворотъ низвергъ
 „древле со мною изъ обипелей блаженства
 „въ сіи ужасныя темницы! не буду напоми-
 „нашь вамъ ни о ревнивыхъ подозрѣніяхъ
 „Власпишеля, опягопившаго на насъ руку
 „Свою; ни о славномъ, но чрезмѣру бѣд-
 „свенномъ предпріятіи, къ которому по-
 „будило насъ гнѣвное чувство оскорбленна-
 „го самолюбія. Превознесенный надъ всѣмъ,
 „Онъ управляетъ міриадами звѣздъ; а насъ....
 „послѣдствіе осудило бышь возмущителями?
 „Вмѣсто сего чистаго и яснаго дня,
 „вмѣсто сего солнца, вмѣсто сихъ блиста-
 „ющихъ свѣтилъ, кои нѣкогда были на-
 „шимъ жилищемъ, жестокой заключилъ насъ
 „въ мрачную пропасть; не потерпѣлъ,
 „чтобъ помышляли мы достигнуть попе-
 „рянныхъ почестей, перваго счастья. И
 „еще — о лютое, ужасное воспоминаніе,
 „раздражающее мою скорбь и мои муче-
 „нія! — въ безсмертное жилище сіе не-
 „нависть Его возвала человѣка, Имъ со-
 „твореннаго, насѣкомое, толико же пре-
 „зрѣнное, какъ и прахъ, бывшій началомъ
 „его.

„Но сего мало было для Его мщенія:
 „къ умноженію казней, тягопящихъ насъ,
 „Онъ предалъ въ жертву смерти самаго
 „Сына Своего. Пришелъ сей Сынъ — и со-
 „крушилъ врага адскія; дерзнулъ проник-
 „нуть въ мѣста, нами обладаемая; дерз-
 „нулъ испоргнуть существа, жребіемъ намъ

„преданныя. Обогащяся корыстїю, опть
 „нась похищенною, Онъ возвратился въ не-
 „беса, и побѣжденный шаршарь послужилъ
 „украшеніемъ шоржеству Его.

„Но почшо возобновляшь еще глубокую
 „горесть нашу? Кому не извѣсны шѣ по-
 „руганія, шѣ оскорбленія, кои мы опть Не-
 „го прешерпѣли? Въ какое время, въ ка-
 „комъ мѣсшѣ удержалась мшшящая рука Его
 „опть непрерывныхъ намъ угнѣшеній? За-
 „будемъ прежнія досады; новыя гнѣвъ нашъ
 „воспламенишь долженшвешь. Ахъ! или
 „не видите, какъ покушаешся Онъ при-
 „влечь всѣ народы къ Его служенію?

„И мы, удрученные бѣдшшвїемъ, мы бу-
 „демъ влачишь въ бездѣшшвїи время без-
 „полезное? И благородное рвеніе не воспа-
 „лишь нашей отважностіи? И мы потер-
 „пимъ, да съ каждымъ днемъ величество
 „народа, покореннаго законамъ Его, возра-
 „стаешь въ Азіи, да возобладаешь онъ Па-
 „лестинною? Потерпимъ, да служеніе и сла-
 „ва угнѣшающаго насъ еще распространя-
 „юпся; да въ новыхъ языкахъ возгремишь
 „имя Его; да новыя гимны воспѣшы бу-
 „дупъ въ честь Ему; да новыя мешаллы,
 „новыя мраморы украсяшся Его изображе-
 „ніями?

„И мы потерпимъ, да наши изваянія
 „падутъ во прахъ сокрушенныя; да Ему
 „посвяшяшся наши жертвенники, къ Нему
 „единому въздупъ обѣшы молящихся,
 „предъ Нимъ единымъ воскуршся фиміамъ,

„Ему единому принесушь злато и благо-
 „вонія? И мы — для конхъ не зашворялось
 „никогда никакое святилище — мы не бу-
 „демъ на земли имѣть убѣжища! Ли-
 „шенный обычной дани, блуждая посре-
 „ди царства уединеннаго, Монархъ вашъ
 „надъ однѣми только пустынями будешь
 „владычествовать!

„Нѣтъ! клянусь въ помъ древнимъ му-
 „жесловомъ, еще живущимъ и пылающимъ въ
 „насъ. Не таковыль мы и нынѣ, каковы
 „были, когда, вооруженные мечемъ и пла-
 „менемъ, оспаривали владѣніе небесами?
 „Мы пали, признаюсь, въ сей битвѣ; но
 „опважность не оскудѣла въ нашихъ пред-
 „пріятіяхъ. Побѣдительный палмъ данъ
 „быль жребіемъ щасливѣйшему; намъ ос-
 „палась слава швердоспи, ничѣмъ непо-
 „бѣждаемой.

„Но почему еще васъ удерживать? По-
 „спѣшайте, о мои вѣрные сподвижники,
 „моя крѣпость и подпора! поспѣшайте
 „быстрымъ полетомъ, испребитъ враждеб-
 „ное могущество въ первыхъ начаткахъ
 „его; погасите сей пламень въ зарожденіи,
 „прежде нежели Палестина будешь объ-
 „ята имъ; смѣситесь со врагами, и къ па-
 „губѣ ихъ употребляйте и силу и ковар-
 „ство.

„Воля моя да будешь неизбѣжнымъ ро-
 „комъ! Да разженутся одни! да падутъ
 „другіе подъ оспріемъ меча! Иные, обожая
 „прелестный взоръ, раболѣпствуя очаро-

„вашельной улыбкѣ, да заснупть въ празд-
 „носипи и постыднхъ наслажденіяхъ; да
 „въ возмущеніи и раздорахъ возспанупть
 „Хрисціане прошиву Хрисціанъ, и шерзая
 „другъ друга, взаимно изпреблхся! Да по-
 „гибнешъ все ополченіе ихъ, и послѣдніе
 „признаки его да изчезнупть!“

Онъ продолжалъ еще — и уже адскіе
 духи успремилхсь въ ярости изъ нѣдръ
 глубокой ноши къ обипелямъ свѣта. Такъ
 буйные вѣпры и ревущія бури, испорга-
 ясь изъ темницъ своихъ, помрачаюпть воз-
 духъ, несупть на сушу и воды гибель и
 опустошеніе.

На распросперпыхъ крылахъ разле-
 таюлхся они по разнымъ спранамъ обипа-
 емага міра, и въ новыхъ пронырспвахъ, въ
 новыхъ коварспвахъ начинаюпть являпть
 зловредныя свои способности. — Муза!
 возвѣспи мнѣ, какими первыми язвами они
 поразили Хрисціанъ; кпо послужилъ ору-
 діемъ неисповой злобѣ ихъ? Тебѣ все из-
 вѣспно: молва возгласила о сихъ событі-
 яхъ; но едва послѣдніе, изчезающіе звуки
 ся доспигли до насъ.

Въ Дамаскѣ царспвовалъ знаменипый
 Гидраопъ, прославившійся чародѣйспвами;
 опъ первыхъ лѣспъ юносипи прилѣпилхся
 онъ къ наукѣ гадашелей, и склонность сія
 содѣлалась въ немъ господспвующею спра-
 стію. Но чпо пользы для него въ обман-
 чивомъ знаніи, когда невозможно ему пред-
 видѣпть слѣдспвій войны сомнипельной?

Ни положеніе звѣздъ, неподвижныхъ или круговращающихся, ни самый адъ не открываютъ ему испины.

О мечпапельность! о глубокое невѣдѣніе смертныхъ! Коль щещны ихъ сужденія! коль омраченно мнимое ихъ просвѣщеніе! Гидраопъ предрекъ, что Небеса предуготовляли на воспокъ смерть и изстребленіе непобѣдимому воинству Христіанъ; усмаприваетъ въ будущности Египеть, увѣнчанный побѣдою, и въ заблужденіи своемъ жаждетъ, да его собспвенный народъ раздѣлитъ съ царспвомъ силъ и лавры и побѣду.

Но по весьма извѣстной храбрости Христіанъ опасался онъ, что побѣда сія будетъ кровопролитна и гибельна. И шакъ помышляетъ о средспвахъ, какими можетъ, приведя ихъ въ слабость, предасть полупреодолѣнныхъ силамъ Египта и своимъ. Въ сихъ размышленіяхъ обрѣтаетъ его ангель шмы, и новою чернопою, новымъ ядомъ напояетъ сердце его.

Самъ исполняетъ его адскимъ вдохновеніемъ; самъ обогащаетъ способами къ совершенію злыхъ намѣреній. Гидраопъ имѣлъ племянницу, красота коей славилась во всемъ воспокъ; одаренная всѣми прелеспями, всею хипроспю своего пола, знала она всѣ шайны волшебспва. Царь Дамаскій призываетъ ее, открываетъ ей мысли свои, и хочетъ, чтобъ она сама расположила и совершила оныя.

„Предметъ нѣжности моей!“ вѣщаль
онъ: „ты, подѣ волною свѣтлорусыхъ
„власъ, подѣ милыми чертами юности со-
„крывающая мужеспвенную опважность и
„благоразуміе зрѣлаго возраста! ты, пре-
„восходящая меня въ знаніи, коего первыя
„начала мною тебѣ преподаны! внемли
„словамъ моимъ! Я помышляю о великомъ
„предпріятіи, и если поможешь мнѣ,
„успѣхъ несомнителенъ. Да довершишь вѣр-
„ная и смѣлая рука швоя по, чему успарѣв-
„шій разумъ положилъ основаніе.

„Шествуй во спань враговъ нашихъ;
„употреби для оболъщенія ихъ все искусш-
„во, свойспвенное полу швоему, и все па-
„инспва любви. Пролей слезы изъ очей
„швоихъ, прибѣгни къ униженнѣйшимъ мо-
„леніямъ; шяжкіе вздохи, прерывая слова
„швои, да смѣшаются съ ними. Спенящая
„и плачущая красота! умягчи сердца швер-
„дѣйшія: подѣ завѣсою спыдливости со-
„крой дерзоспъ своихъ желаній и украси
„ложь цвѣтами испины.

„Прельсти перваго, если по возможно,
„Годофреда. Восхищенный нѣжнымъ взо-
„ромъ, упоенный сладкими вѣщаніями, да
„забудешъ, прилѣпясь къ тебѣ, славу, за-
„будешъ побѣды, дабы дышашъ одною
„шолько любовію. Но если избѣгнешъ онъ,
„улови по крайности опличнѣйшихъ Ры-
„царей въ сѣпи швои; увлеку ихъ за со-
„бою въ мѣста, откуда бы они никогда не
„возвращились.“ Войдя попомъ въ дальнѣй-

шія подробности, присовокупляешъ онъ:
 „Наконецъ дерзай на все, служа закону и
 „опечесиву: въ споль похвальномъ дѣль
 „нѣтъ ничего непозволеннаго.“

Армида, гордясь красошою, преимуществами пола и возраста, смѣло вдаешся предпріятію. Едва шолько ночь распросерна первыя пѣни свои, она оставляешъ Дамаскъ и шесивуешъ невѣдомыми и сокрытыми спезями. Въ дѣвической одеждѣ, одѣвъ шолько прелеспи имѣя оружіемъ, увѣрена въ несомнѣнномъ успѣхѣ, и уже воображаешъ непобѣдимыхъ Героевъ у ногъ своихъ. Хищрое искусство правленія даешъ ложныя опшесивію ея причины, и пишашъ любопытспиво пишешными слухами.

Уже Армида у спана Хриспіанъ. При первомъ появленіи красопы сея подъемлешся тихій шумъ, и всѣ усшремляюшъ на нее жадныя взоры. Такъ комета, или звѣзда, прежде неизвѣспная, привлекаешъ вниманіе смерпныхъ, удивленныхъ ея блиспаніемъ. Тѣсняшся вокругъ новопришедшей, вопрошаюшъ другъ друга: кто пакова прекрасная незнакомка, и что виною ея прищеспія?

Никогда Аргосъ, никогда Кипръ или Дельфы не зрѣли лица споль совершеннаго, прелеспей споль поразительныхъ. Злапо власовъ ея шо проницало сквозь прозрачоспъ шонкаго покрова, шо, исторгаясь, рассыпало живѣйшій блескъ. Такъ при возвращающейся ясноспи неба солн-

це, заслоняемое облакомъ, сквозишь еще блѣднымъ лучемъ; но скоро попомъ, освобождаясь изъ заключенія, сыплешь весь свой пламень и множишь яркій свѣтъ.

Волнами распилаюся по раменамъ власы ея, и зефиръ, забавляясь ими, образуешь новыя волны. Око, сокровищами любви и своими дорожащее, сокрываешь ихъ подъ навислою рѣсницею. Цвѣшь нѣжной розы въ разныхъ оппѣнкахъ сливаешь съ бѣлизною слоновой кости на лицѣ ея; но на усахъ, дышущихъ любовію, однѣ только розы рассыпаны.

Полуобнаженная грудь ея бѣла какъ, чистѣйшій алебастръ. Здѣсь - то любовь покоишься; отсюда мечешь она разженные стрѣлы свои; два полушарія, скругленные рукою Грацій, то поднимаются, то опускаются; часть изъ нихъ открывша алчному взору, другая таится подъ ревнивою и зависливою одеждою: слабая преграда, оспановляющая зрѣніе, но мысль удержавъ не могущая! Не столько плѣняясь явнымъ, сколько увлекаясь шѣмъ, чего не видишь, воображеніе спремится и достигаетъ до сокровеннѣйшихъ прелестей.

Подобно лучу свѣта, проходящему сквозь воду или кристаллъ, но ихъ не раздѣляющему, воображеніе проникаетъ шемнѣйшіе и густѣйшіе покровы; заблуждаетъ . . . посреди чудесъ таинственнѣйшихъ, свободно созерцаетъ ихъ, и попомъ скажешь,

изображаешь ихъ пламенному желанію, еще сильнѣе возгорающему.

Идешь далѣе Армида, окруженная неперифливою толпою, превозносящею ее похвалами и пожирающею взорами. Видишь впечатлѣніе, произведенное красоюю ея, и кажешься, будто не замѣчаешь того; но посмѣваясь внутренно, уже заранѣе изчисляешь успѣхи и побѣды свои. Остановясь на нѣсколько времени, просишь о предпазненіи ея къ Годофреду. И се припекаешь Евстафій, юнѣйшій изъ брагъевъ его.

При блескѣ сей божественной красоты спремился безразсудный Рыцарь, подобенъ тому крылатому насѣкомому, что ищетъ свѣта и смерти, желаетъ насладиться ближайшимъ зрѣніемъ очей, популяемыхъ кропкою спыдливостию. Видишь — и мгновенно излещѣвшій изъ нихъ пламень объемлетъ его. Исполненъ отважности, вдыхаемой въ него младостию и любовью,

„Прелесная дѣвица!“ сказалъ онъ: „если только могу такъ именовать себя, неимѣющую въ себѣ ничего смертнаго: нѣтъ, никогда не распочало Небо на дочерей человѣческихъ сколько красотъ и пріятностей. Откуда ты, и чего ищешь? Какое счастье, или какое злключеніе привело тебя въ мѣста сіи? Вѣдай, кто ты? Да воздамъ тебѣ почести, или паче должное поклоненіе.“

— „Много превозносишь ты, Госу- дарь, печальную и бѣдствіемъ угнѣшен-

„ную красоту. Не только смертную во
 „ми видишь, но несчастную, умершую
 „радоспямь и живущую для однихъ поль-
 „ко горестей. Спранница, бѣгспвующая,
 „не имѣя ничего, кромѣ моей непорочно-
 „сти, прихожу искашь здѣсь присланица;
 „прихожу повергнушь къ спопамъ Годофре-
 „да мои зоключенія и мою надежду, все-
 „ляемую его благоспю, о кошорой слава
 „возвѣспила мнѣ.

„О ты! — когда великодушіе и чув-
 „спвипельносшь въ самомъ дѣлѣ не чужды
 „тебѣ — удостой опкрышь мнѣ къ Герою
 „свободный входъ.“ — „Справедливо“ опвѣсп-
 „швуешь Евспафій: „чтобы браться Годоф-
 „реда препроводиль тебѣ къ нему и былъ
 „швоимъ предспателемъ. Такъ, прекрасная!
 „нещепца будетъ надежда швоя. Оп-
 „вѣспшвую тебѣ за брата, кошорой лю-
 „бишь и уважаешь меня: располагай и его
 „могущесшвомъ и рукою моею.“

Рекъ — и препровождаешь ее въ пай-
 ное убѣжище, гдѣ благочеспный Годоф-
 редъ, въ успраненіи, съ избранными поль-
 ко Рыцарями, укрываль себя опъ взоровъ
 докучливаго множеспва. Армида почти-
 пельно преклонилась предъ нимъ, покраснѣ-
 лась опъ спыдливости и спояла безмолв-
 на. Герой печется разсѣпшь ее опасенія,
 ободряешь и ушѣшаешь ее. На послѣдокъ
 шѣмъ гласомъ, коего сладоспъ очаровы-
 ваетъ чувспва, шакъ вѣщаешь Годофреду
 вѣроломная:

„Непреодолимый Вождь, пронесши имя
 „свое съ шлоикою славою въ концахъ все-
 „ленной! Побѣдиль Царей и народовъ,
 „въ низложеніи ихъ честію себѣ пославля-
 „ющихъ бышь побою побѣжденными! всю-
 „ду извѣсны швои добродѣтели; сами вра-
 „ги швои уважають и превозносять ихъ;
 „увѣренны въ швоей благосши, съ швердою
 „надеждою ищуть они у тебя покрови-
 „шельства.

„Хопя рожденная въ нѣдрахъ вѣры,
 „побою униженной, и коей паденіе предпо-
 „ложилъ пы концемъ своихъ дѣйствій —
 „я дерзаю просить тебя о возвращеніи мнѣ
 „престола и скиптра предковъ моихъ; упо-
 „ваю получить ихъ опъ швоего мужества и
 „швоего великодушія. Иные испрашиваютъ
 „помощь дружества прошиву ярости при-
 „шельца; я призываю мечь врага на кровь
 „моего рода, на кровь, заклывшуюся погу-
 „бить меня.

„Такъ! тебя умоляю и въ тебѣ полагаю
 „надежду мою; одинъ пы можешь воз-
 „весити меня на высоту, съ коей я низвер-
 „жена. Мыщѣ, пагубной врагамъ швоимъ,
 „свойственно шакже вспомоществовать не-
 „щастнымъ. Благодаренія не менѣ, какъ
 „и побѣды, прославяють тебя; между шоли-
 „кимъ числомъ низложенныхъ престоловъ
 „слава провозгласить мой, рукою швоею
 „возставленный.

„Можешь бышь, разность вѣры явип-
 „ся въ очахъ швоихъ предлогомъ къ опри-

„новению прозьбъ и слезъ моихъ; но, не вѣ-
 „руя швоему закону, я вѣрю швоимъ добро-
 „дѣшляемъ: швердоснѣ моего упованія даепѣ
 „миѣ права на сердце швое, и права сіи
 „щещныи бышѣ не могушѣ. Богъ да бу-
 „деши свидѣшелемъ, Богъ, Коему я шакже,
 „какъ и шы, покланяюсь, чшо никогда
 „оружіе швое не обращалось на помощь въ
 „дѣлѣ, болѣе справедливомъ. Но, да паче
 „удосшовѣрю шебя, внемли повѣсшѣ моихъ
 „бѣдешвей и злодѣйшвей, бывшихъ испоч-
 „никомъ ихъ.

„Я дщерь Арбилана, царствовавшаго
 „въ Дамаскѣ. Рожденный далече опѣ пре-
 „сшюла, онѣ получилъ его купно съ рукою
 „прекрасной Хариклеи. Увы! никогда не
 „зрѣла я сей добродѣшельной мапери: очи
 „ея закрылись, когда мои опшверзлись въ пер-
 „вый разъ, и гибельный день, освѣшпившій
 „смершѣ ея, освѣшилъ мое рожденіе.

„Едва прошекло пятшлѣшніе послѣ шо-
 „го, какъ оставила она смершпную одежду
 „ея, и нещасшпный опецъ мой палъ подѣ шя-
 „жесшю своего жребія: соединясь, можешѣ
 „бышѣ, съ нею въ небесахъ, оставилъ мла-
 „денчешшо мое и Царешшо попеченіяшѣ бра-
 „ша, кошорой пользовался нѣжнѣйшимъ его
 „дружешшошѣ. Привязанносшѣ и благодарѣ-
 „янія опща моего должешшвовалибѣ бышѣ
 „споручишелями въ его вѣрносши, если до-
 „бродѣшель и благодарносшѣ могушѣ оби-
 „шашѣ въ сердце смершпаго.

„Симъ сугубымъ обремененный залогомъ,
 „начала, казалось, онъ занявъ былъ од-
 „нимъ шолько моимъ благоденствіемъ: цѣ-
 „лый воспокъ превозносилъ его ненаруши-
 „мую вѣрность, его нѣжность и любовь ко
 „мнѣ, испинно опеческую. Можешъ бышь,
 „подъ обманчивою наружностію жестокій
 „сокрывалъ уже мрачныя свои намѣренія;
 „или, можешъ бышь, предопредѣляя сыну
 „своему Царство и руку мою, сердце его
 „не опверзлось еще прешупленію.

„Я возраспала, и сынъ его возраспалъ
 „со мною: дѣпище необузданное, коего де-
 „белая и грубая душа не могла бышь обра-
 „зована воспитаніемъ. Подъ опврашишель-
 „нѣйшими чершами скрывалъ онъ презрѣн-
 „нѣйшее сердце; соединялъ въ себѣ низость
 „скупости и напыщенность гордости; звѣро-
 „подобенъ въ обращеніи, поврежденъ во
 „нравахъ, предешавлялъ въ себѣ чудовищное
 „совокупленіе пороковъ, не замѣняемыхъ ни-
 „какими добрыми свойствами.

„И се былъ супругъ, избранный мнѣ вѣр-
 „нымъ моимъ воспитателемъ! Не одинъ уже
 „разъ возвѣщалъ онъ мнѣ, что съ нимъ долж-
 „на я раздѣлитъ прешоль и ложе мое.
 „Обольщенія, хипросшь, коварства попе-
 „ремѣнно упошреблялъ къ убѣжденію моему;
 „но никогда не могъ испоргнушь опъ меня
 „пагубнаго обѣщанія, никогда не имѣлъ дру-
 „гаго опвѣща, кромѣ безмолвія, или опре-
 „ченія.

„Наконецъ въ единый день оспавилъ меня съ видомъ мрачнымъ и суровымъ, испиннымъ зеркаломъ волнуемаго сердца; казалось, чинала я тогда на челъ его начертаніе моихъ бѣдспвій. Во мракъ ночей, страшныя мечты, гнусныя призраки возмущали сонъ мой; смершній ужасъ напечатлѣлъ въ душѣ моей гибельное предчувствіе моего злополучія.

„Часто являлась мнѣ пѣнь моей маперіи, обезображенная блѣдноспію и облеченна въ облако горести. Увы! какъ премѣнилась она! какъ мало уподоблялась изображеніямъ, произведеннымъ въ память ей художественною кистію! Бѣги, дщерь моя! бѣги, вѣщала она, ужасной смерши, шебѣ угрожающей. Бѣги! я уже зрю ядъ, зрю остріе въ рукѣ измѣнника, угоповавшаго погибель твою.

„Ахъ! къ чему служили сіи предвѣщанія близкой опасности? Въ препенѣ, въ нерѣшимости, робкая юность моя не обрѣтала ни совѣшовъ, ни помощи. Удалишь-ся одной изъ моихъ областей, умоляшь о состраданіи въ землѣ чуждой, почиала я жребіемъ несноснѣйшимъ самой смерши. Такъ, не споль пшяжко было для меня поперяшь жизнь въ мѣспахъ, видѣвшихъ мое рожденіе.

„Бѣдная! спрашилась смерши, и — не смѣла бѣжашъ ее! спрашилась обнаружитъ мои опасенія, и пѣмъ ускоришь часъ, назначенный къ моей погибели! Такъ,

„въ непрерывномъ безпокойствѣ и смяте-
 „ніи, подъ бременемъ продолжительныхъ
 „перзаній, влачила я горькіе дни мои, по-
 „добна несчастному, воображающему каж-
 „дую минушу, что упадаешь мечъ, вися-
 „щій надъ главою его.

„Въ единый изъ сихъ лютыхъ дней —
 „и должна ли я благодарить за по судьбѣ
 „моей, или она сохранила меня къ ужаснѣй-
 „шимъ зоключеніямъ? — въ единый изъ
 „нихъ, нѣкто изъ царедворцевъ, воспи-
 „шанный родителемъ моимъ, предстаепъ
 „мнѣ, открываетъ, что шранъ рѣшился
 „на мою погибель, что время приближаетъ-
 „ся, что онъ самъ обѣщаль варвару при-
 „нести мнѣ въ попь же день сосудъ съ
 „смертоносною оправою.

„Присовокупилъ, что одно шолько бѣг-
 „ство можетъ укрыть главу мою опъ уда-
 „ра, ей грозящаго; самъ предлагаетъ мнѣ
 „помощь свою, подкрѣпляешь и ободряешь
 „меня. Я вняла совѣшамъ его, рѣшилась
 „бѣжать, по насупленіи ночи, далече пи-
 „рана и моего опечесства.

„Наспаетъ шемная, мрачная ночь, и
 „сокрываетъ шайну предпріятія нашего въ
 „пѣняхъ своихъ. Исхожу въ пупъ съ двумя
 „изъ дѣвъ, служившихъ мнѣ, коихъ избрала
 „я въ подруги моего бѣдствія; но слезящія
 „очи непреспанно преносились къ мѣшамъ,
 „гдѣ я всосала первый воздухъ, прилѣпля-
 „лись къ нимъ, и не могли насладиться ви-
 „дами, споль любезными.

„Взгляды и мысли призывали меня къ
 „нимъ безпрестанно — и съ каждымъ ша-
 „гомъ я пропивъ воли удалялась. Такъ плов-
 „цы, внезапною бурей оппоргнушыя опъ
 „желаннаго берега, борюпся пропиву вле-
 „ченія волнь и ищупъ еще взорами землю,
 „бѣгущую опъ нихъ и исчезающую въ оп-
 „даленности. Всю ночь и весь послѣдую-
 „щій день мы заблуждали въ мѣстахъ, гдѣ
 „снопы смерпнаго никогда не оставляли слѣ-
 „довъ своихъ. Наконецъ доспигли къ зам-
 „ку, лежащему на предѣлахъ Царства моего.

„Онъ принадлежалъ Ароншу, вѣрному
 „Ароншу, меня спасшему и сопровождавше-
 „му въ бѣгствѣ моемъ. Злодѣи между шѣмъ,
 „вида, что жертва его власполюбія избѣг-
 „ла смерпнаго удара, предаешя неисповой
 „ярости, возвергаешъ на насъ свои пресшуп-
 „ленія, и обвиняешъ Аронша и меня шѣмъ
 „злодѣяніемъ, къ коему просперта была соб-
 „сшвенная рука его.

„Разгласиль, что Ароншъ, прельщен-
 „ный дарами моими, гошовиль ему оправу;
 „что я желала смерпи его, дабы избавишъ
 „себя опъ докучливаго наблюдашеля, ко-
 „шорый, раскрывая образъ жизни моей,
 „удерживаль порочныя склонности; что
 „увлеченная напоследокъ посшудными вож-
 „делѣніями, жершвовала я шысяицѣ сласпо-
 „любцевъ юностию и прелестями своими. —
 „Свяшная непорочность, мною обожаемая!
 „ахъ! да поразяшъ меня грома, да обра-

„пишся въ ничпожеспво быпіе мое, преж-
 „де чѣмъ буду невѣрною законамъ пвоимъ! —

„Что пожираемый алчноспію къ досто-
 „янію моему, жаждущій невинной крови
 „моей, варваръ заклѣся погубишь меня,
 „мысль о помъ угнѣпаель сердце мое; но
 „нечиспымъ дыханіемъ онъ дерзаель осквер-
 „нишь невинноспь мою — и, ахъ! сіе-по
 „пронзаель меня люпѣйшею язвою. Нече-
 „спливецъ, спрашась раздраженія моихъ под-
 „данныхъ, ослѣпляель ихъ хипроспленен-
 „ною лжею, да ревностъ ихъ, гопова я оп-
 „мспишь за меня, удержана будель опас-
 „носпію дапъ покровишельспво гнусному
 „проку.

„Возсѣдя на моемъ пресполѣ, моею увѣн-
 „чанной діадимой, жеспокій симъ не по-
 „ложилъ ещѣ конца бѣдспвіямъ и посрамле-
 „нію, коими пишся подавишь меня. Въ
 „яроспи угрожаель онъ предашь сожженію
 „Аронша въ зѣмкѣ его, когда сей не поспѣ-
 „шишь самъ повергнушь въ оковы его; а
 „мнѣ, нещаспной, и учаспницамъ въ судъ-
 „бѣ моей не бранъ возвѣщаель онъ, но
 „смерпъ и — казнъ поноспую.

„Хощель, по словамъ его, обмышь въ
 „крови моей спыдъ, коимъ покрыла я чело
 „его; хощель возврапишь сану и роду Цар-
 „скому чеспъ и достоинспво, мною по-
 „мрченныя. Но истинное дѣйспвій его
 „побужденіе не что иное, какъ спрахъ
 „упрапишь мнѣ принадлежащій скиппръ,

„и увѣренность, что на одной полько ги-
 „бели моей утвердился владычество его.

„Увы! какъ легко успѣшь ему въ пре-
 „ступныхъ своихъ намѣреніяхъ! Такъ, Го-
 „сударь! если рука твоя не защитишь
 „меня, кровь моя попустишь гнѣвъ его, ко-
 „его не могли смягчить мои слезы. Нецасп-
 „на, но невинна, лишенная всего, без-
 „помощна, повергаюсь къ ногамъ твоимъ,
 „объемлю твои колѣна и у себя прошу и
 „чести и жизни.

„Заклинаю тебя сими спопами, попи-
 „рающими гордосшь и нечеспіе, сею рукою,
 „вооруженною на защиту истины; закли-
 „наю твоими побѣдами, священными хра-
 „мами, кои восплавили пы и коимъ при-
 „носишь помощь твою: будь чувствителен-
 „ленъ къ моленіямъ моимъ, и да жалосшь
 „твоя сохранитъ мнѣ купно и Царство и
 „жизнь! Жалосшь! — Нѣшь, Государь! я
 „прибѣгаю только къ благомысленности
 „твоей, къ твоему безприсрастію.

„Небо даровало тебѣ волю бышь спра-
 „ведливымъ, а судьба могущество испол-
 „няшь твои хотѣнія. Спасая меня, пы мо-
 „жешь приобрѣсть обласпи, кои для по-
 „го только покоряшея законамъ моимъ,
 „чтобъ повиновашься твоимъ. Изъ полкаго
 „множества героевъ дозволю только де-
 „сяши сопровождашь меня. Довлѣюшь они
 „для возвращенія мнѣ престола, на кошо-
 „рой призываюшь меня приверженосшь
 „вельможъ и вѣрносшь народа.

„Одинъ изъ первѣйшихъ гражданъ Дамаска, на коего возложено охраненіе пайныхъ вратъ, обѣщаваешь мнѣ опроверснуть ихъ, и подъ покровомъ нощи внесешь меня даже въ Царскіе черпоги; удостовѣряешь въ полномъ успѣхѣ, если ты не откажешь мнѣ въ помощи; сколькобъ ни мало-численна была помощь сія, уповаешь на нее болѣе, чѣмъ на цѣлое воинство, опьинуда пришедшее. Сколько много уважаетъ онъ имя Христіанъ и мужество ихъ!“

Умолкла Армида, и ожидала отвѣта Христіанскаго Вождя; но ея положеніе, самое молчаніе вѣщали еще съ силою проташельнѣйшихъ моленій. Годофредъ колеблется въ нерѣшимости, что должно избрать ему; спрашивается коварства Срацынь; знаетъ, что человекъ, невѣрный Богу, всегда готовъ быть невѣрнымъ человеку; но свойственная великимъ душамъ чувствительность, никогда въ нихъ не усыпающая, влечетъ за собою разсудокъ его.

Другими еще причинами побуждается онъ къ участию въ злочлюченіяхъ Царевны, просящей его помощи: чувствуетъ, сколько нужно для собщвенныхъ его намѣреній возвести ее на престоль Дамаска, предполагая, что она, бывъ обязана его благодѣянiami, опверзетъ ему пущи, будетъ содѣйствовать въ его предпріятіяхъ, и снабдитъ, прошиву Египта и владѣльцовъ,

съ нимъ союзныхъ, воинствомъ, оружіемъ и сокровищами.

Между шѣмъ, какъ мысли его волновались въ развлеченіи, какъ съ пошупленными очами измѣрялъ онъ побужденія къ своей рѣшительности, Армида, успремивъ на него взоръ, ждешь, недвижима, приговора изъ устъ его; внимательнѣе смотришь въ лице ему, и наблюдаешь малѣйшія измѣненія. — Отвѣшь медленъ для пылкихъ ея желаній; она уже беспокоится и воздыхаетъ. — Наконецъ Герой произноситъ ошказъ, коего спрогошь смягчаетъ въ своихъ выраженіяхъ.

„Государыня! елибъ предпріятіе, для
„коего само Небо избрало насъ, не шребо-
„вало здѣсь нашей руки и нашего оружія,
„могла бы пы возложить на насъ несо-
„мнѣнную надежду; не безплодное было бы
„по сожалѣніе, но скорая и дѣятельная
„помощь, кою бы мы предложили тебѣ.
„Но первѣйшій нашъ долгъ естъ избавленіе
„народа Божія, и возвращеніе сему Свя-
„щенному граду прежней свободы его.
„Пресшупно было бы для насъ ослабить
„силы свои и замедлить печеніе побѣдъ
„нашихъ.

„Я обѣщаваю тебѣ — и въ залогъ по-
„го прими увѣреніе, которе никогда
„щещно дано еще не было — обѣщаваю
„тебѣ, коль скоро освободимъ мы ошъ по-
„носнаго ига сіи чшпимыя нами спѣны, сіи
„спѣны, шодико Небесамъ любезныя —

„погда послѣдуемъ движенію жалости и
 „возвратимъ тебѣ пресполь, побую попе-
 „рянный. Нынѣ, уступивъ слезамъ пво-
 „нимъ, измѣню Богу, и моя чувствитель-
 „ность будетъ виновна.“

При семъ опившѣ Армида склонила
 главу свою, и прильпивъ къ землѣ непо-
 движныя очи, безмолвна пребывала нѣсколь-
 ко времени; потомъ возводитъ къ небу пе-
 чальные взоры, обливаясь слезами, и съ
 видомъ глубочайшей горести: „Нещаст-
 „ная!“ вопіеть: „ахъ! чья судьба, подобно
 „моей, была споль жестока безъ умягченія?
 „къ неизмѣнности моего ужаснаго жребія
 „должно, чпобъ все измѣнилось въ при-
 „родѣ!

„Безнадежная, щещпно въздыхаю и
 „плачу я! И жалости неприспупны уже
 „сердца человѣческія! Можешь спашься, я
 „должна ласкаться себѣ, чпю моя горестъ,
 „къ коей ты равнодушень, пронеть вар-
 „вара, меня угнепающаго. — Но я не ви-
 „ню тебѣ немилосердіемъ; нѣтъ! виню од-
 „но Небо, пославшее на меня сполько бѣд-
 „ствій: оно превращаетъ въ жестокосер-
 „дїе твою чувствительность, и самую бла-
 „гость твою въ непреклонную.

„Нѣтъ, Государь! не ты, не благость
 „твоя, но мой жребій лишаетъ меня про-
 „симой мною помощи. Любая судьба, не-
 „милосердый рокъ! чпчю не изпоргаешь
 „оспашки жизни, мною ненавидимой? Увы!
 „мало было для тебѣ лишить меня роди-

„пелей въ цвѣтущей веснѣ возраста ихъ ;
 „пошребно было свергнушь меня съ престпо-
 „ла, и заклашь жершеу швою орудіемъ
 „казни!

„Поспѣшимъ, оставимъ мѣста, гдѣ
 „чесь запрещаешъ миѣ пребывать до-
 „лѣе. — Но куда бѣжашъ? гдѣ сокрыть
 „мой бѣдснвія? Какое убѣжище оспалось
 „миѣ опъ пирана, коего люшоспъ меня
 „преслѣдуешъ? Нѣшъ въ цѣлой вселенной
 „мѣста, злобѣ его неприснупнаго. Но по-
 „чно колебашься? Я вижу смерпъ, не могу
 „избѣжашъ ее. Спѣши, несчастная! рука
 „швоя да предваришъ удары ея!“

Умолкла — и Царскій гнѣвъ, негодова-
 ніе возвышенной души запылали во взо-
 рахъ ея: съ печальнымъ, оскорбленнымъ ви-
 домъ обращаясь, подавала видъ, какъ бы хо-
 шѣла удалиться. Слезы досады и горести
 обильно льющія изъ очей ея, и при лу-
 чахъ солнца кажушія кристалломъ и пер-
 лами.

Ланипы ея, орошенные пеплыми, на
 бѣлую грудь и шонкую одежду падающи-
 ми слезами, подобны розамъ и лиліямъ,
 когда опшверзающъ онѣ рѣзвымъ зефирамъ
 душистые пучки свои, упреннею росю
 окропленные; когда восходящая заря, лю-
 буюсь собою, опливаешя въ нихъ различ-
 ными опшѣнками.

Но блестящія слезы сіи, по прелест-
 ному лицу и груди, колеблемой вздохами,
 кашящіяся, раждающъ шамнспвенный огонь,

проницающій въ тысящу сердець и въ нихъ пламенѣющій. О чудеса любви! изъ слезъ она извлекаетъ искры и сердца восплаляетъ водою; всегда и надъ всѣмъ въ природѣ владычествуетъ; но, благодѣтельствуя Армидѣ, еще возвышается въ силѣ своей.

Ея припворная горестъ извлекаетъ неприпворныя слезы и раздраетъ сердца самыхъ нечувствительныхъ; всѣ купно съ нею огорчаются, всѣ мысленно вѣщаютъ въ себѣ: „Если она уже не подвигла Годофреда къ сосраданію, должно, чѣмъ лющая шигрица воздоила его млекомо своимъ, чѣмъ въ нѣдрахъ Альповъ опъ швердѣйшаго камня заимствоваль онъ существо свое, или чѣмъ море въ ярости изрыгнуло его на берега дикіе. Жестокой! онъ могъ отказомъ оскорбить прекрасную!“

Между шѣмъ, какъ всѣ тихо ропшали, не дерзая открытъ явно мыслей своихъ, Евстафій, весь пламенѣя чувствами любви и жалости, приближается къ Годофреду и произноситъ съ отважноспію: „О брашъ! „о Государь! уже ли не поколеблюся пер- „выя мысли швои? уже ли непреклоненъ „пребудешъ къ общимъ нашимъ желані- „ямъ — отвергнешъ наши прозьбы?“

„Безъ сомнѣнія, не должно, чѣмъ во- „жди оставили осаду, воиновъ своихъ и „попеченія, съ званіемъ ихъ сопряженныя; „но мы, опъ всего шого устраниенные, од- „но шолько мужество члущіе закономъ сво-

„имъ и никѣмъ не повелѣвающе, мы можемъ
 „ощдѣлишь, по швоему избранію, десашь
 „защипниковъ дѣла шполь справедливаго.

„Защипаешь невинность и красоту
 „не по же ли, что сражаешь для Неба?
 „и добыча, испорженная ошь неправедна-
 „го похипипеля, не ешь ли достойнѣйшій
 „памяшникъ для посвященія Всевышнему?
 „Когдабъ очевидная польза не увлекала ме-
 „ня въ знаменитый подвигъ сей, я бы по
 „долгу моему предпринялъ его: я клялся
 „покровительствовашь слабый и безза-
 „щипный полъ, и кляшвы мои будутъ ис-
 „полнены.

„Небо! еслибъ когда во Франціи и въ
 „пѣхъ шаспливыхъ странахъ, гдѣ цар-
 „сшвуешь вѣжливая услужливосшь, рекли,
 „что мы при шоль изящномъ и законномъ
 „предлогѣ спрашились вдашься шрудамъ и
 „опасностямъ! — ахъ! еноситѣ для меня
 „свергнушь здѣсь и шлемъ мой и доспѣхи.
 „Идите, воины — безъ мужества, Рыца-
 „ри — безъ чести! оставимъ оружіе, обез-
 „славленное въ рукахъ нашихъ, и не дерз-
 „немъ болѣе присвоаяшь себѣ названія, по-
 „срамляемаго недостошною слабосшною!“

Рекъ — и всѣ соповарищи единодуш-
 но восплескали ему; всѣ одобряють препода-
 нный совѣшь и превозносять пользу его;
 окружають Годофреда, убѣждають и за-
 клинають его. „Не противорѣчу“ ошвѣш-
 ствовалъ онъ „и усшупаю соединеннымъ
 „шполь многихъ желаніямъ. Вы хочете —

„и Царевна опъ васъ однихъ получить по-
 „моцъ, оприцаемую разсудкомъ моимъ; но
 „когда вы не опкажете мнѣ въ довѣрен-
 „ности, умѣрите жаръ, васъ поревающій.“

Сказавъ шо, умолкъ. Каждый, почи-
 пая власнымъ одобреніемъ Начальника
 терпимосшь его, сгараепъ желаніемъ бытъ
 въ числѣ избранныхъ. Чего не могутъ сле-
 зы красоты? чего не могутъ успа пре-
 лесшныя? Опъ нихъ простерлась невиди-
 мая цѣпь, связала и присоединила воли
 всѣхъ къ волѣ Армиды.

„Удержи, прекрасная!“ воззвалъ къ
 ней Евстафій: „удержи гореснь швою: мы
 „не замедлимъ помощію, сподъ нужною къ
 „сокращенію швоихъ опасеній.“ При сихъ
 словахъ исчезла мрачностъ чела ея; на ро-
 зовыхъ успахъ явилась улыбка радости;
 она обшерла покрываломъ слезы на очахъ
 своихъ, и прояснившіеся взоры возвращали
 природѣ ея украшеніе.

Попомъ сладостнымъ и плѣняющимъ
 гласомъ изьясняетъ имъ свою признапель-
 ностъ за ихъ благодѣянія. „Они навсегда
 „пребудушь“ рекла она „въ сердцѣ моемъ,
 „и грядущіе вѣки сохраняють память ихъ.“
 Безмолвное краснорѣчіе, выразишельныя
 движенія дають чувствовашъ шо, что
 умолчалъ языкъ ея. Наконецъ подъ обман-
 чивою наружностію она сподъ совершенно
 скрыла свои намѣренія, что никакое по-
 дозришельное око не могло проникнушь ихъ.

Гордясь первыми успѣхами, предается щастію, благопріятствующему обманамъ ея, и поспѣшаетъ довершить исполненіе пресупныхъ замысловъ. Волшебною властію взоровъ и прелестней своихъ уповаешь помрачить все, что нѣкогда производили Медея и Цирцея ихъ очарованіями. Сладкими звуками Сирены ласкается усыпить мудрую оспорожность благоразумнѣйшихъ Рыцарей.

Да свяжетъ новыхъ обожашелей крѣпчайшими сѣтями, упопреляетъ все хитроси, всю силу красоты своей. Непоспояныя и подвижныя черты пріятнаго лица слагались по волѣ ея. Каждое мгновеніе измѣняетъ она и видъ и поступки: иногда, какъ бы спыдаясь, попускаешь очи свои; иногда возводишь взоры, оживленные горящимъ желаніемъ, и попеременно или поощряешь робкаго, или удерживаешь нескромнаго.

Когда заспѣнчивый Рыцарь, не дерзая слѣдовать возраждающимся желаніямъ, силился погасить пламень ихъ, Армида ободряетъ его пріятною улыбкою, яснымъ и довольнымъ окомъ оживляетъ въ хладномъ сердцѣ любовь и надежду.

Скромна въ словахъ своихъ, дорожа взглядомъ, обуздываетъ дерзновеннаго въ минуты забывчивости и вперяетъ робость и почтеніе. Но сквозь негодованія, вооружающаго чело ея, проникаетъ лучъ снисходительности. Спрашивается любовь; но

не предается опчаянiю и возрастаетъ опять самыхъ суровосшей.

Иногда, уснранясь, слагаетъ черныя лица и поспуль свою, какъ бы въ глубокую печаль погруженная. Слезы появляются въ очахъ ея, и иногда же исчезаютъ; обманушыя любовники плачутъ вокругъ ея, и любовь, преобразуясь въ жалосшь, жесточайшими и оспрвйшими спрвлами пронзаешь ихъ.

Но внезапно распоргнутъ покровъ горести; надежда оживаетъ на челв ея; она возвращается къ нимъ съ новыми ласками; въ лицв горитъ пламень радости, блискаетъ во взорахъ, и небесная улыбка разсвываетъ шемное облако, коимъ печаль ея облекала сердца Рыцарей.

Всв прелести соединяются къ упоенiю разнвженнымъ чувствъ ихъ; душа ихъ исчезаетъ во множествв наслажденiй и, кажепся, вылетаетъ изъ нихъ. Любовь, жестокая любовь! твои горести и твои удовольствiя равно пагубны: всегда гибнутъ смертные или ошь твоихъ зомъ, или ошь твоихъ врачеванiй.

То старая, то хладвя, переходя каждое мгновенiе ошь радости къ печали и ошь шпраха къ надеждв, несчастные служили игроищемъ красотв, ихъ оболыцающей. Если когда шихимъ и шрепещущимъ гласомъ дерзали они жаловашься на свои мученiя, просподушна и неопытна въ любви, она, казалось, не понимала ихъ.

Или популяла очи, краснѣя опъ спыдливоспи; лиліи исчезали подъ розами, ихъ закрывающими. Такова являепся предвѣсница дня, когда украшаепь она воспокъ первыми лучами ея. — Въ густѣйшихъ оппѣнкахъ изображалось оскорбленіе, сливаясь съ чувствомъ спыдливоспи.

Если встрѣчаепь первые признаки любви, ускоряющей изъяснишь себя, она убѣтаепь и скрывается опъ смятеннаго любовника; попомъ являясь, попеременно даепь и опъемленъ у него случай къ признанію. Такъ цѣлый день обольщая, ушомляепь его щечною покусеній и лишаепь надежды. Воздыхаепь несчастный, подобенъ ловцу, при наступленіи ноци шеряющему слѣды добычи, имъ преслѣдуемой.

Таковы были таинственныя узы, Армидою на тысящу героев возложенныя; или паче, таковы были оружія, упопреленныя ею къ овладѣнію сердцами ихъ. Любовь! удивительно ли гордому Ахиллу, Ираклу и Тезею преклонись предъ твоимъ могущесствомъ, когда Христіанскіе Рыцари, вооружившіесе къ священной брани, поверглись въ оковы твои!

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Оставимъ вѣроломную, копорая, исполняя сердца ядошворнымъ упоеніемъ и недовольна бывъ обѣщаннымъ ей числомъ Рыцарей, ласкается надеждою увлещи за собою множество другихъ, и возвратимся къ Годофреду, размышляющему, кому онъ ввѣришь исполненіе дерзновеннаго предпріятія. Между сполькихъ Героевъ, кои всѣ заслуживаютъ и всѣ желаютъ быти избранными, онъ колеблется въ нерѣшимости.

На послѣдокъ, по внушенію благоразумной предусмошрительности, располагаетъ, да сами они прежде назначатъ преемника мужесшвенному Дудону, и сей да приметъ уже на себя споль затруднительное избраніе; по крайности, никто тогда не можетъ укоритъ его обиднымъ предпочпеніемъ, и самъ онъ сохранишь къ сонму знаменитыхъ воиновъ досподолжное уваженіе.

И такъ, призвавъ ихъ, вѣщала: „Ви-
„пязи! вамъ извѣстны мои чувешвованія;
„никогда не мыслилъ я лишитъ Царевну
„искомой ею помощи, но хотѣлъ шолько
„дождатся благопріятнѣйшаго къ сему-
„времени. Тотъ же совѣтъ еще вамъ пред-
„лагаю, и вы можете имъ воспользоватся.
„Въ мірѣ, полномъ превратностей, часто
„незыблемость счастья зависить отъ пре-
„мѣны въ намѣреніяхъ.

„Но когда вы продолжаете мыслить, что недостойно васъ устраниваться опасностей, когда высокое мужество ваше пренебрегаетъ совѣтъ благоразумія, можете быть, съ излишкомъ оспорожнаго въ очахъ вашихъ: да не рекутъ, что пропивъ воли удержалъ я васъ. Никогда не опягчипь надъ вами рука моя власпи, коею долженъ я вашему избранію.

„Сами разсмотримъ причины, и рѣшите; но прежде всего хочу, да наречете преемника убиенному Дудону и начальника дружинъ вашей. Самъ онъ избересть между вами десять Рыцарей, но не болѣе. Кромѣ сего единого послушанія верховнымъ моимъ повелѣніямъ, никакихъ власти его предѣловъ не полагаю“

Рекъ — и Евспафій, съ согласія поварицей своихъ, отвѣщивуешь: „Государь! медленность есть добродѣтель, устремляющая зрѣніе въ будущность, и должна быть своею; наша — есть мужество и смѣлость. Хладнокровіе, шествующее всегда размѣренными шагами, благоразумно въ Полководцѣ, но въ насъ было бы оно презрѣнная слабость.

„Впрочемъ опасность, коей подвергаетъ насъ сіе предпріятіе, должна ли одержать верхъ надъ ожидаемыми отъ него пользами? И шакъ десять Рыцарей, когда дозволяешь ты, опважунся на славный подвигъ сей.“ — Такъ подъ видомъ общей пользы скрываетъ онъ спросъ, его

увлекающую: подобно ему, сподвижники его, подъ наружнымъ желаніемъ славы, желанія любви ушаеваютъ.

Юный Евсшафій ревнивымъ окомъ взиралъ на сына прекрасной Софіи; удивлялся, но еще болѣе завидовалъ храбрости его, возвышаемой дарами природы. Спрашивался при Армидѣ сего опаснаго совѣтника и, внушаемый ревностію, избрѣлъ способъ къ его удаленію. Опшываетъ Ренальда, и ухищренными предлогами шципса обольститъ его честолюбіе.

„Великаго опца еще величайшій сынъ!
„пы, чпо во цвѣтѣ юности достигъ уже
„совершенства въ наукѣ браней! Ренальдъ!
„вѣщай: кшо достоинъ начальствовашъ на-
„ми? Я, съ прискорбіемъ повиновавшійся
„Дудону и уступавшій ему шолько изъ ува-
„женія къ его старости, брашъ Годофре-
„да, въ чьихъ нынѣ долженъ бышъ повелѣ-
„ніяхъ? Никшо, кромѣ себя, неизвѣстенъ
„мнѣ достойный избранія.

„Равный съ первѣйшими изъ Рыцарей
„величіемъ рода, одинъ пы, по славі и
„подвигамъ, достоинъ мнѣ предпочтенъ
„бышъ. Не спыжусь шого; самъ Годофредъ
„воздалъ бы доблести твоей подобающую
„честъ, и шебѣ бы уступилъ преимущество.
„И такъ шебя хошу признашъ моимъ на-
„чальникомъ, если не болѣе пріятно для
„себя бышъ защитникомъ Царевны. Но
„увѣренъ я, чпо неизвѣстная слава и по-

„двиги, во мракахъ ноци сокрышые, не
„прельщаютъ храбростьъ швою.

„Блженнапельнѣе здѣсь упопребишь ты
„и мужество и силу руки швоей. Если не
„пронивно тебѣ мое усердіе, я склоно со-
„поварицей моихъ почшишь тебя верхов-
„ною власнію; но въ оппошеніи къ самому
„себѣ, еще не зная; на что рѣшишься,
„прошу, да оставишь меня свободнымъ
„или сопровождашь Армиду, или бышь съ
„побою въ сраженіяхъ.“

Такъ вѣщаль онъ, и румянецъ, покрыв-
шій лице его, невольнo измѣнилъ сердеч-
нымъ движеніямъ. Ренальдъ прочель на че-
лѣ его шайцу, имъ сокрываемую, и улыб-
нулся. Косиющія сирѣлы любви едва про-
скользили по сердцу его, и юный Рыцарь,
не порываясь гнаться за Армидою, шертѣ-
ливо сносишь соперника.

Смерть Дудона крѣпко укоренилась въ
мысляхъ его, и онъ пославляль за спыдъ
себѣ, если дерзкій Арганъ долѣе будетъ
наслаждашь жизнію. Но пріятно ему при-
глашеніе къ чесши, ему подобающей; юное
сердце вспрепенулось и запылало при зву-
кахъ похвалы испинной.

„Не сполько леспно для меня“ опвѣп-
спивоваль онъ „досшигнушь первенспвую-
„щихъ шепеней власши, сколько бышь ихъ
„доспойнымъ. Скишпры и почесши никогда
„не пославляль я цѣною заслугъ моихъ, ни
„предметомъ моего самолюбія; но если ты
„призываешь меня къ сану сему, если мы-

„слишь, что онъ принадлежитъ мнѣ, я не
 „почту его превыше себя и не измѣню му-
 „жесву, коему присуждаешь ты споль
 „прекрасную награду.

„Не ищю, и не отвергаю достоинства,
 „шобою мнѣ предлагаемаго; и если буду
 „швоимъ начальникомъ, ты можешь пола-
 „гаться на избраніе.“ Евспафій, оставя
 его, спѣшилъ наклонить къ своимъ намѣ-
 реніямъ гордыхъ своихъ соповарищей. Но
 Гернардь присвоаетъ себѣ первое право;
 сердце его уязвлено спрѣлами красоты;
 но въ надменности своей между любви и
 славы колебаться не можетъ.

Гернардь происходитъ опъ великихъ
 Царей Норвежскихъ, повелѣвающихъ мно-
 гими обласціями; сполько діадимъ, сполько
 скишпровъ опеческихъ и прародительскихъ
 пипаютъ гордость души его. Больше пипи
 вѣковъ славился родъ Ренальда и въ мирѣ
 и браняхъ; но, возвышаясь славою собствен-
 ныхъ дѣлъ, Рыцарь сей не заимшеовался
 чуждыми заслугами.

Гернардь, копорой вѣситъ всё тяже-
 стію злаша, измѣряетъ сполько просиран-
 ствомъ владѣній, и видитъ мрачность вездѣ,
 гдѣ сполько не блистаютъ вѣнцы, — Гер-
 нардь можетъ ли снести, чшобъ Рыцарь,
 опираясь сполько на личные достоинства,
 дерзнулъ бытъ его соперникомъ? Вознегодо-
 валь горделивецъ, и нѣтъ обузданія, нѣтъ
 предѣловъ ярости и досадѣ, объявшимъ его.

Ангель шпы зрись къ сердцу его широкій путь, и, подобень извивающемуся змію, тайно вползаешъ въ него, овладѣваешъ мыслями, движешъ и возмущаешъ ихъ, раздражаешъ палящій гнѣвъ и грызущую ненависть. Во глубинѣ души, уязвляемой и раздираемой имъ, беспрестанно повсюду раешъ сей злобный гласъ:

„Ренальдъ совмѣстникъ швой? Ренальдъ смѣешъ шебя оспоривашъ и прошивопоспавляшъ шебѣ химерныхъ предковъ своихъ? Да исчислишъ, дерзостный, хотящій шебѣ уподобиться, да исчислишъ народы, покоренные законамъ его, и Царства, дань приносящія! Да укажешъ на исплѣвшемъ прахѣ своихъ праощевъ шолікое же число діадимъ, какимъ еще живущій родъ швой украшаешся! Какая дерзосшь въ маломъ владѣльцѣ малой области — въ челоуѣкѣ, родившемся въ Италіи, въ нѣдрахъ порабощенія!

„Нѣтъ нужды — падешъ онъ, или воспоржешствуешъ! уже побѣдилъ и шѣмъ, когда содѣлался швоимъ соперникомъ. Чшо скажешъ вселенная? — Ренальдъ соспяшъ, зашелъ съ Гернардомъ! — Званіе, коимъ Дудонъ былъ удостоенъ, моглобъ шебѣ придашъ шполько же блеска и славы, сколько бы само шобою украсилось; но оно посрамлено, когда Ренальдъ опважился его, присвояшъ себѣ.

„О! если изъ обипели безсмертныхъ знаменишый Дудонъ низводишъ еще око

„свое на землю — какой благородный гнѣвъ
 „долженъ воспламенишь его, когда взираешь
 „онъ на дерзкаго юношу, когда чипаешь
 „въ гордыхъ и самонадѣянныхъ мысляхъ его,
 „когда видишь неопышное дѣщице, равня-
 „ющее себя съ нимъ и мечшающее о до-
 „споинствѣ, кое приобрѣли ему лѣта и
 „подвиги!

„Онъ ищепь, онъ пребуешь сего, и —
 „вмѣсто должнаго наказанія осыпають его
 „чесною и похвалами! и — какой общій
 „смыдъ! — ободряють его власполюбіе!
 „дерзости его опшѣпсвуютъ рукоплеска-
 „ніями! Но если Годофредъ видишь по,
 „если допусшишь одержать ему санъ, тебѣ
 „одному принадлежацій, поперпишь ли?
 „Нѣшь, пы не долженъ сносишь, но до-
 „казанъ, кшо пы и чшо можешь рука
 „швоя.“

При внушеніяхъ невѣдомаго гласа воз-
 гараслся и пламенѣеть ярость Рыцаря;
 не вмѣщаясь въ полномъ сердцѣ его, свер-
 каешь во взорахъ, дышешь въ словахъ. Уве-
 личиваешь онъ и малѣйшій недоспашокъ,
 если какой присоединялся къ доблестямъ
 соперника: самолюбіе возвышенной души
 именуешь надменною гордостію, храбрость
 дерзостію, испупленіемъ и неисповесивомъ.

Все, чшо являлось въ свойствахъ его
 прекраснаго, великаго и благороднаго, обле-
 каешь ненависнымъ покровомъ; во всемъ
 видишь полько ложный блескъ порока. Злоб-
 нья хулы его доспигають до ушей самаго

Ренальда; но ничто не можешь обуздать гнѣвнаго и слѣпаго рвенія, увлекавшаго его къ гибели.

Духъ пымы, вселившійся въ немъ, движа языкомъ и вѣщая ушами его, безпрестанно множишь обиды за обидами и даешь новую пищу ненависти. Во странѣ Христианъ было огражденное пространство, гдѣ собирались избраннѣйшіе изъ Рыцарей; тамо упражняли они силы и искусство свое въ единоборствѣ и ристаніяхъ.

Тамо, при многочисленномъ собраніи воиновъ, увлеченный рокомъ своимъ, Гернардъ дерзаетъ поносить Ренальда. Языкъ его, напоенный адскою желчію, какъ изощренная стрѣла поражаетъ врага своего и расправляетъ язвленія; видишь, слышишь по Ренальдъ — и гнѣвъ овладѣваетъ его чувствами. Ты лжешь! восклицаетъ онъ, и, обнаживъ мечъ, мгновенно на него устремляется.

Гласъ его — громъ, мечъ — молнія, перуну предвѣствующая. Трещитъ Гернардъ; зреть предстоящую смерть, не можешь избѣжать ее, не находишь способовъ укрыться отъ поражений; но предъ очами цѣлаго стана силился показать себя храбрымъ. Испортивъ мечъ, ожидаетъ спрашнаго пропивника и приводитъ себя въ готовность къ защищенію.

Въ одинъ почти мигъ тысяща мечей заблещали; тысяща воиновъ припекаютъ, и порывая другъ друга, вокругъ ихъ пыснютъ

ся; невнятные голоса, смѣшанные вопли раздаются въ препешущемъ воздухѣ. Таковъ при берегахъ моря шумъ вѣтровъ, съ ревомъ волнъ сливающихся.

Но ничто не можетъ удержать неукротимый гнѣвъ оскорбленнаго героя: дыша мщеніемъ, презираетъ онъ и вопли, и преграды, ему поставляемыя. Спремится, какъ вихрь, среди вооруженнаго множества, пронеситъ въ полѣ свой громовый мечъ, и опверзая себѣ широкій путь, одинъ, не спрашивая ни Гернарда, ни тысячи рукъ, подъятыхъ къ защитѣ его.

Всегда, и въ самой пылкости гнѣва, владѣющъ собою, направляетъ удары на совѣспника своего; несетъ ихъ къ сердцу, на главу, по въ правой, по въ лѣвый бокъ; скорая и буръ подобная рука его обманываетъ око, слѣдующее за ея движеніями, и поражаетъ тамъ, гдѣ менѣе была ожидаема.

Наконецъ вонзаетъ онъ мечъ свой въ Гернардову грудь, и извлеченный, еще впорично погружаетъ. Падаетъ несчастный, и сугубою раною душа его изливается съ кровію. Побѣдипель влагаетъ въ ножны окровавленный мечъ, и укротивъ чувства гнѣва и мщенія, удаляется.

Между тѣмъ приходитъ Годофредъ, вызванный смятеніемъ и воплями; жестокое, неожиданное зрѣлище поражаетъ взоры его. Видитъ Гернарда, просперпаго на землѣ съ окровавленными власами,

съ блѣднымъ и обезображеннымъ лицомъ, и покрыпаго уже смертною пѣвною; слышитъ воздыханія, споны и жалобы воиновъ, его окружающихъ. „Кшо?“ — вопрошаетъ онъ изумленный, — „кто дерзоспный, моими „пренебрегшій запрещеніями и совершившій „преступленіе?“

Арнольдъ, ближайшій изъ любимцевъ несчастнаго Князя Норвежскаго, возвѣщаешь ему подробности происшествія, склоняя ихъ къ обвиненію побѣдившаго. „Ренальдъ“ сказалъ онъ „умертвилъ его; Ренальдъ, въ неистовой ярости, возбужденный слабыми причинами, содѣлался убійцею; мечъ, за Бога вышняго препоясанный, обратился на Его же воина; презрѣлъ „власть швою; нарушилъ общіе и извѣстные законы!

„Смерть изрекають законы сіи; смерть „заслужилъ онъ; смерти пребують и преступленіе, и мѣсто, гдѣ совершилось оно. „О! если Ренальдъ пребудеть ненаказаннымъ, примѣръ его распростиранитъ дерзкое безначаліе, и каждый при малѣйшей „обидѣ восхоцѣтъ присвоить себѣ мщеніе, „когого долженъ ожидать онъ правосудія; „все предано будетъ крамоламъ и раздору.“

Воспоминаешь попомъ о подвигахъ и доблестяхъ умершаго; не ославляешь въ забвеніи ничего, что можетъ возбудишь жалость, или негодованіе. Но Танкредъ, изшедшій на среду, предприемлетъ защитити Ренальда. Годофредъ вмешетъ ему; по

спрогий взоръ его вперяеть паче страхъ, чѣмъ упованіе.

„Государь!“ присовокупляетъ Танкредъ, „помысли, кпо и каковъ Ренальдъ; помысли, чѣмъ должны мы его достоинствамъ, помысли о высококомъ его происхожденіи и о Гельфѣ, дядѣ его. Не прилично опягчишь власпъ надъ каждымъ виновнымъ безъ изъяснiя. Различіе званiя предполагаетъ различіе въ самомъ свойствѣ преступленiя, и равенство въ наказанiи справедливо только при равенствѣ шѣхъ, кои ему подвергающся.“

— „Преимущество званiя“ отвѣпствуетъ Годофредъ „налагаетъ и преимущество священнiй долгъ подаватъ другимъ при мѣрѣ къ повиновенiю. Танкредъ! совѣптъ твой пагубенъ, разсужденіе ложно, когда хочешь, чшобъ я попустилъ знанности соблазнительное своевольство. Чшо власпъ моя, если бы повелѣвалъ я одною только преступнною шолпою? Столь слабаго жезла, столь поспыднаго владычества за сію цѣну удержатъ я не желаю.

„Данная мнѣ власпъ не ограничена предѣлами, и я не поперплю, чшобъ унижалась она въ рукахъ моихъ. Знаю, въ чемъ должно различишь награжденiя и казни; знаю и шо, въ чемъ должно подклонишь подъ иго закона великихъ и малыхъ въ равенствѣ совершенномъ.“ Рекъ — и Танкредъ, связуемъ почтеніемъ, умолкнулъ.

Рачипельный подражатель древней строгости, Раймондъ восплескалъ разсужденіямъ Годофреда. „Такъ“ вѣщаль онъ, „шакъ, верховная власць вселяетъ къ себѣ „почпеніе. Нѣпль благоустройсхва, нѣпль „подчиненности, когда виновный избѣ- „гаетъ наказанія, и не уважительно ми- „лоснъ, когда не возлежитъ она на спра- „хѣ неизъемлемаго правосудія.“

Танкредъ, пораженный сими грозными словами, удалился; возсѣлъ на коня, казавшагося крылашымъ, и лешипъ къ Ренальду. Сей, успокоясь по опѣяши у врага своего и гордости и жизни, вошелъ уже въ наметъ свой. Тамъ обрѣпаетъ его Танкредъ, и даепъ о всемъ подробное извѣ- сніе.

„Наружность человѣка“ продолжалъ онъ, „не всегда еспъ вѣрное зеркало его чув- „ствованій, и глубокой безднѣ подобно серд- „це смертнаго; но, судя по строгости взо- „ровъ Годофреда, судя по его изреченіямъ, „онъ хоцетъ сравнятъ шебя съ проспо- „народными преступниками и подвергнушь „всей строгости законовъ.“

Усмѣшка, проникнушая негодованіемъ, явилась на устахъ Ренальдовыхъ. „Неволь- „никъ“ рекъ онъ, „или бытъ имъ dospой- „ный, да ищепъ въ оковахъ рабскаго „оправданія. Родясь и живѣ свободнымъ, я „умру шаковымъ же, прежде нежели позор- „ныя цѣпи обременятъ меня. Рука сія

„умѣешь дѣйствовать мечемъ и срываешь
„лавры, но опвергаешь посыдныя узы.

„Если Годофредъ однѣ только цѣпи го-
„повишь въ награду мнѣ, если онъ хо-
„щешь предашь меня заключенію, какъ
„низкаго преспуника, да пришлешь ис-
„полнителей воли своей, да придетъ самъ:
„я ожидаю его; сила и оружіе изрекутъ
„судъ между имъ и мною. Онъ приугошо-
„вишь врагамъ нашимъ кровавое зрѣлище.“

Сказавъ то, повелѣваетъ подати себѣ
вооруженіе. Немедленно облакается въ
свѣплую спаль, возлагаешь на шуйцу тя-
желый щипъ и препоясуешь убійственный
мечъ по чресламъ своимъ; сверкающъ взоры
его, оружіе блещетъ какъ молнія. Таковъ
нѣкогда сошелъ ны съ Олимпа, о сильный
богъ браней, въ крѣпости всеоружія шво-
его, облеченный спрахомъ!

Но Танкредъ, желая укропитъ сіе сви-
рѣное мужество, вѣщаль ему: „Неуспра-
„шимый воинъ! я знаю, что рукъ швоей
„ничто противоспашъ не можешь; знаю,
„что среди оружія и въ идрахъ ужаса все-
„превосходящая храбрость швоя порже-
„сшвуетъ блистательнѣе; но да не попу-
„сшишь Вышній, чшобъ нынѣ явила она
„споль жестокій опышь къ нашему бѣд-
„сшвию!

„Скажи мнѣ, какія швои намѣренія?
„Уже ли хочешь обогришь себя въ крови
„друзей и братьевъ швоихъ? Хочешь ли,
„умерщвляя недостойно Хриспіанъ, уязв-

„ляшь самага Хриспа въ членахъ Его? Или
 „скоропреходная честь, щедрое уваженіе
 „къ мнѣніямъ, кои, подобно морскимъ вол-
 „намъ, являюпся и исчезаюпъ, болѣе имѣ-
 „юпъ власти надъ побою, чѣмъ Вѣра и лю-
 „бовь къ славѣ, дающей намъ безсмертіе
 „въ небесныхъ жилищахъ?

„Ахъ, Небомъ заклинаю себя! воспор-
 „жествуй надъ самимъ собою, совлекись
 „чувствованія независимости, совлекись
 „гордости пвсей и усупи преходящей
 „бурѣ. Нѣтъ! не малодушіе ты будешь, но
 „высокое усиліе добродѣтели, общающее
 „тебѣ побѣдный пальмъ. Еслибъ юноспь
 „моя достойна была служишь примѣромъ
 „для другихъ, я бы рекъ тебѣ, что я самъ
 „оскорбленъ былъ, но не вооружилъ руки
 „моей противу Христіанъ: умѣлъ возобно-
 „влять надъ чувствами мщенія.

„Побѣдипель Киликіи, я поставилъ на
 „спѣнахъ ея хоругвь креспную. Приходитъ
 „Бадуинъ, скрываетъ честолюбіе подъ ли-
 „чиною дружества, обольщаетъ меня и не-
 „доспойно присвоаетъ мое приобрѣтеніе.
 „Я имѣлъ, можетъ быть, способы силою
 „оружія возврашпъ его; но имѣлъ и муже-
 „ство оставилъ покушеніе.

„Душа швоя негодуешь при мысли о
 „темничномъ заключеніи; нестерпимо бы-
 „ло бы для тебя видѣшь руки швои
 „ошягченныя посшдными оковами. Ты
 „хочешь слѣдовать законамъ и обычаямъ,

„кои въ народныхъ поняшяхъ освящены
 „именемъ чесни. — Оспавъ мнѣ защищашъ
 „себя здѣсь предъ Годофредомъ, и снѣши
 „въ Аншіохію испросишь у Боемонда убѣ-
 „жище. Лучшее средство для тебя укрышь-
 „ся нынѣ опъ пылкости перваго суж-
 „денія.

„Скоро — когда Египецъ, или другая
 „невѣрная Держава прошиву насъ воору-
 „жишся — храбросшь швоя съ сугубымъ
 „блескомъ явишся намъ въ опдаленности;
 „безъ помощи швоей ополченіе подобно бу-
 „детъ обѣченному шѣлу, безъ рукъ и безъ
 „силы.“ — Гельфъ, пришедшій между
 „шѣмъ, одобрилъ совѣщъ сей, и побуждалъ
 Ренальда не медля удалиться.

Наконецъ юный Рыцарь, укротивъ рве-
 ніе досады и мужесшва, внялъ совѣшамъ
 дружбы, и не прошиворѣча болѣе, спѣ-
 шилъ изъ спана, ей опаснаго. Множесство
 сподвижниковъ, прилѣпленныхъ къ судьбѣ
 его, спекающешя, желая въ бѣгсшвѣ сопро-
 вождашъ его; но онъ, изъявивъ благодар-
 носшь къ ревности ихъ, полько двухъ
 оруженосцевъ поемлешъ съ собою, и садилешя
 на бодрого коня своего.

Сѣлъ — и удалился съ сердцемъ, ис-
 полненнымъ желанія безсмершной славы.
 Горилъ неперпѣніемъ успремишся къ ве-
 личайшимъ предпріятіямъ и ознаменовашъ
 силу руки своей новыми чудесами: хо-
 щешъ, какъ воинъ Вѣры, повергнушся во
 среду враговъ и увѣчашъ себя лавромъ;

или въ жертву ей кипарисами; обещи весь Египетъ и проникнуть даже до мѣстъ, гдѣ Ниль скрываетъ невѣдомый источникъ свой.

Принявъ послѣднія лобзанія Рыцаря, Гельфъ ускорялъ къ Годофреду. Верховный Вождь, едва только увидя его, восклицаетъ: „Гельфъ! о тебѣ вопрошалъ я, и уже далъ повелѣніе герольдамъ моимъ по всему спану искать тебя.“

Потомъ, удаля всѣхъ бывшихъ при немъ, тихо продолжалъ: „Гельфъ! при- „знаюсь, племянникъ твой много далъ овла- „дѣль собою первымъ движеніемъ гнѣва: „чѣмъ извинишь содѣянное имъ преступле- „ніе? О! еслибъ возможно было оправдать „его въ очахъ моихъ! Но Годофредъ надъ „всѣми начальствуетъ, и долженъ всѣмъ „одинаковымъ правосудіемъ.

„Строгой блюстителъ закона и справед- „ливости, я буду неизмѣннымъ правъ ихъ „защитникомъ, и сила спраспей никогда „не уклонишь меня опъ пущи сего въ мо- „ихъ присужденіяхъ. Если справедливо, какъ „предполагають, что Ренальдъ былъ вы- „нужденъ преступить мои запрещенія и „разрушить союзъ порядка, да придетъ „оправдать себя, да преклонитъ гордое „чело свое предъ судилищемъ, коему онъ „долженъ опчешомъ въ своихъ дѣяніяхъ.

„Да придетъ свободенъ! Уважая до- „стоинства, не обременю его оковами: вопъ „все, что могу. Но если колеблется онъ,

„если неукропимая, мнѣ извѣстная, дер-
 „зость его непреклонна будетъ къ повинно-
 „венію, тебѣ должно убѣдить его, тебѣ дол-
 „жно удержатъ, да не принудитъ онъ умѣ-
 „ренного и кропкаго Начальника содѣлать-
 „ся справедливымъ и спрогитъ мспише-
 „лемъ за оскорбленіе власпи и закона.“

— „Государь!“ отвѣтствовалъ ему
 Гельфъ: „душа, возмущаемая и малѣйшею
 „шѣнію безславія, не могла внимать язви-
 „тельнымъ поруганіямъ и не опрацитъ ихъ.
 „Ренальдъ умертвилъ оскорбителя; но кто,
 „въ подобномъ случаѣ, могъ бы хладнокров-
 „но пославить предѣлы справедливому
 „мщенію? могъ бы положить мѣру ударамъ
 „руки своей, и въ пылу бисвы уравнишь
 „обиду съ удовлетвореніемъ?“

„Ты пребуешь, да предасъ себя Ре-
 „нальдъ верховной власпи швоей. Невоз-
 „можно сіе: на быспромъ конъ своемъ онъ
 „далеко уже ошъ спана; но рука моя го-
 „шова докашатъ презрѣнному его обвини-
 „телю, — ктобъ ни дерзнулъ подобно
 „клеветать его, — что онъ воздалъ до-
 „стойную мспь за обиду, шершѣніе его
 „превозшедшую.“

„Такъ, Государь! ему должно было на-
 „казатъ гордосъ надменнаго Гернарда.
 „Единшвенная вина его еспь забвеніе во-
 „ли швоей, и я, къ избытку душевной го-
 „рести, не могу оправдатъ его заблужде-
 „нія.“ — „Да сѣшитъ онъ“ рекъ Годоф-

редъ, „пренесъ инуда пагубу раздора; не „хощу, чшобъ и ты посѣялъ здѣсь сѣмена „новой вражды. Попушимъ, заклинаю те- „бя, послѣднія искры столь опаснаго пла- „мени.“

Между тѣмъ коварная Армида не пре- спавала убѣждашь о ускореніи обѣщанною ей помощію: каждодневно упопребляла къ шому и хипросшь и прозьбы, искусство нравилъся и силу красоты. Когда ночь облекала природу чернымъ покровомъ, она удалялась въ наметъ, ей назначенный, съ двумя спутниками своими и двумя спутни- цами.

Но ни хипрости, ни обольспитель- ные слова, ни прелесшь взоровъ, еще опа- снѣйшая, ни красота, съ коею ничто въ подлунномъ мрѣ не равнялось, красота, покорившая мужеспвеннѣйшихъ Рыца- рей, — ничто не уловляло Годофреда, ничто не могло возжечь сердца его винов- ною любовію.

Тщешно ищеть она очаровашъ его, щешно желаешъ пролишь въ чувства его сладкій и убійспвенный ядъ. Какъ утолив- шая гладъ свой ппица не лепишь на при- манчивую пищу, къ которой другая зо- вешъ ее: — шакъ Герой, пресыщенный суешою мра, имъ пренебрегаемою, отвра- щаетъ взоры опъ прелеспей, ему пред- спавляемыхъ. Посвятивъ единому Небу мысли и желанія свои, избѣгаетъ всѣхъ сѣ-

пей, и всѣмъ покушеніямъ соблазняющей красотою измѣняешь.

Никакія прешкновенія не совращають его съ пути, Богомъ ему показаннаго. Какъ новый Промей, Армида его преслѣдуетъ, облакается въ тысящу различныхъ образовъ: ея видъ, пламень взоровъ ея хладнѣйшее сердце превратили бы въ огненное; но щипъ небесный опрѣваетъ далече опъ Годофреда всѣ ея спрѣлы и упоминаешь швердоссть ея.

О! какъ посрамлена гордоссть прекрасной, мыслившей, что единый взоръ ея довлѣетъ къ воспаленію сердець непорочнѣйшихъ! Съ какимъ удивленіемъ, съ какою досадою видишь она шщепу своихъ прелестей! Оспавалось рѣшишься ей искашь легчайшихъ побѣдъ. Такъ искусный вождь оспавляетъ осаду, бесполезно испощевающую силы его, и преноситъ въ инья мѣста оружіе и опважность свою.

Сшолькожь непреодолима и швердоссть Танкреда, прошивающаяся всѣмъ ея прельщеніямъ: иная любовь владычеспвуетъ въ сердць, заключенномъ для новыхъ заразь, подобно Мипридашу, прошиву ядовъ ядомъ себя вооружавшему. Но Годофредъ и Танкредъ одни шолько оспались непобѣжденными; всѣхъ прочихъ согрѣваль, или поядалъ пламень очей ея.

Неполный успѣхъ посшыденъ и прискорбенъ для гордой души ея; но по крайности ушѣшается она, плѣнивъ множесп-

во другихъ отличныхъ Вишязей. Прежде, нежели могъ распорженъ бытъ покровъ, за коимъ пацались ея намѣренія, мыслишь увлещи ихъ въ мѣспа, ей надежнѣйшія, гдѣ иныя цѣпи, иныя узы возложишь на нихъ располагалась.

Время, къ коему обнадежилъ ее Христіанскій Вождь помощію, уже минуло. Съ почтительнымъ видомъ приближась къ нему, „Государь!“ вѣщала она: „изпекъ день, назначенный къ исполненію обѣщанія шво-его; если шпиранъ увѣдаешъ, что я просила тебя о помощи, самъ вооружися къ защитѣ своей, и посшавишь преграды нашимъ предпріятіямъ.“

„Прежде чѣмъ сомнительный гласъ молвы, или тайные согладашели принесуть ему о шомъ извѣстіе, удостой избрать знаменитыхъ защитниковъ моихъ, и повели имъ препроводить меня. Если Небо не преспало покровительствовать невинности, если добродѣтелямъ смертныхъ внемлетъ Оно, я взыду на престоль мой, и тогда, послушная законамъ швоимъ, въ миръ и браняхъ послѣдую судьбѣ швоей.“

Рекла — и Годофредъ внялъ прозвѣ, коей отвергнувъ болѣе не можетъ. Неперпѣливостъ Дамасской Царевны принуждаешъ его на себя принять шугубный выборъ, коего онъ избѣгнушь хотѣлъ. Но всѣ ищущъ сего предпочшенія, и взаимное соревнованіе превращается въ поспыдную докучливостъ.

Армида, проникая во внутренность сердце ихъ, новыми средствами укрѣпляетъ надъ ними власть свою: уязвляетъ души ихъ страхомъ и ревностію. Знаетъ, что любовь успокоенная, теряя силу, засынаетъ подобно коню, побуждаемому привромъ другаго, ему послѣдующаго, или предпекущаго.

Искусно раздѣляетъ выраженія нѣжности, страстные взоры, пріятную улыбку. Нѣтъ ни одного изъ прельщенныхъ ею, кто бы не зависывовалъ щастію другаго и не чувствововалъ совокупно и страха и надежды.² Обаявшая полпа, движимая однимъ мановеніемъ взгляда, не знаетъ ни стыда, ни скромности. Тщешно Годофредъ, порицая ихъ, упошреблялъ всѣ средства къ удержанію.

Желаетъ удовлетворить всѣмъ безъ пристрастія, хотя стыдился ихъ заблужденія и негодуешь на безуміе; но опчаясь побѣдись заколеблосъ, ничему не внемлющую, предлагаешь всѣмъ имъ способъ къ соглашенію. — „Да напишутся,“ рекъ онъ, „имена ваши, да вложатся купно въ единый сосудъ, и жребій опредѣлитъ избраніе.“

Имена мгновенно написаны, ввергнуты въ урну, сопрясены и смѣшаны. При изыяшій первое явилось Артемидора, Графа Пемброкскаго, попомъ Жерарда, за коимъ слѣдовало имя Вѣнцеслава: Вѣнцеславъ, нѣкогда примѣръ мудрымъ, нынѣ, подъ сѣды-

ми власами, въздыхаешъ любовію, достпойною посмвнїя.

Какая радость изобразилась на лицахъ шрехъ Рыцарей! какъ блиспало въ очахъ наслажденіе, преполняющее души ихъ! Напротивъ того, какъ препепали сердца ихъ, имена коихъ сокрывала зависпливая урна! Мрачная ревность написана во взорахъ ихъ; въ неизвѣсности и содрогающь, ожидали они своего жребїя.

Гасионъ былъ чепвертый, Родольфъ за нимъ изшелъ, а за симъ Олдерикъ; седьмый всшупилъ въ число ихъ Вильгельмъ Руссиліонскій; далѣ явились имена Эверарда Баварскаго и Генриха изъ Франціи. Рамбальдъ былъ послѣдній — Рамбальдъ, потомъ опешупившій опъ Вѣры и содѣлавшійся врагомъ Исусовымъ. Сшолько-то пагубна власъ любви! — Избраніемъ его совершилось десяшеричное число, и для всѣхъ прочихъ оспалось заключеннымъ.

Старая гнѣвомъ, ревностію и завистію, виняшъ сіи несправедливостъ щасшїя. Тебя обвиняющъ они, любовь! шебя, ввѣрившую жребїю ихъ и державу швою въ руки сего слѣпаго щасшїя. Сшавъ жертвою желаній, раздражаемыхъ запрещеніемъ, многіе, вопреки жребію, умышляющъ слѣдовать за Армидою, и шолько ждущъ, когда распрощрусь мрачныя шѣни по небесной лазури.

Клянущься и день и ночь бытъ съ нею неразлучными, сражашься за прелесшную

и не щадить жизни своей. Словами, вздохами, какъ бы невольно вырывающимися изъ груди ея, раздуваетъ она ихъ сердечный жаръ: обращаясь по къ тому, по къ другому, изъясняетъ сожалѣнiе, что она безъ него вдаётся пущи своему. Между шѣмъ десять Рыцарей, возложивъ на себя оружіе, предспали Годофреду для принятiя послѣднихъ его повелѣній.

Мудрый Начальникъ распочаетъ наспавленiя: предваряетъ, какъ мало должны они довѣрять народу невѣрному, непоспоянному и легкомысленному, научатъ ихъ средспвамъ, какiя нужны для избѣжанiя разспавляемыхъ сѣпей и угрожающихъ бѣдспвій; но вѣспрь разноситъ уроки, для нихъ бесполезные, и любовь посмѣваетъ совѣспамъ его. Наконецъ проспился съ ними Годофредъ, и неперпѣливая Армида не ожидала возвращенiя успра для опшеспвiя.

Уже въ пущи побѣдоносная; уже влечетъ за собою окованныхъ любовiю соперниковъ, украшающихъ торжеспво ея. Толпа другихъ остаепся въ добычу люшпѣйшимъ шерзанiямъ. Но едва шолько наспушила ношъ, ведущая подъ темными крылами своими безмолвiе и бродящiя мечпы, какъ большая часпъ изъ нихъ, увлекаемы спраспiю, шайно изходящъ изъ спана и шекунъ по слѣдамъ ея.

Прежде всѣхъ ускоришь Евспафiй. Едва дождался онъ ноци и мрака, пожираемый неперпѣливостiю, бѣжитъ изъ спана

и поспѣшаетъ въ шемношѣ, подъ руковод-
ствомъ слѣпаго путеуказателя. Заблуж-
дается всю ночь, и напоследокъ, съ пер-
вымъ разсвѣтомъ дня обрѣтаетъ Армиду
и спутниковъ ея въ селеніи, гдѣ съ вечера
оспановились они.

Спрямился къ ней; но Рамбальдъ, ско-
ро познавшій его по вооруженію, грозно
возопилъ: „Рыцарь! что приводишь меня
въ мѣста сіи? чего ты ищешь здѣсь?“ —
„Армиды. Если она не пренебрежешь руку
мою и дань сердечную, я буду ревностнѣй-
шимъ ея защитникомъ и вѣрнѣйшимъ ра-
бомъ.“ — „Кто къ сей опличной чести при-
звалъ тебя?“ — „Любовь!“

„Я избранъ былъ любовію, а ты сча-
стливъ: чье право законнѣе по своему мнѣ-
нію?“ — „Тщешное и ни къ чему для те-
бя бесполезное присвоеніе! Не призванъ
и не имѣя права, напрасно ищешь ты
присоединиться къ защитникамъ, признан-
нымъ Царевною.“ — „И кто дерзнешь мнѣ
по оспоривать?“

„Я!“ — Съ симъ словомъ Рамбальдъ, об-
наживъ мечъ, выступая къ Евспафію;
съ равнымъ презрѣніемъ, съ равною отваж-
ностію сей взаимно къ нему приближается.
Но Армида проситъ руку свою, и взоромъ,
души покоряющимъ, оспановляетъ
пылкія движенія ихъ. „Прошу тебя“ рек-
ла она Рамбальду, „имѣнь терпѣніе къ со-
путнику, умножающему число моихъ Ры-
царей.“

„Когда моя безопасность, моя жизнь не
 „малоцѣнный въ очахъ твоихъ, почто ли-
 „шаешь меня новой помощи въ нуждѣ, по-
 „лико оцупительной? — Благодарю судь-
 „бѣ!“ продолжаетъ она, обращаясь къ Ев-
 „спафію: „благодарю судьбѣ, приводящей
 „тебя къ опмщенію чести и защитѣ дней
 „моихъ. Слѣпа, несмысленна была бы я,
 „еслибъ пренебрегла споль великодушнаго
 „сподвижника, помощь споль знаменитую.“
 Такъ вѣщая, зреть и еще новыхъ защити-
 „никовъ, къ ней приближающихся.

Смѣкающа различными пупями и ози-
 рающа другъ друга косыми взглядами рев-
 „носпи. Армида съ радосію приемиетъ ихъ,
 привѣстствуетъ съ улыбкою, и каждый
 мнитъ видѣть на челѣ ея предпочтеніе
 мужеству его и чувствованіямъ. Между
 шѣмъ прояснились ночныя пѣни, и Го-
 „дофредъ усмопрѣлъ опшествоіе своихъ Ры-
 „царей. Печальныя предчувствованія ожида-
 „ющаго ихъ бѣдспвія исполнили душу его
 безпокойствомъ и смущеніемъ.

Углубленному въ сихъ помышленіяхъ
 предспаешъ гонецъ, задыхавшійся опъ по-
 „спѣшности и покрытый пылію. Мрачный
 взоръ, болѣзненныя чувства, написанныя
 на лицѣ его, предваряюща уже о неприят-
 „ной вѣспи, приносимой имъ. „Скоро“ вѣ-
 „щаль онъ, „бездна водъ покроется Египет-
 „скимъ морскимъ ополченіемъ: Вильгельмъ,
 „начальствующій Генуезскими кораблями,
 „повелѣлъ мнѣ о шомъ извѣститъ тебя.“

Присовокупляеть, что великое количество запасовъ, съ кораблей въ спанъ Христіанскій опсправленныхъ, опспановлено въ средиѣ пупи; что внезапно шолпы Аравлянъ въ узкой долинѣ напали на опрядъ, сопровождавшій запасы сіи, побили и плѣнили воиновъ, и что ни одинъ не избѣжалъ опъ хищниковъ.

Что нѣтъ предѣловъ дерзости и наглости дѣйствіямъ сихъ скипающихся варваровъ; что наполняютъ они всю спрану подобно наводненію, никакого оплоша не встрѣчающему; что, для усспрашенія ихъ и приведенія въ безопасностъ пупей между моремъ и спаномъ, необходимостъ преебуетъ послать опдѣленные силы.

Мгновенно пагубная вѣсть по всему спану разносится; подчиненный классъ воиновъ спрашивается и уже видитъ приближающуюся гладъ со всѣми его ужасами. Мудрый Годосфредъ, не находя болѣе въ нихъ прежняго мужества и опважности, съ видомъ спокойнымъ и увѣреннымъ шцился ободрить и упѣшить ихъ.

„Воины!“ онъ возглашаетъ имъ: „вы; „что преодолѣли тысящи препинаній, „тысящи опасностей, прешли со мною „спраны различныя! вы, рожденные за- „щипить Вѣру и возвратить ей похищен- „ное ея достояніе! вы, побѣдившіе силы „Персін, обманы Грековъ, горы и моря, „зиму и бури, жажду и гладъ! вамъ ли „спрашишься должно?”

„Богъ управлялъ стопы и всѣ движенія наши; Богъ являлъ намъ шолікокрасно „опыты благоспи Своей въ напасняхъ, „одержавшихъ насъ: уже ли нынѣ поколебалось ваше на Него упованіе? уже ли мыслили вы, что Онъ опіврашилъ опъ васъ „лице Свое и спасающую десницу Его? „Грядеть день — и сей день уже близокъ — когда вы исполните обѣщанія „Ему „данные, и въ душевномъ услажденіи о „всемъ прешерпѣнномъ воспоминаете. Призовите въ помощь мужество ваше и брегните себя для побѣды, васъ ожидающихъ!“

Такъ оживлялъ онъ умирающую надежду ихъ; такъ упѣшала ихъ и успокоивалъ, являя взоръ ясный и несмуцаемый. Но въ глубинѣ сердца своего скрывалъ мучительную грусть и грызущія заботы: мыслилъ, какъ при угрожающемъ недоспашкѣ пропашаетъ воинство, какъ противостанеть ополченію Египта и кораблямъ его; наконецъ, какія преграды хищеніямъ Аравлянъ положишь можеть.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Въ часы унынія, поспигшаго Христианъ, сладкая надежда, упѣшала осажденныхъ, разсѣиваетъ смущеніе ихъ. Ношь, облекаясь въ шеміую ризу свою, безпреспанно приносишь имъ новые запасы: оружія и бранные снаряды, какъ часный дѣсь,

сгущаясь на укрѣпленіяхъ града со страны сѣверной, представляють страшное и грозное чело свое; спѣсны внозь возвышены, и въ непроницаемой полстопѣ своей, казалось, посмѣвающся всякой силѣ, всякому поспрясенію.

Неупомимый Аладдинъ продолжаетъ и еще по шамъ, по индѣ возвышашъ ихъ и укрѣпляшъ пвердыни. Солнце ли блестящъ злапое, луна ли посребришъ, или звѣзды, омраченное небо, спруждающіеся не преспаюшъ ускоряшъ дѣло свое; силы упомянутыхъ рукъ испощались пвореніемъ новыхъ оружій; но несперпящій споль медлительныхъ пригоповленій, Арганшъ приближаешъ къ Царю и вѣщаешъ:

„Доколѣ будешъ заключашъ насъ плѣнниками въ спѣснахъ твоихъ? доколѣ будемъ сокрывать спыдѣ нашъ и малодушіе въ осадѣ продолжительной? Наковальни спонупшъ подъ тяжеспію млаповъ; звукъ шлемовъ, броней и щиповъ опзывается въ ушахъ моихъ; но не вижу, къ чему упопрѣбляшъ они. Между пѣмъ разбойники опуспощаюшъ поля пвои, грабяшъ веси и мѣсна укрѣпленныя; никшо не дерзаешъ удерживашъ набѣги ихъ; даже звукъ спрубш бы сна ихъ не возмущаешъ.

„Пиршество и праздниковъ ихъ ничшо не приводишъ въ смяшеніе; во весь спокійны день, всю ношъ предаюшся опдохновенію; но пвоя медленность, пвое равнодушіе, безконечное ожиданіе помощи Егип-

„на, ускоряшь гладь, грозящій предашь
 „нась въ оковы враговъ, или смерти по-
 „спыдной и укоризненной.

„Я? . . . О! я не хочу, да безславная
 „смерть погребешъ дни мои въ вѣчномъ заб-
 „веніи; не хочу, да солнце, возвращаясь на
 „зупріе, заспанешъ меня скрывающагося въ
 „спѣнахъ пвоихъ. Пусть неизбѣжный рокъ
 „располагаетъ жизнью моею по суду небес-
 „ному; но да не рекушь, что Арганъ по-
 „гибъ, удаляясь битвы, безъ чести оп-
 „мщенія.

„Но когда не погасло древнее мужество
 „пвое, когда плѣюшь еще въ тебѣ хопя
 „малѣйшія искры его — о! тогда не смер-
 „ти, славной въ ужасахъ битвы; но жизни,
 „но побѣды уповаль бы я. Изыдемъ купно,
 „поспѣвшимъ искапъ врага и жребія нашего.
 „Въ величайшихъ опасностяхъ совѣты хра-
 „брости часто бывають совѣтами благо-
 „разумія.

„Еслижъ ты ничего не ввѣряешь оп-
 „важности, если спрашишья подвергнуть
 „всѣ силы пвои сомнительностямъ сраже-
 „нія, согласишь хопя на то, да рѣшапъ
 „прю два Рыцаря; и да удобнѣе прекло-
 „нимъ Вождя Христіанъ къ принятію вы-
 „зова, пустъ самъ онъ избересть оружіе, на-
 „значипъ по волѣ своей мѣсто и условія
 „битвы.

„Если противникъ мой будетъ имѣть
 „не болѣе двухъ рукъ и единой души, то
 „сколькобъ ни былъ онъ храбръ, сколькобъ

„ни былъ безпрепечень, ты не долженъ
 „спрашиться никакой превратности въ дѣ-
 „лѣ справедливомъ и Арганпомъ защищае-
 „момъ. Такъ, въ сей рукѣ и щастіе и судь-
 „ба швоя; она даруетъ побѣду тебѣ: при-
 „ми ее въ залогъ вѣрности моихъ обѣщаній
 „и швоей безопасости.“

— „Пылкій юноша!“ отвѣщивоваль
 ему Аладдинъ: „хотя опягчена древностию
 „лѣшь рука моя, но не спрашится еще
 „дѣйшвовать оружіемъ. Нѣшь во мнѣ шой
 „презришельной слабости, чшобъ предпо-
 „чель я посшыдную гибель шой достослав-
 „ной смерти, коей предаешь себя великій
 „духъ, еслибъ и дѣйшвишельно имѣлъ при-
 „чины спрашиться бѣдшвей и глуда, шо-
 „бою мнѣ предвозвѣщаемыхъ.“

„О Небо! удали опъ меня сіе безсла-
 „віе! — Но я хочу вѣришь Арганпу шай-
 „ну, мною съ намѣреніемъ опъ другихъ со-
 „крываемую. Солиманъ, пылающій мщени-
 „емъ за поражение, въ Никеи имъ преперпѣн-
 „ное, собралъ даже въ знойномъ нѣдрѣ Ли-
 „віи бродящія шолпы Аравіянъ, и напа-
 „дая внезапно во мракахъ ноци на враговъ
 „нашихъ, упоаетъ принеслъ намъ помощь
 „и запасы.“

„Уже скоро будетъ онъ подъ сими спѣ-
 „нами. Ожидая его, оставимъ Христіанъ
 „упоеваніи себя щщепными приобрѣшеніями,
 „и будемъ помышлять шолько о соблюденіи
 „прешола и державы моей. Умѣрь, про-
 „шу тебя, пламень мужеспва и чрезмѣру

„кипящее рвеніе; ожидай урочнаго часа
„швоей славы и моему мщенію.“

При имени Солимана, давняго совмѣстника его, воспылалъ яростію гордый Черкесь, и негодуя на Ладдина, споль много уповающаго на дружбу и помощь Султана — „Государь!“ рекъ ему: „пы власень
„и въ мирѣ, и въ войнѣ; я пребуду безмол-
„вень; располагай временемъ, ожидай Со-
„лимана и ласкай себя надеждою, что поплъ,
„кто пошерялъ свои владѣнія, сохранишь
„швои.

„Да придетъ Солиманъ, сей ангель хра-
„нишель, сей избавишель Музульмановъ! Но
„я — я самъ себѣ довлѣю, и хошу свободы
„шолько ошъ руки моей. Между шѣмъ,
„какъ все здѣсь усынаешъ въ бездѣйствіи,
„дозволь, чтобъ я изшелъ внѣ града; и ког-
„да тебѣ неутодна опважноспъ моя, иду,
„какъ свободный воинъ, по собспвенной во-
„лѣ сражатся съ Христіанами.“

— „Тебѣ надлежало бы сохранишь храб-
„рость швою и оружіе для лучшаго упо-
„шребленія; но ты можешь, если желаешь,
„вызвашъ кого-либо изъ воиновъ ихъ.“ —
„Иди!“ послѣшно рекъ Арганпъ вѣспнику:
„иди въ долину, и въ виду всего спана
„Христіанъ неси мой вызовъ ихъ Вое-
„начальнику.

„Въщай ему, что Рыцарь, чшущій для
„себя посрамленіемъ скрываетъ въ огражде-
„ніи спѣнъ, нешерпѣливо желаетъ явишь
„опышы мужества своего; что онъ гошовъ

„сражашся въ полѣ, разлучающемъ спань
„онъ града, и вызываешъ храбрѣйшаго изъ
„Хрисціанъ.

„Что не довольно ему одного Рыцаря,
„но ожидаешъ вшораго и прешьяго; чеп-
„вершый и пяшый могуль еще выступипь;
„что каждый изъ Хрисціанъ, знашный ли
„шо, или рожденный въ неизвѣспности, мо-
„жешъ бышъ ему прошивоборникомъ, и что
„побѣжденный будетъ, по праву оружія,
„работъ побѣдителя.“ Рекъ — и вѣспникъ
мгновенно облекся въ одежду, украшенную
златомъ и пурпуромъ.

Изшелъ, и предспаешъ Годофреду,
окруженному знаменишыми его вишьями.
„Государь!“ вѣщаешъ онъ: „дозволишъ ли
„вѣспнику брани исполнпшъ данныя ему по-
„велѣнія?“ — „Дозволяю; изьяснисъ безъ
„спраха.“ — „Ты узнаешъ въ сію минушу,
„пріяпно для тебѣ, или опасно будешъ мое
„возвѣщеніе.“

Такъ продолжая, въ надменныхъ и ве-
личавыхъ выраженіяхъ предлагаешъ вызовъ;
всѣ Хрисціане воскипѣли негодованіемъ.
„Рыцарь, пославшій тебѣ,“ отвѣспивуешъ
Годофредъ „покушаешся на прудное пред-
„пріяніе; скоро почувспвуешъ онъ всю его
„шяжестъ, и не дождеши пяшаго прошиво-
„борца для украшенія побѣды своей.

„Да придетъ онъ! Свободно и безопасно
„будешъ для него поле битвы: кто-либо
„изъ Рыцарей моихъ сразится съ нимъ, и
„клянусь, что сразится съ равнымъ ору-

„жіемь.“ По сихъ словахъ вѣспникъ быспро печеть въ обратный путь принесши надменному Черкесу данный опвѣль.

„Вооружайся, Государь!“ сказала ему: „почшо медлить? Христіане пріемлють вызовъ швой; слабѣйшіе въ мужествѣ, равно какъ и неуспрашимѣйшіе, стараюшъ желаніемъ испыпашъ прошиву тебя силы свои. Я зрѣлъ тысящу грозныхъ взглядовъ, тысящу гооруженныхъ рукъ; Вождь ихъ обезопасишъ мѣсто сраженія.“ Арганшъ, не медля, повелѣваешъ подашъ себѣ вооруженіе.

Съ неперпѣливоспїю возлагаешъ на себя доспѣхи свои и спѣшишъ въ поле рашнос. „Несправедливобъ было,“ рекъ Аладдинъ Клориндѣ „чшобъ онъ изшелъ одинъ, и ты здѣсь оспаласъ. Сопровождаемая тысящїю воиновъ, слѣдуй по шпопамъ его, и начальшвувя ими, издамеча имѣй бдѣніе о его безопасности.“

Умолкъ — и Клоринда съ воинами, вооружась, исходишъ внѣ укрѣпленій; Арганшъ предшесшвуетъ имъ на бодромъ конѣ, въ обыкновенномъ своемъ вооруженіи. Между градомъ и шаномъ проспиралось обширное поле, коего ровная поверхность какъ бы нарочно образована была для Рыцарскихъ сраженій.

Туда съѣзжаешъ Арганшъ; шамъ оспановляешся одинъ въ виду непрїятелей. Надѣясь на свое мужество, свой огромный росшъ и крѣпосшъ силъ своихъ, дыщепъ

онъ гордостію и угрозами. Таковъ являлся во Флегръ Энцеладъ; шаконъ былъ Филиппинскій исполинъ въ долину, зрѣвшей его низложеніе. Большая одна кожа часнѣ Христіанъ, неиспышавшихъ мощной руки невѣрнаго, видяшъ его безъ ужаса.

Годофредъ не избралъ еще Рыцаря для единоборства съ нимъ; но всѣ желанія, всѣ взоры къ Танкреду обращающагося. Въ полкомъ множествѣ героевъ общее согласіе его признаешь героемъ неуспрашимѣйшимъ. Мгновенно произносятся имя его, и взглядъ Годофреда уже одобряешь избраніе.

Всѣ уступили преимуществу храброму совѣспнику, и хотѣніе перваго Вождя преспало бытъ шайною. „Шеспуй!“ рекъ онъ Танкреду: „я дозволяю тебѣ сразитъ-ся и укротитъ бѣшенство варвара.“ Рыцарь, исполненъ радости и пламеннаго мужества, гордится избраніемъ; покрывъ блестящимъ шлемомъ главу свою и возсѣвъ на коня, въ сопровожденіи многочисленнаго сонма воиновъ, являешся въ окоповъ, спанъ ограждающихъ.

Не достигъ еще мѣста сраженія, гдѣ Арганшъ ожидалъ его, какъ внезапно усмаприваетъ гордую Клоринду; величественный видъ ея оспановляешъ на ней взоры его; одежда ея бѣлѣ снѣга, покрывающаго Алпійскія вершины. Она спояла на возвышенности, съ опкрытымъ забраломъ шлема, и ничто не преяшпвовало видѣшъ ее.

Танкредъ не смошришь уже шуда, гдѣ Арганшь подъемлеть къ небу грозное чело свое; успремивъ взоры на холмъ, гдѣ находилась героиня, даль онъ волю коню своему заблуждашь медленными и тихими шагами; скоро попомъ, лишенный движенія, ошановилса и какъ бы превращилса въ камень; съ оледенѣвшими членами, съ горящимъ сердцемъ — весь шолько око — забыль, казалось, сраженіе.

Арганшь, не видя никого, кто бы гошовъ былъ раповашъ съ нимъ, восклицаетъ: „Я пришелъ искашь непріятели; гдѣ же дерзающій выступишь и сразишь со мною?“ Но недвижимый и испугленный Танкредъ одну шолько видишь Клоринду; ничшо другое не пронцаеть душу его. Тогда Ошпонъ, пусшивъ коня, первый къ мѣшу бишвы успремляется.

Ошпонъ самъ алкаль чести сразишь съ Черкесомъ; но успушивъ Танкреду, изшелъ шолько въ числѣ сопровождавшихъ его: видишь, что Рыцарь, преданный инымъ впечатлѣніямъ, не помышляетъ о сраженіи, — юнь, нешерпѣливъ и опважень, восхищаетъ жадно случай, ему предсшавившійся.

Быспрѣе, чѣмъ пигръ или леопардъ, въ лѣсахъ кидающійся на добычу свою, шечеть онъ на Срацина, ожидавшего его съ проспершымъ копіемъ. Воспрянуль Танкредъ, и опрясь омраченіе мыслей своихъ. — „Спой! спой!“ вопіеть онъ: „миѣ принадлежитъ подвигъ сей!“ — но Ошпонъ не слышишь уже.

Остановился Танкредъ, объятый гнѣвомъ и досадою; пылаетъ душа, рдѣетъ чело его. Былъ предварену другимъ въ битвѣ естъ для него величайшее изъ посрамленій. Между тѣмъ въ разбѣгъ своемъ юный Рыцарь поражаетъ Срацина по племени его; сей копьемъ своимъ пронзаетъ щипль и доспѣхи Опшонovy.

Колеблется Христианинъ, и падаетъ. Невѣрный, превосходящій его и въ силѣ и крѣпости, едва только пошатнулся. Презрительно и надмѣнно приблизился къ поверженному врагу своему. „Сдайся!“ вѣцалъ ему: „довольно славы для тебя, когда можешь сказать, что со мною сражался.“

— „Нѣтъ!“ опивѣствоваль Опшонъ: „не такъ скоро лишаешься Христианинъ мужества и оружія; хопя другой воздастъ тебѣ за мое паденіе, но и самъ я или опмшу, или погибну.“ Съ горящимъ лицомъ, съ изскупленными очами, препенущій опъ ярости Арганъ, казалось, дышалъ пламенемъ. „Ты презривъ мою вѣжливостъ: и такъ испытай крѣпостъ руки моей.“

Рекъ — и забывъ правила чести и Рыцарства, вержется съ конемъ своимъ на спѣшеннаго воина. Опшонъ уклонился и, обратясь, поражаетъ въ бокъ врага своего; извлекаетъ мечъ, дымящійся кровію. Но какая ему польза въ ранѣ, если не ослабила она силъ варвара, и только умножила неисповую яростъ его?

Арганшь сдерживаетъ коня; возвращаешься назадъ, и быспрѣе, чѣмъ молнія, поражаетъ пропивника. При ужасномъ ударѣ Опшонъ чувствуетъ, что колѣна его дрожатъ и подгибаются; блѣдень, слабъ и едва дыша, падаетъ препенуцій на землю.

Люпый во гнѣвѣ своемъ Черкесъ попчетъ побѣжденнаго копытами коня своего. „Да погибнетъ“ восклицаетъ онъ „каждый „горделивецъ, подобно дерзновенному, коего попираю я!“ Воскипѣлъ негодованіемъ Танкредъ; спѣшилъ въ блескѣ поражений своихъ сокрытъ минувшую погрѣшность и возвратилъ мужеству своему всю его славу.

Приближаясь, вопіетъ: „Презрѣнная „душа, посрамляющая себя въ самой побѣдѣ своей! какой хвалы ожидаешь ты отъ „варварства своего? Должно, чтобы Аравійскіе разбойники, или орды, споль же „дикія, въ навыкахъ злодѣйствъ воспитали тебя. Бѣги свѣта, чудовище лѣсовъ, и „скрой во мракѣ ихъ жестокость твою!“

Умолкнулъ онъ — и невѣрный, не переставая оскорбленія, кусаетъ губы свои, пѣнившись отъ бѣшенства; хочетъ опивѣствоваться, но невнятные звуки исходятъ изъ устъ его, подобные рыканіямъ раздраженнаго льва, или грохотаніямъ перуна, раздирающаго влажныя тучи. Такъ слова ярости раздаются въ распаленной груди его и насильственно испоргаются.

Озлобленные взаимными угрозами, и топль и другой, съ равною быспропою

развѣзжающа, да устремяшся другъ на друга въ крѣпости силъ своихъ. О Муза! дай силу и выразишельность моимъ вѣщаніямъ! пролей въ сердце мое ярость, движущую рашоборцевъ сихъ! да одушевишся пѣснь моя ужасомъ битвы ихъ, и звукъ оружія да услышишся въ шонахъ ея!

Простерпы копья ихъ — несущся одинъ на другаго. Левъ, изъ вершепа вержущійся, орель, съ высопы на добычу спремящійся, спрѣла, воздухъ разсѣкающая, менѣе быспры: нѣтъ ничего равнаго ярости ихъ. Разипъ Танкредъ, разипъ Арганишъ. Ударясь по шлемамъ, сокрушились крѣпкія копья ихъ; пысяща дребезговъ, пысяща искръ лепяшъ въ одно и шо же мгновеніе.

Одинъ звукъ удара попрясь неподвижную землю; заспонали холмы: но ни быспроша спремениа, ни сила удара не поколебала чела гордыхъ соперниковъ. Сперлись въ набѣгъ кони ихъ, пали, и не могутъ скоро поднятъся при всѣхъ своихъ усиліяхъ. Великіе Рыцари, оставивъ ихъ, обнажають мечи и пѣши сражающа.

Каждый рукою слѣдуешь за рукою пропивника, своими взорами ищешь взоровъ его, спюпы соразмѣряешь спюпамъ его; премѣняешь нападеніе и защипу; обманываешь искусство искусствомъ, припворспво припворспвомъ; обходишь кругомъ, близится, опспунаешь, угрожаешь со спраны, поражаешь съ другой, опкрываешь

себя, да принудить и врага своего спашь въ опкрышомъ положеніи.

Танкредъ предспавляетъ одинъ изъ бокоевъ своихъ неприкровенный и обезоруженный; невѣрный спремилсѣ поразить его, и самъ оставляетъ боззащипнымъ лѣвый бокъ. Танкредъ однимъ ударомъ опражаетъ мечъ непришеля, ранишь его и, опкладнѣсь, всего себя прикрываетъ оружіемъ.

Зришь Арганшь пекущую кровь свою; въ ужасъ, въ смущеніи, раздираемый чувспвами боли и досады, воспрешепаль и испуспилъ невольный вздохъ; съ воплемъ подъемлешъ мечъ, хочешъ поразить — и самъ пораженъ въ мускулы, рамо его съ рукою соединяющіе.

Подобно какъ въ лѣсахъ, препоясующихъ хребты Алпійскіе, медвѣдь, ловцами уязвленный, вержетсѣ въ яроспи на убійспвенное оспріе, дерзоспно презирая грозящую гибель и смершь: шаковъ Черкесь, двукрапно раненный, двукрапно посшыжденный, весь преданъ гнѣву и мщению, не мыслишь объ опасоспи и забываетъ попеченіе о защипѣ своей.

Совокупля дерзкую пылкоспть съ исполинскою силою и неиспоцимою крѣпоспю, подъемлешъ свой бурный мечъ, и опъ быспраго взмаха его заблоспсала воздухъ, зашрешепала земля. Танкредъ не можешъ дѣйспововатъ насшупашельно; защипаетсѣ, едва преводитъ духъ. Ничто не

предспавляесть ему огражденія опь спре-
мительныхъ ударовъ и усилій Арганповыхъ.

Сосредоточень подь своимъ оружіемъ,
щещно ожидаесть онъ скончанія бури;
опсупаесть; но свирѣпый Магомипанинь
не оставляесть преслѣдовасть его съ одина-
ковымъ бѣшенствомъ; наконецъ самъ пре-
даестья испугленію; спремится, и съ на-
пряженными силами нападаесть на врага
своего.

Разсудокъ и искусство успупаюють мѣ-
сто гнѣву, ярость движеть и сугубить
силы ихъ. Лишь ударъ — по пронзаесть,
лишь ударъ — по раздираесть, лишь
ударъ — по сокрушаесть; ить ни одного
щещнаго взмаха. Обломки раздробленнаго
ихъ вооруженія покрываюють землю; кровь
обагряесть оружіе, кровь печесть съ ручь-
ями поща; мечи ихъ сверкаюють — какъ
молнія, звучають — какъ громъ, и поража-
юють — какъ перунь.

И пощ и другой народъ, въ изумле-
ніи, въ неизвѣстности, прилѣпляюють взо-
ры къ щощ жесщокому, щощ новому для
нихъ зрѣлищю; раздѣленные между спра-
хомъ и надеждою, ожидаюють конца. Око
слѣдуесть за движеніями ращоборцевъ; въ
щощ великомъ множесщвѣ зрищелей не
видно ни одного помаванія руки, не слыш-
но ни одного щихаго слова: все безмолвно,
все неподвижно, и одно щощко сердце
бѣестья и щрепещесть.

Уже двоѣ сражающихся упомилнсь: оба, можешь бышь, продолжая бншву, ускорили бы смерть свою; но черные покровы ноци уже распросперлись надъ ними, и всѣ предметы исчезали во мракахъ ея. И съ шой и съ другой спраны приближаешся провозвѣспникъ для разлученія воиновъ: Христіанинъ — Аридей, невѣрный — Пиндоръ, мудрый старецъ, принесшій вызовъ Арганша.

Оба, съ шюю увѣренностію, какую даюшь обычаи, древностію освященные, и право народное, проспираюшь миршворные жезлы свои. „Рыцари!“ вѣщаль Пиндоръ: „вы приобрѣли равную честь, пока, зали равное мужество; оспавыше сраженіе, и почшипе мракъ ноци, неразлучный съ упокоеніемъ.“

„Солнце, скончавъ свое печеніе, долж, но скончашъ ваши подвиги, и ноци при, надлежишь водворить миръ въ природъ, Сердца возвышенныя небрегутъ о дѣлахъ храброспи, погребаемыхъ во мракъ, и молчаніи.“ — „Желалъ бы я“ ошвѣспшвуешъ Арганшь, „сражапсья, освѣщенный солнцемъ; но и темнопа ноци не прину, дить меня оспавить поле брани, если, прошивникъ мой кляпвою не увѣритъ меня въ своемъ возвращеніи.“

— „И шы,“ рекъ Танкредъ, „клянись, что, самъ шы возвратишья въ сопровожденіи, плѣнника швоего: съ симъ шолько условіемъ соглашаюсь я опсрочить бншву.“ Оба

произносятъ кляпву, и провозвѣспники, вычисляя время, по потребное для излѣченія ранъ ихъ и возобновленія силъ, назначаютъ шесное упру къ исполненію условія.

Жестокая бишва сія оставила въ сердцахъ Христіанъ и невѣрныхъ глубокое и продолжительное впечатлѣніе удивленія и ужаса; храбрость и мужество ихъ составляютъ единственныи предметъ разговоровъ. Сравниваютъ одного съ другимъ, и множеству, раздѣленное во мнѣніяхъ, не знаютъ, кому отдать преимущество.

Ожидаютъ, когда произшествіе ознаменуетъ побѣдителя, и рѣшатъ, одержитъ ли верхъ бѣшенство надъ мужествомъ, или дерзость уснуитъ храбрости. Но никто въ успѣхѣ сраженія ихъ не приметъ споль живаго участія, никто споль много не занимается имъ помышленія, не беспокоится, какъ прекрасная Герминія, видящая лучшую часть самой себя въ зависимости отъ неизвѣстныхъ ударовъ жребія.

Дщерь Кассана, царствовавшего въ Антиохіи, Герминія зрѣла разрушеніе престола отца ея подъ тяжкою рукою Христіанъ, и сама доспалась въ добычу побѣдителю; но великодушный, чувствительный Танкредъ уважилъ ея бѣдствія, сожалѣлъ объ нихъ, и среди опечесвленныхъ развалинъ она, какъ Царица, была почитаема.

Почтительный къ ней герой усладилъ плѣнь ея, прилагалъ ревностныя объ ней

попеченія, возвратилъ ей свободу, драгоценности и сокровища; его юность, красота, добродѣтели и мужество овладѣли сердцемъ Царевны, и никогда любовь крѣпчайшихъ узъ еще не налажала.

Освобожденная опъ узъ наружности, сердцемъ оспалась въ порабощеніи. Грустно ей было разлучиться съ обожаемымъ побѣдипелемъ, грустно было распашься съ пріятною пемницею; но повинуюсь законамъ чести, никогда непребрегаемымъ душою благородною, спѣшишь въ дружественную землю искашь себѣ и пресшарѣлой машери своей скучнаго убѣжища.

Приходишь въ Солимъ, принята обладателемъ Палестины, и скоро попомъ, облеченная въ ризу печали, принуждена была проливать слезы на гробѣ машери; но ни потеря ея, ни бѣдспвенное изгнаніе не могли испоргнутьъ изъ сердца ея спрѣлу, его уязвившую, и потушишь пламень, ее пожирающій.

Любишь несчастная, стараешь; но далече опъ предмета нѣжности, пламень, сокрытый въ груди ея, пипается болѣе воспоминаніями, чѣмъ надеждами, и пѣмъ сильнѣе, чѣмъ сокровениѣе. Напослѣдокъ осада Солима приводитъ Таикреда и пробуждаетъ усыпленную надежду.

При узрѣніи множества соединенныхъ народовъ, споль гордыхъ, споль извѣстныхъ побѣдами, все сокрушается, все унываешь; одно сполько яснѣетъ чело Гермиды.

ни. Жадное, любопытное око ея обтекаетъ Христіанское ополченіе, ищетъ тамо любезнаго; часто ищетъ вопще; но иногда, кажется, вспрѣчаетъ его взорами, вѣщая самой себѣ: „се онъ! я вижу его.“

Во дворѣ Царскомъ, близъ укрѣпленій града, возвышалась древняя пвердыня; съ высоты ея видѣнь Христіанскій спань, долины и горы. Отсюда, съ восхода солнца до позднихъ мраковъ ноши, Герминія не совращаетъ очей своихъ отъ спана ихъ, помышляетъ о любви своей и въздыхаетъ.

Отсюда зрѣла она бипву Рыцарей, и препенущее сердце, казалось, пвердило ей: „се предметъ пвоихъ склонноспей! се онъ, угрожаемый смерпію!“ — Безпокойные взоры ея слѣдуютъ за каждымъ движеніемъ; съ каждымъ ударомъ Арганпа чувствуетъ она въ сердце своемъ и осприе и рану.

Вѣсть о подробносняхъ, скончавшихъ печеніе дня, вѣсть о будущемъ возобновленіи сраженія спѣсняетъ духъ ея новыми ужасами; пайно проливаетъ слезы, пайно спонетъ; но удерживаемые вздохи невольнo вырываются изъ груди ея; на блѣдномъ и испавшемъ лицѣ написаны перзанія страха и горести.

Ужасныя воображенія преслѣдуютъ и возмущаютъ ее; сонъ, люшѣйшій, чѣмъ смерпная безчувспенность, предспавляетъ ей еще ужаснѣйшія мечпы, еще пагубнѣйшіе призраки. Кажется, видитъ она воз-

любленнаго ея обогреннаго кровію, расперзаннаго; каженся, слышишь, что онъ призываетъ ее на помощь къ себѣ. Пробуждается — и влажны вѣжды ея, грудь орошена слезами.

Не одно приближеніе будущей опасности превожитъ поскливое сердце ея; она спрашивается ранъ; уже нанесенныхъ Герою, и ничѣмъ не можешь успокоиться. Обманчивые слухи носящая вокругъ ея и сугубяшь чувствва горести; мнишь уже Герминія видѣшь Танкреда, лежащаго въ изнеможеніи, и сонъ смерти, смыкающей очи его.

Она изучилась ошь маіери познавать тайную силу правъ; знала, по обычаямъ воспюка, облегчать бользни сокровеннымъ искусствомъ Магіи и врачевать опаснѣйшія раны: почшоуж не можешь она собственною рукою приложитъ врачевство къ язвамъ милаго Рыцаря?

Ахъ! она желала бы подать помощь возлюбленному души ея — и напрошивъ того принуждена всѣ свои попеченія посвятивъ врагу его! Иногда приходилъ въ искушеніе лишь въ раны Арганшовой смершельные соки, гибельный ядъ; но чуждо преспуленіе невиннымъ и чиснымъ рукамъ ея; по крайности желаетъ, чшобъ правы, чшобъ заклинанія упростили свойства и силу ихъ.

Не спрашивалась бы она шествовать къ непріятелямъ; издавна уже приучились взоры ея къ позорищамъ битвъ и крови. Навыкъ опасносшей, шруды и безпокойства

укрѣпили душу ея: не была уже по робкая дѣва, ужасающаяся и одной пѣни, пренециющая при воображеніи малѣйшей опасности.

Тѣмъ болѣе любовь, владычествующая въ сердцѣ ея, любовь гонимъ изъ него всякій смръхъ. Ведомая спрашю, ее увлекающею, безбоязненно вспрѣпила бы она чудовищъ въ Африканскихъ лѣсахъ; твердою ногою попраала бы ядовитыхъ змѣй: но не спрашась для жизни, всего спрашился для славы. Чеснь и любовь, двѣ мощныя соперницы, оспоривающъ и раздирающъ сердце ея.

„Юная Царевна!“ вопіешъ ей чеснь: „пы, что до дней сихъ покорялась законамъ моимъ! Я сохранила непорочность швою въ оковахъ, коими враги обременили шебя; и, нынѣ свободная, хочешь ли упрасишь сокровище и въ самыхъ бѣдствіяхъ швоихъ тогда неприкосновенное? Кпо возжигаетъ въ сердцѣ швоемъ пламень, его объемлющій? какія мысли швои? и, ахъ! въ чемъ полагаешь надежду свою?“

„Общее уваженіе, славная дань, приносимая непорочности и добродѣтели, уже ли ничтожна кажется въ очахъ швоихъ? Любовница, кроющаяся во мракахъ ночи, пы обратишь снопы свои ко врагамъ искашь спыда и презрѣнія! Гордый побѣдитель швой скажетъ шебѣ: — Пошрявъ прешоль, пы потеряла чувствво швоего долга, и можешь ли бышь меня до-

„спойна? — Жалкій предметъ его опивра-
 „щенія, ты будешьъ предана поруганіямъ
 „шолны воиновъ.“

Любовь · измѣнническими внушеніями
 обольщаешь и влечешь ее: „Уже ли опъ
 „чудовища лѣсовъ заемлешь ты жизнь свою?
 „уже ли рождена въ разсѣлинахъ горъ меж-
 „ду вѣчными льдами? Юна и чувспвишель-
 „на, тебѣ ли пропивишься любви и попу-
 „шаешь ея пламенникъ? Возможно ли убѣ-
 „гаешь каждое мгновеніе опъ милыхъ пре-
 „дестей, краснѣешь опъ нѣжнаго чувспва,
 „когда природа не дала тебѣ сердца же-
 „лѣзнаго, или изъ адаманта сосшавленнаго?

„Поспѣшай, бѣги, куда призываюпъ
 „тебя твои желанія! Ты спрашишься же-
 „спокосни побѣдителя? Ахъ! не опъ ли
 „раздѣлялъ твои горести, опверзалъ серд-
 „це свое твоимъ сѣшваніямъ, сочувспво-
 „валъ слезамъ твоимъ? Ему бышь же-
 „спокимъ? О! тебѣ принадлежишь сіе на-
 „званіе, тебѣ, колеблющейся еще спасни
 „возлюбленнаго! Жестокая! неблагодарная!
 „великодушный Танкредъ помипся въ спра-
 „даніяхъ, и ты рачишельно спасаешь жизнь
 „врага его!

„Возвращи ее свирѣпому Арганіу, и да
 „несетъ опъ смерть во грудь твоего изба-
 „вишеля: се дань твоей признашельности
 „и цѣна его благодарній! И ты можешь
 „еще проспирашъ руку свою къ сему пече-
 „спивому служенію? и ужасъ исполненія его

„не придашь тебѣ крылья лепѣшь дале-
че оныя нагубнаго жилища?

„Но какое напрошивъ того утѣшеніе
„для своего чувствительнаго сердца, ка-
„кое благо для любви своей, еслибъ спа-
„сающая, цѣлебная рука своя приложила
„врачевство къ мужественной груди; еслибъ
„другъ твой, обладаешь твой, возван-
„ный побою къ жизни, долженъ былъ те-
„бѣ возвращеніемъ красоты своей! Для те-
„бя бы разцвѣли розы на ланишахъ его, и
„обожая его прелести, ты бы обожала свое
„твореніе.

„Его слава была бы своею славою, и
„ты раздѣляла бы честь его подвиговъ;
„счастливая въ безпорочныхъ его объяті-
„яхъ, вкушала бы съ нимъ чистыя утѣхи
„брака; уважаемая супруга и мать, обраща-
„ла бы на себя общіе взоры, блистала бы
„посреди Римлянокъ въ прекрасной Италіи,
„гдѣ царствуетъ истинная доблесть, гдѣ
„поржествуетъ истинное богослуженіе.“

Увы! обольщаемая мечтательными при-
зраками, несмысленная, зиждетъ себѣ храмъ
верховаго блага; но тысяща сомнѣній об-
лекаютъ духъ ея густымъ облакомъ: какъ
бѣжать изъ Солима? какъ обмануть спра-
жу, безпрестанно бдящую окрестъ цар-
скихъ черпоговъ и укрѣпленій града? какъ
проникнуть за врага, опасностію всегда,
кромѣ важныхъ случаевъ, заключенныя?

Герминія, по прѣшествіи Клоринды,
была неразлучною ея подругою. Заря на-

спускающаго дня заспавала одну съ другою, и заходящее солнце купно ихъ освѣщало; въ самую ночь, когда вселенная скрывается во мракѣ, единое ложе иногда ихъ пріемлетъ. Всѣ тайны Герминіи извѣстны Клориндѣ, всѣ, исключая любви ея.

Одну только любовь предъ нею скрывается юная Царевна. Если иногда внезапно дружба открываетъ вздохи ея, она вѣщаетъ о другихъ источникахъ ея горести и оплакиваетъ только участь свою. Взаимная привязанность ихъ не различаетъ ни часовъ, ни минутъ во времени: Клоринда всегда видима для Герминіи; при ней самой, и — въ совѣтѣ ли она, или въ подвигахъ брани — убѣжище ея для подруги было опровержено.

Нѣкогда въ опускание бранноносной дѣвы Герминіи входилъ въ жилище ея, останавливался тамъ, и изыскиваетъ въ мысляхъ своихъ способы оправдать Солимъ и сокрыть бѣгство свое; между тѣмъ, какъ въ сомнѣніи, нерѣшима, волнуется между множествомъ различныхъ намѣреній, видитъ оружіе и доспѣхи Клоринды, видитъ — и воздыхаетъ.

„Съ избыткомъ щасливая воинственница!“ вѣщаетъ она сама съ собою: „ахъ! для чего я не могу тебѣ уподобиться? Не браннымъ твоимъ подвигамъ, не нищенской славѣ красоты твоей завидую; но — длинная одежда не связуетъ тебя въ шествіи; ревнивое убѣжище не заклю-

„чаешь твоей отважности; ты покрыва-
 „ешь себя броней, исходяшь по желанію;
 „ни страхъ, ни спыдъ не поставляютъ
 „тебѣ препинаній.

„Увы! для чего природа и Небеса оп-
 „казали мнѣ въ швоей крѣпости, не да-
 „ли твоего мужества? Я бы могла, подоб-
 „но тебѣ, замѣнить шлемомъ и досигъхами
 „покрывало и одежды, для меня неснос-
 „ныя. Жаръ лѣта, хладъ зимы, бури и
 „дожди, ничшо не могло бы удержатъ пла-
 „менныхъ желаній моихъ. Уединенна, или
 „сопровождаема, я бы шла подъ чистымъ
 „небомъ при свѣтѣ дня, или звѣздномъ
 „мерцаніи.

„Безжалостный Аргантъ! не первый
 „бы изшелъ ты на единоборство съ моимъ
 „побѣдицею: я бы предварила тебя и —
 „можешь спастся, онъ былъ бы нынѣ мо-
 „имъ плѣнникомъ, подъ властію любви но-
 „силъ бы оковы легкія; его цѣпи смягчили
 „бы жестокость моихъ и облегчили шя-
 „госпъ, меня удручающую.

„Или — пронзилабъ меня рука его,
 „разперзала грудь мою. По крайности
 „ударъ сей уврачевалъ бы рану любви, уми-
 „рилъ духъ мой, и я успокоилась бы въ
 „нѣдрахъ вѣчности. Можешь спастся, по-
 „корившій сердце мое почпилъ бы хопя
 „единою слезою смерть мою и далъ прибѣ-
 „жище моему праху.

„Но, ахъ! гдѣ заблуждаютъ мои желанія?
 „Теряюсь въ химерахъ и безразсудныхъ по-

„мышленіяхъ. — И чпожь? препенущая, въ
 „душевномъ изнеможеніи, какъ презривій-
 „шая изъ моего пола, уже ли оспанусь въ
 „заключеніи спѣнь сихъ? — Нѣшь! укрѣ-
 „пись, сердце мое, и научись бышь муже-
 „спивеннымъ. Для чего хошя единожды не
 „вооружись мнѣ? Сколь ни слабы мыш-
 „цы мои, но или не могушь и на минушу
 „обременить себя оружіемъ?

„Могушь! пакъ, любовь подкрѣпитъ
 „меня; любовь и въ слабѣйшихъ вливаетъ
 „опважностъ. Робкій елень, возжигаемый
 „пламенникомъ ея, не рѣдко печетъ на биз-
 „ву съ соперникомъ своимъ. Но не о биз-
 „вахъ мышлю я; хошу шолько воспользо-
 „ваться кратковременнымъ превращеніемъ;
 „хошу на нѣсколько часовъ казаться Кло-
 „риндою, да надежнѣе удаюсь опсель въ
 „видѣ ея.

„Никогда спражи врать не дерзнушь
 „ей прошивишься. — Нѣшь! сколько ни раз-
 „мышляю я, не обрѣшаю другихъ способовъ;
 „одинъ шолько сей пунъ опверспъ моимъ
 „желаніямъ. Любовь, внушающая меня! по-
 „кровительспвуй хипросишь невинную! Ща-
 „спіе! ободри улыбкою мое предпріятіе! —
 „Поспѣшимъ. Клоринда еще у Царя, и слу-
 „чай никогда мнѣ спшолько не благопріятъ-
 „спивоваль.“

Вознамѣрилась — и въ спрасшномъ из-
 спупденіи уже не можетъ воздержатъ се-
 бя: похищаетъ Клориндино вооруженіе и

уносишь въ жилище свое. Случай удалилъ всѣхъ, кѣмъ могъ видѣть ее, и ночь, благодѣтельница сплывающая папямъ и любовникамъ, скрываетъ похищеніе во мракахъ своихъ.

Уже звѣзды сіяли въ шемнопѣ, подѣ небеснымъ сводомъ распроспершейся. Неспертливая Герминія тайно призываетъ вѣрнаго конюшаго ея и любимѣйшую изъ служащихъ дѣвъ; открываетъ имъ часъ своихъ намѣреній, бѣгство свое, и убѣждаетъ въ поспѣшности его вымышленными предлогами.

Вѣрный служитель поспѣшно приготавливаетъ все для отпѣснѣнія, между шѣмъ Царевна свергнула съ себя пышныя одежды, и въ полунагопѣ своей казалась еще прелестнѣе: каждое отпѣное украшеніе открывало новыя сокровища; вооружается одна съ помощію избранной ею къ сопровожденію въ бѣгство ея.

Крѣпкая спаль сжимаетъ лилейную выю и покрываетъ свѣшлорусые волосы ея; нѣжная рука препенетъ подѣ тяжелымъ щипомъ; ускоривъ попомъ всю себя покрываетъ швердымъ металломъ, щипиши принявъ воинственнѣйшій видъ. Сынъ Киприды, любуясь ею, улыбался превращенію. Такъ нѣкогда улыбался онъ мощному Ахиллу, съ иглою и вершеномъ подѣ одеждами нѣжнаго пола.

Спонетъ Герминія, изгибаясь подѣ тяжестію, ее гнѣпущою, едва влачитъ мед-

ленными сподами, опираясь на рамо сопупницы, идущей предъ нею; но любовь и надежда ободряють ее и вливають крѣпость въ упружденные члены. Такъ доспигли они къ мѣсту, гдѣ ожидалъ ихъ вѣрный конюшій, и возсѣли на коней, приведенныхъ имъ.

Всѣ шрое, подъ измѣненными одеждами, вѣдуть по успруненнымъ и менѣе другихъ учащаемымъ спогнамъ, хотя и щепенно покушаються избѣгнувъ жаднаго ока: доспѣхи блещуть во мракѣ ноци и обращаютъ на нихъ вниманіе проходящихъ; но никто не дерзаетъ преградить путь ихъ: всѣ уснупаютъ, всѣ встрѣчая удаляются. Бѣлая маншія, грозный знакъ шигра, шлемъ освѣняющій, и въ темношѣ извѣстны каждому.

Хотя успокоилась нѣсколько Герминія, но еще спршился быль познанною, и удивляясь собсивенной ошважности, приближается ко врагамъ града. Спражь, видя ее, смушился, обманушій наружноспію. „Ошверзи!“ вѣщаетъ она: „я Кло-ринда, и спѣшу исполнить Царскія повелѣнія.“

Гласъ ея, нѣсколько сходный съ Клориндинымъ, довершилъ заблужденіе спрегущаго. — И кто бы вооруженную, на конѣ, за другую почель ее! — Онъ повинуется, и Герминія спѣшно выѣзжаетъ за врага съ сопровождающими ее. Къ надежнѣйшему сокрышю бѣгсва, всѣ углуб-

ляются въ долину и скачущь по искривленнымъ спешамъ ея.

Наконецъ, достигнувъ пущыннаго мѣста, подъ защитною пригорковъ, его укрывающихъ, Царевна умѣряешь печеніе. Изчезли первыя опасности; не спрашиваея уже она бысть удержанною въ пупи своемъ; но другія начинающь возмущающь ее: предснющь всѣ прудности ко въѣзду въ спань, кои любовь прежде удаляла ошь мыслей ея.

Чувствуеть, сколь безразсудно явилься въ подобіи война предъ лицомъ грозныхъ враговъ; но не можешь рѣшишь опкрыть себя другому, кромѣ обладающаго сердцемъ ея. Желаеть, не бывъ никому извѣстною и не опваживая ни чести, ни славы своей, проникнушь въ жилище его. Оснановилась, и шакъ повелѣваешь конюшему своему:

„Должно, чпобъ ты, вѣрный спупникъ мой, упредивъ, возвѣспилъ о мнѣ; будь „благоразумень и скромень: шеспвуй въ „спань, проси, да препроводящъ тебя къ „шапру Танкреда; вѣщай сему Рыцарю, „чпю дѣва приходилъ возврашпшь ему „жизнь, и за шо въ воздаяніе пребуешь „мира; шакъ, мира, когда брань объявлена „мнѣ любовію.

„Вѣщай, чпю увѣренная въ его велико- „душій, полагаюсь на него совершенно; не „спрашусь опъ него ни поруганія, ни пре- „зрѣнія. Ты не скажешь ему ничего бо-

„лѣе; и если умножишь онъ вопросы свои,
 „увѣрь, что кромѣ порученнаго ни о чемъ
 „неизвѣстно тебѣ. Теки и ускорай возвра-
 „щеніемъ: я здѣсь тебя ожидаю, надѣясь
 „въ мѣстахъ сихъ бышь безопасною.“ —
 Рекла — и вѣрный конюшій лепилъ съ
 быспрошою спрѣлы, воздухъ разсѣка-
 ющей.

Въѣзжаетъ въ спань, и снискиваетъ
 дружелюбный пріемъ: введенъ во внутрен-
 ность шапра, гдѣ возлежалъ Герой. Ра-
 дость и нѣжное безпокойство объяли Тан-
 креда при услышанномъ возвѣщеніи. „Она
 „можетъ прійти“ рекъ онъ „и я не измѣню
 „шайнѣ, ея пребуемой.“ Конюшій возвра-
 щается и спѣшилъ принесть ожидающей
 Царевнѣ леспный опѣвъпъ.

Уже неперпѣливая Герминія изчисляла
 шаги его. Онъ входитъ въ спань, вѣщаетъ
 она сама съ собою, приближается къ
 Танкреду, возвращается; но — еще не
 вижу его. — Обвиняетъ посланнаго въ
 медленности, спууетъ; понуждаетъ коня
 своего и въѣзжаетъ на возвышенности,
 откуда око ея начинаетъ открывать шап-
 ры Христіанскіе.

Ночь еще царствовала въ поднебесно-
 сти: ни единое облачко не омрачало чела ея,
 звѣздами украшеннаго; новая луна рассы-
 пала, какъ жемчугъ, лучи хладносвѣпные;
 влюбленная красавица возсылаетъ къ небу
 вздохи свои; безмолвіе и пущыня одни шоль-
 ко нѣмые свидѣтели ея спраданий.

Успремляешь взоры на шапры Христианъ. „О спанъ воиновъ запада!“ рекла Герминія: „предметъ миѣ любезный! какъ, кимъ воздухомъ дышунъ въ шебѣ! какъ онъ освѣжающъ, какъ живи пелень для чувствъ моихъ! Ахъ! еслибъ Небеса даровали нѣкогда убѣжище смущенной жизни моей, я бы нашла его полько въ окопахъ сихъ; шакъ, среди полько оружія ждепъ меня споконисше.

„О спанъ воиновъ запада! прими печальную Герминію; да обрящепъ она въ нѣдрѣ пвоемъ соспрананіе, обѣщанное любовію, соспрананіе, какое плѣнная нѣкогда нашла она въ возвышенной душѣ своего побѣдителя! Не пребую обратню Царства, не пребую скиппра, у меня похищеннаго; Христиане! велико мое щасіе, если полько могу жишъ въ зависимоши подѣ вашими знаменами.“

Такъ вѣщала Герминія — и, ахъ! не предвидѣла бѣдствій, рокомъ ей гошовимыхъ. Лучи свѣша, опражаясь отъ ея вооруженія, блеснули въ опдаленности. Сей блескъ, поразишельная бѣлизна, вокругъ ея распросшершаяся, серебряный шигръ, дышущій пламенемъ — все являепъ въ ней Клоринду; всѣ возглашающъ: это она! это Клоринда!

Такова была судьба ея. Недалече опшуда находилась передовая спража подѣ начальствомъ двухъ брапшевъ Алкандра и Полиферна; имъ поручено было преняпшшево-

вашь доставленію въ Солимъ запасовъ. Конюшій Герминіи избѣгъ опть бдишельносп ихъ полько опдаленіемъ и быспропоу коня своего.

Юный Полифернъ, видѣвшій смерть родителя подъ ударами Клоринды, по бѣлой бронѣ, по ненавистному шигру мнишь познашь героиню, и раздражасшь прощиву ея своихъ воиновъ. Самъ, увлекаемый яростнымъ испуленіемъ, вопіешъ: пы умрешъ! — и мечешъ бесполезный дрошикъ.

Какъ жаждущая лань приближаешся къ прозрачному испочнику, быщему изъ камня, или между зеленымъ дерномъ прощекающему, но вспрѣчаясь со псами, въ по самое время, когда ласкалась осѣжипь себя водою и шѣнію, быспро упекаешъ, и испрашенная, забываешъ жажду и испалосшь свою.

Такъ Герминія, испреспанно горящая пламенемъ любви, ее пожирающимъ, уповала погасипь его въ непорочныхъ лобзаніяхъ Танкреда, уповала обрѣспи спокійспвіе; но при нечаянномъ появленіи врага, ей угрожающаго, при свиспѣ лепящаго желѣза, оставляешъ первыя желанія, забываешъ преднамѣренія и въ ужасѣ колешъ спрмянами коня своего.

Скачешъ несчастная Царевна. Быспрѣ, чѣмъ молнія, конь ея, кажешся, поядаешъ прощранспво; и ея подруга испчезаешъ съ нею. Полифернъ преспѣдуешъ ихъ, между пѣмъ какъ ея конюшій возвращаешся съ

позднимъ опвѣтомъ : онъ ищетъ ее , слѣдуетъ за нею въ неизвѣстности; пораженныя страхомъ , и шопъ и другіе заблуждаются и разлучаются.

Александръ также видѣлъ мнимую Клориду; но благороднѣе своего брата, и бывъ опдавленнѣе, не хотѣлъ ее преслѣдовать и оспался при мѣстѣ своемъ. Посылаетъ въ спанъ съ извѣстіемъ , что онъ не ошкрылъ ни запасовъ , ни спадъ , въ Солимъ проводимыхъ , но что предъ лицомъ брата его бѣжитъ устращенная Клорида.

Что изшествіе ноцію изъ града воинственницы , споль опасной и споль знаменитой , по всей вѣроятности , не должно бытъ относимо къ маловажной причинѣ , но оспавляя судить о семъ Полководцу , онъ готовъ исполнить его повелѣнія. Извѣстіе сіе , достигнувъ спана , мгновенно во всехъ шатрахъ распространилось.

Танкредъ , въ душѣ коѣго первая вѣспѣ посѣлила пріятныя надежды , не сомнѣвается болѣе въ шасній своемъ. — Ахъ ! она сама , пвердилъ онъ въ мысляхъ , она спѣшила усладить мои горести ; для меня опваживала жизнь свою ! — Въ сихъ мысляхъ забываетъ все , возлагаетъ на себя часпъ вооруженія , садится на коня , безмолвно ускоренъ изъ спана , и по указаніямъ , по свѣжимъ слѣдамъ мчится во всю конскую прышь.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Между шѣмъ конь умчалъ Герминію подѣ гусшую шѣнь дреняго лѣса. Лишаясь чувствъ, едва дышешь она, и шрепещущія руки ея преспающъ управляшь уздою. Скачешъ бодрый конь, спремишся разными спезями, разными кривизнами, и Христіане, попереявъ изъ виду всадницу, безплодно ищущъ слѣдовъ ея.

Во гнѣвѣ, въ спыдѣ, упомленные, возвращающся къ мѣсту своему, подобно какъ псы, послѣ продолжительной погони, ушрашивъ въ дубравѣ слѣды звѣря, возвращающся запыхаясь съ попусклыми очами и съ повисшею главою. Царевна продолжаетъ бѣгство свое: въ страхѣ, въ оцѣпенѣніи, не смѣешъ озрѣшься и узнашь, еще ли ее преслѣдующъ.

Скачешъ цѣлую ночь; цѣлый день заблуждаешъ, не встрѣчая никого, кто бы подаль совѣпъ, или проводилъ ея; видишь однѣ только слезы свои, слышишь одни только свои стоны, и уже въ попь часъ, какъ солнце, сложивъ бразды съ пламенныхъ коней своихъ, погружалось въ океанѣ, достигла она къ брегамъ Иордана; сходишь съ коня, и упомленная шамъ повергаешся.

Ея пища — горестъ, пишіе — слезы; наконецъ сонъ, сладоспный ушѣшитель земнородныхъ, приносящій имъ спокойшвіе и забвеніе бѣдоспвій, лѣпъ цѣлебный баль-

замъ свой въ спраждуція чувства ея и распросшираетъ надъ нею благопворныя крылія; но любовь и погда, облакаясь различными мечтами, возмущаетъ крапкій миръ сердца, ея уязвленнаго.

Звучныя шредли пилицъ, привѣспвующихъ румяную провозеѣспницу ушра, журчаніе рѣки, зефиръ, рѣзвядійся съ чешуйчатыми спруями и порхаюціей между лисшьями, съ первыми лучами дня разбудили Герминію. Открываетъ она шомныя очи свои и пробѣгаетъ взоромъ уединенныя жилища паспырей; мнишь слышатъ въ шумъ вѣшвей и водъ призываніе къ слезамъ и гореспи.

Плачеть — и внезапно споны ея прерывающя пѣсню, сливаюцуюся съ понами сельской свирѣли; она воспаетъ и шеспвуетъ медленными спопами шуда, откуда приносился голось; видить спарца, кошпорой, сйда подъ сѣнію вѣшвиспаго древа, плель изъ мягкихъ прущевъ корзину; вблизи паслось его спадю, и онъ внималь пѣнію шрехъ юныхъ паспырей, окружавшихъ его.

Смяпленные нечаяннымъ появленіемъ незнакомца въ неизвѣспномъ для нихъ вооруженіи, ушпрашились юноши; но Герминія ласково привѣспвуетъ ихъ, ободряетъ, открываетъ прелеспныя очи и свѣплорусые власы свои. „Щаспливые паспыри!“ рекла имъ: „продолжайте работу и забавы свои; не суждено моему оружию возмущать шруды и пріятныя пѣсны ваши.

„О спорець!“ продолжала она: „какъ ере-
 „ди обширнаго пожара, спраны сіи пояда-
 „ющаго, шы обитаешь спокойно въ убѣжи-
 „щѣ твоемъ, не спрашася брани и испре-
 „бительнаго гнѣва ея?“ — „Мой сынъ!“ оп-
 „въспсвовалъ пастырь: „доселѣ мое семей-
 „ство и мое спсудо неприкосновенны были
 „обидамъ и хищенію; военные звуки еще
 „не возмущали нашего уединенія.

„Благодѣтельное ли Небо печется о
 „смирной невинности и защищаешь ее,
 „или, уподобляясь перуну, щадящему до-
 „лины и поражающему верхи горъ, яроспъ
 „пришельцевъ сихъ устремляется только
 „на главу великихъ земли. Уничиженная
 „и пренебрегаемая бѣдность не искушаетъ
 „алчности воина.

„Бѣдность, униженная и презрѣн-
 „ная, но споль драгоцѣнная сердцу моему!
 „не прельцають меня ни скиптры, ни со-
 „кровища; грызущій червь алчности къ бо-
 „гашеству мѣ и честлюбія не обитають въ
 „душѣ моей; чистая вода утоляетъ мою
 „жажду, и я не спрашусь, чтобъ злодѣй-
 „ская рука ядомъ распворила ее; мои овцы,
 „вершюградъ мой, довольствують меня въ
 „обѣдѣ умѣренными снѣдями, приобрѣтае-
 „мыми однимъ только прилѣжаніемъ.

„Не только потребности, но и жела-
 „нія наши ограничены; дѣяніи мои спре-
 „гупъ мое спсудо, и я ни въ чемъ не за-
 „имствуюсь руками наемными. Въ пустыни-

„помъ жилищѣ моемъ забавляюсь козлят-
 „ками и сернами, на лугу скачущими; лю-
 „буюсь, смотря на игривыхъ рыбъ, взры-
 „вающихъ зеркальную поверхность водъ; на-
 „ппищѣ, выспавляющихъ предъ солнцемъ
 „роскошное украшеніе ихъ.

„Было время, когда, обольщаемый меч-
 „пами юности, иными одушевлялся я же-
 „ланіями: пренебрегъ посохомъ пастырей и
 „удалился отъ опечесивеннаго крова; жилъ
 „въ Мемфисѣ, былъ въ числѣ царедворцевъ,
 „и хотя имѣлъ званіе только надзирашеля
 „садовъ, но видѣлъ, позналъ дворъ и про-
 „нырства его.

„Долго былъ игралищемъ обольститель-
 „ной надежды, долго сносилъ досады и ос-
 „корбленія. Такъ прошекли лучшіе дни жи-
 „зни моей, и съ ними исчезли мои ожида-
 „нія, исчезло гордое желаніе почестей. Я
 „съ сожалѣніемъ вспомнилъ о свободѣ про-
 „стой и невинной жизни; воздыхалъ о по-
 „терянномъ спокойствіи; наконецъ сказала:
 „прощай величіе! прощай пышный дворъ!
 „и возвращаясь въ дубравы, сбѣнявшія
 „юношество мою, снова пріобрѣлъ душевный
 „миръ и счастье.“

Такъ вѣщала пастырь, и Герминія без-
 молвно внимала сладкому убѣжденію, исхо-
 дившему изъ устъ его. Мудрость старца
 проникнула въ сердце ея и умѣрила коле-
 ние чувствъ. Напоследокъ, по долгомъ раз-
 мышленіи, вознамѣрилась оснащѣться въ семь
 уединенномъ жилищѣ, хотя до времени, ког-

да судьба опокроешь ей удобнѣйшіе способы къ возвращенію.

„О ты“ вѣщала она : „блаженспвующій „познаніемъ превращеностей жизни! если „Небо не завидуешь душевнымъ удоволь- „спвіямъ, коими ты наслаждаешься, будь „чувствительнень къ моимъ горестямъ! При- „ми меня въ щедрую обитель твою; я „хочу здѣсь жить съ тобою, и можешь „быть, подъ симъ мирнымъ освѣщеніемъ серд- „це мое облегчится отъ смертельной пя- „госпи, его удручающей.

„Еслибъ, подобясь ограниченному въ по- „нятіяхъ простолюдину, ты алкалъ злата „и драгоценностей, боготворимыхъ имъ — „я довольно имѣю ихъ, да удовлетворю въ „полной мѣрѣ твоимъ желаніямъ.“ Съ сими словами покапались горькія слезы изъ пре- красныхъ очей ея. Она повѣспвуетъ часъ своихъ злоключеній, и чувствительный паспырь купно съ нею проливаетъ слезы.

Потомъ, ушѣшая ее, пріемлетъ съ опеческою иѣжностію, вводитъ въ хижину къ пресшарьмой подругѣ своей, одаренной отъ Неба такимъ же добросердечіемъ. Царская дщерь является въ одеждѣ поселянки; власы ея сокрылись подъ грубымъ покрываломъ: но ея взоръ, ея поступъ, все измѣняетъ наружности.

Бѣдноспъ одежды не запмѣваетъ ни красшы ея, ни благороднаго вида; величье блистаетъ на челѣ ея при самыхъ униженнѣйшихъ занятіяхъ. Съ посохомъ въ ру-

кѣ она провождаетъ на паспству спада, и
 обратно приводитъ ихъ; нѣжные перепы
 ея дояшь млеко изъ космашныхъ сосцевъ и
 сжимающъ бѣлый сыръ.

Часно, когда овцы ея покоются въ
 пѣни, отъ солнечнаго зноя ихъ защищаю-
 щей, изображаетъ она любезное имя въ
 различныхъ преплепеніяхъ на корѣ буквъ
 и развѣсисныхъ шополовъ; пишеть вездѣ
 повѣшь несчастной любви, и перечислы-
 вая начертанія свои, заливаеца слезами.

„Древа пуспынныя,“ твердитъ имъ въ
 рыданіяхъ: „наперсники разшерзаннаго серд-
 „ца! будьте памянниками моихъ горестей!
 „Если нѣкогда вѣрнѣй любовникъ придетъ
 „успокойсья подъ сѣнь вашу, изображение
 „поспигшихъ меня бѣдснвѣй возбудишь его
 „чувствительность; безъ сомнѣнія скажешъ
 „онъ: ахъ! какъ худо любовь и щасшіе воз-
 „наградили сполько поспоянства и вѣр-
 „ности!

„Можесть бытъ — если Небо внемлетъ
 „моленіамъ смерпныхъ — можесть бытъ
 „нѣкогда придетъ сюда немыслящій о мнѣ
 „въ минушы сіи; обратишь взоры свои на
 „гробъ, гдѣ будетъ покоишья хладный и
 „печальный прахъ мой; почшишь бѣдснвѣя
 „мои нѣсколькими вздохами, нѣсколькими
 „каплями слезъ, и, ахъ! слишкомъ уже позд-
 „ними.

„Если и была я въ жизни моей опвер-
 „жена щасшіемъ, пусшь хопя утѣшишь
 „оно пѣнь мою: безжизненный прахъ мой

„вкусишь блаженство, коимъ нынѣ я щещп-
но желала наслаждашься.“ Такъ въ гореспи
бесѣдовала она съ древами глухими и
безчувственными; слезы спруями капи-
лись изъ прелестныхъ очей ея. Между
тѣмъ Танкредъ, водимый случаемъ, дале-
че отъ ней ищетъ владычицу сердца его.

Слѣды, по которымъ онъ управлялъ
путь свой, довели его въ дремучій лѣсъ;
густыя тѣни деревьевъ распроспраняли вездѣ
ужасающую мрачность. Исчезли слѣды,
и Рыцарь оспается въ неизвѣстности;
внимательное ухо его щещпется различныя
достигающіе изъ отдаленности отголоски,
звукъ ли по оружія, или ржаніе коней.

Вѣтеръ ли съ тихимъ дыханіемъ прошеп-
тывалъ сквозь лиственъ вяза или попо-
ла — дремлющая ли тишина или звѣръ, въ
темнотѣ заблуждающій, приводили въ
движеніе вѣтви — онъ туда обращается,
ищетъ, и воздыхаетъ послѣ безплодныхъ
поисковъ. Черезъ нѣсколько времени выѣз-
жаетъ изъ лѣсу; глухой шумъ поражаетъ
слухъ его; при блѣдномъ свѣтѣ луны по
незнаемымъ стезямъ онъ приближается къ
мѣсту, откуда, казалось ему, приносились
слышимые звуки.

Достигъ — и видитъ дикую скалу, съ
высокой коей падающія съ шумомъ въ ве-
ликомъ изобиліи чистыя и прозрачныя во-
ды капились въ изрытомъ ими логѣ меж-
ду дерзистыми брегами; — оспановился;
въ гореспи, его объемлющей, произноситъ

воплъ — и одно только эхо ему опвѣспвуешъ. Наконецъ заря, улыбаясь, возносивъ на восшокъ лилейнорозовое чело свое.

Спонешъ несчастный Танкредъ; обвиняешъ Небо, отказывающее ему въ единственномъ благѣ, къ которому спремилась его желанія. Клянешся мшишь за дряжайшую, еслибъ она возврапилась оскорбленною, и тогдажъ вспомнилъ о нѣспупающемъ дни сраженія его съ Арманомъ, вспомнилъ — и рѣшилъ ѣхашъ въ спѣшь, хопя не зналъ, какъ шуда возврапишься можешъ.

Пущилъ въ обратный пущъ, и между шѣмъ, какъ ѣхалъ на удачу спезями сомнишельными, внезапно конскій попошь удряешъ въ слухъ его и посшепенно приближаешся; скоро попомъ изъ междугорнаго ущелія нѣкшо являешся въ одеждѣ гонца; гибкій бичъ мелькалъ въ рукѣ его, рогъ висѣлъ на перевязи. „Гдѣ пущъ“ вопрошаешъ его Танкредъ „къ Христіанскому „шану?“

„Я самъ по повелѣніямъ Боемонда спѣшу шуда“ опвѣспвуешъ неизвѣспный на языкѣ Ишалии. Танкредъ, приведенный симъ въ заблужденіе, вѣришь, что онъ посланникъ дяди его, и за нимъ слѣдуешъ. Доспигающъ бреговъ озера, коего споячія воды окружали замокъ, посреди возвышающійся. Солнце уже погружалось въ нѣдра влажной пучины и ноць начинала просширашь черный покровъ ся.

Гонецъ зашрубилъ въ рогъ — и мгновенно мосьшь опускается. „Если ты Хри- „спіанинъ“ сказалъ онъ Танкреду „по мо- „жешь спокойно ожидашь здѣсь возвраще- „нія ушра; не прошло еще трехъ дней, какъ „Графъ Козенскій завоевалъ у неверныхъ „замокъ, побюю видимый.“ — Рыцарь обра- щилъ внимательное око на укрѣпленное мѣсто, которое природа и искусство содѣ- лаали неприступнымъ.

Хотя сомнѣваешься въ шайныхъ ковахъ, ему приготовленныхъ; но навывкнувъ презирашь смерть и опасности, смотришь безъ страха: ясное и спокойное чело не измѣняешь душевнымъ движеніемъ. Куда бы ни привелъ его случай, или собственная рѣшишельность, вездѣ однимъ только мужествомъ своимъ ограждаешься; но готовясь къ сраженію съ Арганпомъ, не желалъ бы онъ вдаваться въ новыя приключенія.

И пакъ, остановясь на брегѣ при склоненіи моста, не слѣдовалъ далѣе за вѣроломнымъ пупеводцемъ, пр должавшимъ убѣждать его ко вшеспвію въ замокъ; видить приближающагося къ нему чрезъ мостъ вооруженнаго Рыцаря, въ движеніяхъ коего являлась дерзкая отважность; въ рукѣ его блискала острый мечъ; уста произносили угрозы и поруганія.

„О ты, жребіемъ или доброю волею „приведенный въ опасное жилище Армиды! „не мни спасшись опъ ударовъ моихъ. Свер- „гни швое оружіе, просши раболѣзно ру-

„ки швои къ наложенію оковъ ея ; спѣши
 „въ сіи спѣшны и покорись властни и законѣмъ
 „ея ; не надѣйся видѣши ясный день , если
 „не обещаешь съ кляшвою шесшвовашь съ
 „Рыцарями ея на поражение всего шого ,
 „что носить имя Хрисціанское.“

Слыша дерзосшныя угрозы Рыцаря ,
 Танкредь усшремляетъ на него взоры свои ,
 по доспѣхамъ и по произношенію познаетъ
 его . То былъ Гасконецъ Рамбальдъ , за Арми-
 дою прелѣдовавшій ; для нее опешуиалъ
 онъ опъ истинной Вѣры и превратился
 въ защитника ложнаго исповѣданія , коего
 истребленіе прежде было обѣщомъ его .

Свяшная ревность заблестала на челѣ
 героя благочестія . „Презрѣнный опешуп-
 „никъ!“ воскликнулъ онъ : „я Танкредь , пре-
 „поясавшій мечъ за Спасителя моего ; всегда
 „сражался подъ Его знаменемъ ; силою име-
 „ни Богочеловѣка побѣждалъ враговъ Его
 „и еще буду побѣждать ихъ . Рука сія ,
 „служительница небснаго гнѣва , назна-
 „чена принестъ тебя въ жертву его
 „мщенію.“

Смушился нечесшивецъ , услышавъ зна-
 менишое имя , — поблѣднѣлъ ; но скрываетъ
 ужасъ , его проникающій , „нещасшный!“
 возопилъ : „ты пришелъ искашь смерти !
 „Здѣсь ты узришь издыхающія и смѣлосшь
 „и силы швои ; если рука моя не измѣнишь
 „мнѣ , сію минушу я съѣку гордую главу
 „швою , и еще дымящуюся кровію опошлю
 „къ Полководцу Хрисціанскому.“

Такъ вѣщаль невѣрный. Ночь уже владычеспововала подъ небесами; но въ одно мгновеніе воздухъ наполнился яркими огнями, и замокъ освѣтился пышащею свѣшильниковъ. Армида, покоясь въ возвышеннѣйшей онаго часни, невидима, все зрѣла и всему внимала.

Между тѣмъ герой готовилъ къ битвѣ оружіе и напрягалъ мышцы свои; видя, что врагъ его приближался тѣшій, оставилъ и онъ коня, изнуреннаго успалоснію. Рамбальдъ, покрывъ себя щипомъ, защищаемый крѣпоснію шлема, возносишь обнаженный мечъ. Князь шествуешь къ нему; ужасенъ голосъ Рыцаря, грозны взоры его.

Невѣрный, подъ огражденіемъ оружія своего, обшекаетъ великій кругъ, и въ обманчивыхъ движеніяхъ ищеть способовъ уязвить прошивника. Упомленный, ослабѣвшій Танкредъ собираешь все силы свои, прямо нападаетъ на опступника, гонишь, шѣснишь, въ одинъ и шопъ же мигъ ослѣпляешь его блескомъ меча и угрожаетъ смершію.

Каждый разъ направляешь свои пораженія въ сердце врага; каждая угроза неразлучна съ ударомъ. Бѣжитъ сильный Гасконецъ, возвращается вспянь, и съ легкостію уклоняешь отъ посшигающаго оспрія; иногда со щипомъ своимъ, иногда съ мечемъ щипишь обратишь въ пользу себѣ мгновенную ошибку врага раздраженнаго.

Но не такъ онъ скоръ былъ въ защищеніи, какъ Танкредъ въ ударахъ. Уже

раздробился щипъ его, шлемъ пробитъ, доспѣхи обагрены кровію, и его оружіе не коснулось еще Рыцаря. Спрахъ и пробужденная совѣсть мучашъ его; онъ перзаеися любовью, стыдомъ и мщеніемъ.

На послѣдокъ, въ опчаяніи, хочещъ испыташь послѣднія силы, бросаешъ щипъ, берешъ въ обѣ руки мечъ, жаждущій крови, спремился на Танкреда и поражаешъ его въ лѣвую бѣдру жестокомъ ударомъ.

Успѣлъ впорично пор зипъ въ чело, и крѣпкая спаль зазвучала; уцѣлѣль шлемъ, но герой пошашнулся. Ярощъ проникла все существо его, запылалъ пламень въ очахъ, заблискалъ сквозь забрало шлема, и испущенный Танкредъ заскрежешалъ зубами.

Вѣроломецъ не можетъ снеспи сего ужаснаго взора: слышишь свиспящее оспріе, мнишь уже чувствовашъ, что оно вращаешся въ его внутренносняхъ; опспуашъ — и ударъ обрушился на швердый столпъ, возвышавійся при концѣ моста; искры носыпались въ воздухъ, и сердце измѣнника оледенѣло опъ ужаса.

Бѣжишь, упоая шолько на быспрыя ноги свои, и Танкредъ его преслѣдуешъ; уже рукою касаешся шыла его, спопами давишь пяпы его; но къ спасенію бѣглеца внезапно изчезли всѣ пламенники, померкли звѣзды, вся природа погрузилась во мракъ, и опустошенное небо лишилось и свѣшилъ и ясноспи.

Среди сгущенной пьмы, среди сей ночи чародѣйственной побѣдишель не можетъ гнапсь за врагомъ своимъ, не можешь видѣть его, но идешь впередъ на удачу зыбнущимися и ненадежными сполами; чувшвуешь подъ ними прагъ входа, ему невѣдомаго, не знаешь еще, вошелъ ли туда, какъ врага мгновенно за нимъ со скрытомъ зашворяюща. Заключеннаго въ спѣнахъ непроницаемыхъ окружають мракъ и ужасы.

Такъ рыба, пореваемая волнами бурнаго моря, шечешь въ спокойныя и дремлющія воды Комашскаго озера; но темницу обрываетъ вмѣсто убѣжища, и крѣпкая, искусная преграда пресѣкаетъ обратный пушь ея.

Вошце герой пошрасаетъ дверь рукою мускулишною; крѣпосшь его изчезаетъ въ безплодныхъ усилияхъ, и въ пожь время неизвѣстный гласъ вопіеть къ нему: „Плѣнникъ Армиды! напрасны швои покушенія, избѣжашь оковъ ея.

„Не спрашисъ смерти: живъ; во глубинѣ гроба сего, окружень будешь вѣчною шьмою.“ Рыцарь не опшвѣшвуешь; подвляешь въ сердцѣ своемъ вздохи и грызущую скорбь; но внушренно винишь любовь, судьбу, неоспорожносшь свою и хипросши, коихъ содѣлался жершвою. Такъ вѣщаетъ самъ съ собою: „Не зрѣшь солнца, освѣщающаго природу, было бы еще шносное бѣдшспіе.

„Но, ахъ! я теряю тебя, солнце жизни моей! теряю тебя, и — можешь быть — никогда лучи твои не озаряшь „злополучныхъ дней моихъ!“ Мысль объ Арганшѣ сугубишь поску его. „Неуспѣшный!“ продолжалъ онъ: „и я могъ пренебречь долъ, нарушишь священную клятву! О преступленіе! о вѣчный стыдъ! Я посрамилъ себя и заслужилъ презрѣніе, заслужилъ порицаніе невѣрнаго!“

Такъ попеременно любовь и стыдъ перервали его. Между тѣмъ, какъ предавался онъ своей горести, опважный Арганшѣ винилъ мягкой пухъ, угнѣпаемый крѣпкими его членами. Сердце его, лютой врагъ всякаго покоя, жаждетъ крови и алчетъ славы. Не закрылись еще раны его, но уже съ неперпвнѣемъ ждетъ онъ зари, предшествовающей дню сраженія.

Въ послѣднюю ночь, свирѣпый, едва на минуту сомкнулъ вѣжды свои. Еще небо облечено было въ черную ризу, ни слабый лучъ свѣта не позмачалъ возвышенностей, и онъ уже возсѣалъ. „Принеси мои оружія!“ возмашаешь оруженосцу; — онъ готовъ: не его обыкновенныя, но пышный даръ Аладдина.

Едва удоспоишь ихъ взоромъ своимъ, поспѣшно вооружаешься; стягосшь доспѣховъ не бременишь крѣпкихъ рамень его; по бедрѣ висишь древній его булапный мечъ. Такъ въ пламенѣющемъ воздухѣ блистаешь грозная комета съ кровавыми власами; разру-

шаешь Царства, несешь болѣзни, и гибельными предвѣщаніями приводишь въ шрепешь владыкъ земли подѣ ихъ багрянницами.

Подобень ей казался Арганпъ въ блестящемъ своемъ вооруженіи. Быспро кружились мрачныя очи его, упоенныя кровію и бѣшенствомъ; ужась смерти дышалъ въ его движеніяхъ; сама смерть дышала на челѣ его; никакая крѣпость духа, никакая опважnosť не могла выдержашь безъ страха одного изъ его взоровъ. Схвативъ рукою обнаженный мечъ, возносишь съ грозными воплями, пошрасаешь имъ, разишь по шѣни и воздуху.

„Скоро“ вопіеешь онъ „скоро Христіанскій разбойникъ, въ дерзости опваживающійся бытъ мнѣ равнымъ, падешь подѣ моими ударами и, ороавленный, вращашься будешь во прахѣ. Въ досаду Божеству его, узришь онъ, какъ рука моя изпоргнетъ его оружіе и совлечешь доспѣхи; замирающими устами будешь заклиняшь меня, да не оспавлю прупъ его на пищу псамъ, и я — опвергну его моленія.“

Какъ воль, снѣдаемый ревностію пошпѣнній, испускаешь ужасный ревъ, умножающій его дерзость и его мценіе; точишь о крѣпкій пень спрашныя рога свои; борешся съ вѣпрами, поражаетъ землю копытами, и издамеча зовешь соперника на кровавую и смершельную бишву.

Таковъ спрашный Арганпъ, зовешь провозвѣстника, и прерывающимся опъ

яроути гласомъ вѣщаешъ ему: „Спѣши ко „спану Христіанъ и возвѣши поборнику „Вѣры ихъ бытву и смерть.“ Самъ въ шу же минушу садися на коня, исходишь изъ Солима, взявъ съ собою плѣнника своего, и быспро мчишь по горѣ въ долину.

Между шѣмъ шрубишь бранный рогъ, и громовые звуки его, разносясь по окреспносшямъ, раздираюшь и сердце и слухъ. Князья Христіанскіе уже собрались, каждый изъ своего въ великій наметъ ихъ. Тамъ посланный предлагаешъ имъ вызовъ, и наименовавъ Танкреда, не исключаетъ никого изъ Рыцарей.

Смущенный Годофредъ въ нерѣшимости окидываетъ всѣхъ вокругъ себя медленнымъ и задумчивымъ взоромъ; ни око его, ни мысль не встрѣчаютъ ни единаго, на комъ бы могъ утвердиться выборъ его. Изчезли лучшіе ратники: неизвѣстна участь Танкреда; Боемондъ въ опустелости; непобѣдимый герцогъ, умершвившій гордаго Норвежца, далече отъ спана спраншвуешъ въ изгнаніи.

Исключая десяти, жребіемъ избранныхъ, мужественнѣйшіе, ошлчные Рыцари, предавъ себя въ жершву обольщенію Армиды, за нею послѣдовали и сокрылись въ молчаніи глубокой ноши. Оспавшіе, не имѣя ни ихъ силы, ни ихъ опважности, стояли безгласны и поспыжденны. Спрахъ принудилъ честьъ въ душахъ ихъ къ молчанію, и никто изъ нихъ не дерзаль

искать славы, сопряженной съ поликими опасностями.

При семь безмолвіи, при написанномъ на лицѣ каждаго изъ окружающихъ малодушіи, Годофредъ воспыла въ благороднымъ гнѣвомъ; мгновенно возпеаетъ опъ мѣста своего, и — „ахъ!“ возопилъ онъ: „мало бы „дешоинъ я былъ жизни, если бы нынѣ „опрекса опважишь ее, если бы пошер- „пѣлъ, чшобъ невѣрный могъ ненаказанно „презирашь Хрисціанъ и почосишь ихъ по- „сшындоу слабосію!

„Возлежа далече опъ опасности, пусть „будушь всѣ Рыцари праздными зрипеля- „ми бшвы моей. Поспѣшимъ! дайше мнѣ „мое оружіе!“ Въ пошь же мигъ приносящъ его. Но благоразумный Раймондъ, когю преклонный вѣкъ украшался зрѣлою мудросію, а крѣпость не уступала ни чей изъ собравшихся воиновъ, приблизился и рекъ Годофреду:

„Да не будетъ, Государь, чшобъ ты, „опваживая главу свою, подвергнулъ опас- „носши цѣлое воинство; ты не простой „рашникъ, но первенствующій начальникъ, „и гибель швоя была бы гибель общая. На „шебъ упверждаешя Вѣра, на шебъ по- „коптся ея священное владычество; чрезъ „шебя должно сокрушишь адское иго. Ты „держишь въ рукѣ своей скипшрь для уп- „равленія нашего мужества, и намъ при- „надлежитъ дѣйствовать мечемъ, неу- „спрашимо предаватьсѣ случайностямъ.

„Я самъ, хошя согбенный подъ бреме-
 „немъ лѣшь, иду первый къ сраженію.
 „Пусть другіе укрываются ошъ опасно-
 „спи; но не хошу я, да старосшь моя по-
 „служитъ предлогомъ къ тому. О! для че-
 „го я еще не въ цѣлнѣ первого возраста?
 „для чего не имѣю ни юности, ни силь
 „вашихъ? вы, коихъ чувствво страха удер-
 „живаешь въ окопахъ сихъ; вы, коихъ ни
 „справедливый гнѣвъ, ни спыдъ, по край-
 „ности, не можешь подвигнушь прошиву
 „в рв ра, предлагающаго вызовъ и васъ ос-
 „корбляющаго!

„Для чего я не пошъ еще, какимъ се-
 „бя чувствоваль, когда предъ лицемъ всей
 „Германіи, при дворѣ Конрада, пронзиль,
 „предалъ смерни свирѣпаго Леопольда? Па-
 „деніе врага сего шоржесшвеннѣ было для
 „мужесшва моего, нежели когдабъ одинъ
 „изъ насъ, безъ ружий, обратиль въ бѣг-
 „штво шолпу малодушныхъ Срацыновъ.

„О! еслибъ та же во мнѣ была крѣ-
 „посшь, еслибъ кровь по прежнему пла-
 „менѣла въ жилахъ моихъ, я бы низложилъ
 „уже гордосшь невѣрнаго! Но ни спа-
 „росшь, ни шягосшь одобелѣвшихъ членовъ
 „не охладили еще сердце мое, еще не
 „знаешь оно страха; я могу умереть на
 „полѣ брани, но врагъ не воспоржесш-
 „вуешь безъ сраженія. Идемъ! я вооружусъ,
 „и день сей будетъ знаменишгѣйшимъ изъ
 „дней моихъ.“

Такъ въцѣдаль храбрый старецъ, и сила его выраженій пробудила во всѣхъ сердцахъ смѣлосць и мужество. Безгласные и робкіе воины въ одно мгновеніе содѣлались пылкими, неукротимыми; всѣ пріемлють вызовъ, всѣ ревнуютъ къ чести быть избранными. Бадуинъ присвояетъ ее; Рожеръ, Гельфъ, два Гвида, Стефанъ и Гарниеръ ищутъ ее удостоиться.

Пирръ, коего удачная хитрость пріобрѣла Бомонду Ансіюхю, Шотландскій Эвгардъ, Ирландецъ Родольфъ и Британецъ Роземондъ, стараются желаніемъ одержать преимущество. И вы не менѣе спремались къ тому, Гильдиппа, Одоардъ, нѣжные любовники, вѣрные супруги!

Но болѣе всѣхъ ихъ почтенный старецъ являетъ пылкосць и мужество души его. Уже вооружился онъ, и одинъ только шлемъ не покрывалъ главы его. „Живыи образъ древняго мужества!“ рекъ ему Годофредъ: „да научиша тебѣ собою всѣ Рыцари наши и руководствующи примѣромъ своимъ! Въ тебѣ только блистаютъ, во всемъ величїи ихъ, таланты, усердіе къ исполненію долга и воинская доблесть.

„О! еслибъ имѣли мы десятъ юныхъ воиновъ, коихъ отважностъ была бы подобна, скоро бы узрѣлъ я низверженнымъ престолъ заблужденія; скоро бы опъ закаша солнца до страны, гдѣ восходитъ заря утренняя, начала разсвѣтаетъ шоржающая хоругвь крестная! Но умо-

„ляю тебя: сохрани главу свою для важнѣйшихъ предприятий; согласишься, да жребій наименуешь Рыцаря, кому суждено будетъ сразиться съ невѣрнымъ, или пауче, да управитъ небесная Власть и избраніемъ и успѣхомъ.“

Но непреклонный Раймондъ твердо настаивалъ, чтобъ имя его было написано въ числѣ соревнователей. Годофредъ пріемлетъ каждое въ шлемъ свой, смѣшиваясь, соприсаешь — и первое изъемлется имя Графа Тулузскаго.

При его провозглашеніи раздались восклицанія радости, и никто не дерзнулъ порицать жребія, опредѣлившаго его избраніе. Новая крѣпость являлась на челѣ шарца; цвѣтущая юность обновляетъ лице его. Такъ змій, гордящійся блескомъ злата, его украшающимъ, выпавляетъ при лучахъ солнца богатство обновленной одежды его и возноситъ гордую главу свою. Тѣмъ болѣе Годофредъ одобрилъ избраніе Раймонда и предвозвѣстивъ ему славу и побѣду.

Снявъ съ себя свой собственннй мечъ, вручилъ его Раймонду. „Се“ рекъ онъ, „мечъ, носимый икогда Саксонскимъ возмущеннымъ въ сраженіяхъ; я изторгъ его купно съ жизнію злодѣя, и всегда побѣждалъ съ нимъ: прими его, и да не будетъ онъ мѣшею щасливъ въ рукѣ твоей!“

Между тѣмъ дерскій Артантъ опъ неперѣливости произноситъ вопль и угрозы:

„Воинство непобѣдимое! знаменитые ге-
 „рои запада! уже ли спрашишесь вы одно-
 „го ратника, васъ вызывающаго? Да при-
 „дешь сей надменный Танкредъ, если споль-
 „ко полагаешся на храброспъ свою! Уже ли
 „хощешь онъ на ложъ своею ожидашь ве-
 „чернихъ сумраковъ, защищившихъ прежде
 „слабоспъ его?

„Не смѣешь явишесь онъ? — Да за-
 „спушишь другой мѣсто его! Всадники, пѣ-
 „шіе, толпами, толпами спѣшише, когда
 „въ споль многочисленномъ ополченіи нѣшь
 „воина, дерзающаго на единоборство со
 „мною. Се Гробъ, гдѣ погребенъ Сынъ Ма-
 „ри! Почто не приближаешсь? почто не
 „исполняете обѣщанъ вашихъ? Путь къ
 „нему предъ вами. Какое для васъ можешъ
 „представившсь важнѣе сего предпріятіе?“

Такъ поносилъ варваръ Христіанъ, и
 болѣе всѣхъ ихъ воспламененный Раймондъ
 не могъ снести оскорбленія. Дичаешъ храб-
 ростъ его и пышетъ огнемъ ярости. Какъ
 буря, мчися на конѣ, орлу подобномъ
 скоростію, и — Орель было его названіе.

На брегахъ Тага родился онъ. Тамъ,
 при наступленіи весны, сопровождаемой
 любовію и зефирами, самка, исполненная
 новыхъ вождельній, въ разверспыя челю-
 сти свои пріяла плодотворное дыханіе
 въпрочь, зачала и — о чудо! — содѣла-
 лась матерію.

Безъ сомнѣнія, Орель получилъ жизнь
 опъ легчайшаго и упоиченнаго воздуха.

Стремился ли быстрою рысью на ристалищѣ — скачешь ли, или кружишься въ гадопахъ — не оправляешь за собою слѣдовъ своихъ. На немъ несешься бодрый старецъ къ мѣсту сраженія и возводишь къ Небу взоры свои.

„О Боже!“ возопилъ онъ: „Ты, что въ долину Теревинфа управлялъ пропиву безбожнаго Голіафа безопытную руку! Ты, что низложилъ сего надменнаго истребителя избраннаго народа подѣ прашцею смиреннаго пастыря! возобнови чудесный примѣръ Твоего всемогущества: низложи подражающаго ему нечестивца моими ударами! Да исчезнетъ гордость его подѣ мышцею слабаго старца, подобно какъ гордость Филлестимлянина подѣ мышцею опрока!“

Воззвалъ — и молитва его вознеслась въ небесную обитель на крылахъ надежды, подобно какъ пламень стремится выпрыгнуть по природѣ своей. Вѣчный внялъ ей, и между безсмертныхъ силъ избралъ Ангела, да защитишь Раймонда и изпоргнешь побѣду изъ руки злочестиваго.

Ангель-хранитель, надзиравшій надъ нимъ въ колыбели, коего попеченія управляли младенчествомъ его въ прудномъ пути жизни, и еще приѣмлетъ повелѣніе бытъ его покровителемъ: призванный къ сему важному назначенію, онъ восходитъ на небесную гору, гдѣ хранятся оружія безсмертнаго воинства.

Тамъ поставлено копье, поразившее древняго змя; тамъ небесныя перуны и шкъ невидимыя стрѣлы, кои несутъ пагубу и язвы виновнымъ народамъ; тамъ, на возвышенности, привѣшенъ поплъ спрашный презубецъ, величайшій, ужасъ бѣднаго челоуѣчества: презубецъ, попрясающій землю до ея основаній и разрушающій гордыя селенія слабыхъ чадъ ея.

Во множествѣ оружія блискаетъ щипъ изъ чистѣйшаго адаманта. Неизмѣримъ въ обширности, онъ покрылъ бы все страны, Кавказъ и Апласъ разлучающія; сей щипъ ограждаетъ Царей, чшущихъ истину, и народы, привлеченные къ добродѣтели; его возьмешь жипель небесъ и, всегда невидимый, паритъ надъ любезнымъ ему Раймондомъ.

Между шѣмъ покрылись шѣны шолпами жадныхъ зришелей. Тиранъ посылаетъ Клоринду съ великимъ числомъ опборныхъ воиновъ занять покашость возвышенія. Съ другой страны приближаются Христиане въ бранномъ успроеніи; среди и шѣхъ и другихъ свободное пространство предсавляетъ разборцамъ обширное пространство.

Арганшъ успремляетъ взоры, и не видитъ Танкреда, но неизвѣстный Рыцарь предсавляетъ ему. „Будь признателенъ къ судьбѣ своей!“ вѣщаль ему Графъ: „шопъ, кого ищешь ты, пространствуешь въ иныхъ мѣстахъ; но не шоржествуй еще: ты зришь меня голловымъ сразишься съ шо-

„бою; я могу заступить мѣсто его, могу
 „быть преемникомъ къ измѣненію съ твоими
 „силъ моихъ.“

Улыбнулся гордый врагъ. „И такъ что
 „дѣлаешь Танкредъ?“ сказала онъ: „что его
 „удерживаетъ? Онъ прежде посягалъ на
 „Небо, а нынѣ въ бѣгствѣ полагаетъ всю
 „надежду свою! Но хопябъ сокрылся онъ
 „въ нѣдрахъ земли, или въ безднѣ моря,
 „нѣтъ убѣжища, гдѣ бы онъ спасся отъ
 „руки моей.“ — „Ты лжешь!“ отвѣщивала
 Раймондъ, „ушверждая, что герой, каковъ
 „Танкредъ, убѣгаетъ себя! Никогда съ
 „его мужествомъ швое сравняшь не мо-
 „жешь.“

Заирепетала отъ гнѣва Черкесь. „Спу-
 „тай!“ вскричала онъ: „я приѣмлю тебя на
 „мѣсто его, и скоро увидимъ, какъ оправ-
 „даешь ты безразсудную дерзость словъ
 „швоихъ.“ Оба сближаются, оба направля-
 ютъ противу шлемовъ грозныя копыя ихъ.
 Раймондъ умѣшилъ въ невѣрнаго, но ударъ
 не могъ поколебать его.

Въ первый разъ надмѣнный Аргантъ
 зритель обманутую мѣлкость руки своей, и
 повпорядку бесполезныя удары; невиди-
 мая десница ошвращаетъ ихъ отъ покрови-
 шельствуемаго ею Рыцаря. Грызетъ гу-
 бы варваръ отъ ярости, изрыгаетъ хулы,
 сокрушаетъ копіе свое, и схвативъ мечъ,
 нападаетъ на противника.

Сшремился конь его съ поникшею гла-
 вою. Раймондъ, избѣгая напора, успранил-

ся вправо, и поражаетъ въ чело Арганпа. Сей впорично возвращается, и Графъ впорично уклонился, ударивъ по шлему врага своего; но шлемъ, крѣпчайшій діаманта, ничѣмъ былъ непроницаемъ.

Продолжая битву, свирѣпый Черкесь тѣснилъ его, въ намѣреніи сцѣпиться другъ съ другомъ; но Раймондъ, спрашась быль подавленнымъ его тяжеснію, успушаетъ; потомъ возвращается къ нападенію, удаляется, сближивается и кажется крылашымъ. Послушный и гибкій конь его вѣрнымъ и размѣреннымъ шагомъ всегда повинуется рукъ, имъ управляющей.

Какъ полководецъ, осаждая твердыню, окруженную бланомъ, или возносящуюся на горномъ утесѣ, ищетъ удобоприступныхъ мѣстъ и употребляетъ всѣ воинскія хитрости: такъ Раймондъ опспушаетъ, приближается, дѣлаетъ тысящу круговъ, тысящу уклоненій. Кираса и шлемъ Срацына прошивоспоятъ его усиліямъ, и онъ ищетъ слабѣе защищенныхъ мѣстъ, кои бы опкрыли пушъ мечу его.

Уже доспѣхи Арганповы пронзены были неоднократнои пораженіями, уже обгарялись его кровію; но ни одна капля крови Христианскаго випязя еще не проливалась, ни одинъ ударъ не оставилъ на его шлемѣ слѣдовъ своихъ. Тщесно врагъ пылаетъ яростію, щесно поражаетъ: гнѣвъ его перяетъ въ безплодныхъ покушеніяхъ; но ничѣмъ не ушомляясь, онъ сугубилъ се-

бя въ нападеніяхъ и каждый разъ возвращаешся ужаснѣйшимъ.

Наконецъ; послѣ множества ударовъ, одинъ изъ шягчайшихъ упалъ уже на Графа: конь его, при всей легкости, не могъ бы спасти его отъ гибели; но незримая Рука продолжала ограждать Рыцаря, и усилія Срацына исчезли на поверхности щипа небеснаго.

Сокрушился мечъ и разлетѣлся на мѣлкія части — и какое брѣнностію произведенное оружіе устояло противу небеснаго! — Аргантъ видѣлъ дребезги, и едва вѣришь очамъ своимъ; въ недоумѣніи смотритъ на обезоруженную руку свою, и удивляется сопротивленію, какимъ встрѣченъ былъ ударъ его.

Мнитъ, что мечъ его сокрушился отъ щипа Раймондовъ. Раймондъ также мыслитъ, и не знаетъ о помощи, Небомъ ему посланной; но видя безоружнаго непріятеля, оспановился: презираетъ онъ побѣду безславную и приобрѣшенія безопасныя.

Гоповъ уже сказать невѣрному, да возмемъ другой мечъ; но внезапно проникнуть былъ мыслию, что честь Христіанъ въ рукъ его, и что его посрамленіе содѣлается ихъ посрамленіемъ. Не желаетъ шоржества недоспойнаго, но и не хочетъ опиваживать славу общую. Еще не рѣшился — и Аргантъ верженъ въ него оставшую рукоять меча своего.

Между шѣмъ и самъ приближаясь, ищепь начашь съ Раймондомъ ручную борьбу. Герой пораженъ въ забрало шлема; но не смутившись, уклоняешя опть сильной руки, просперпой яшъ его, и ранипь руку сю, кошорая, подобясь когшямъ орла, вцѣплялась уже въ добычу свою.

Оидсшупаешь, возвращаешся, подается впередъ, уклоняешся по вправо, по влѣво, и всегда продолжаешь поражашь Срацына жесточайшими ударами; совокупляетъ прошиву его всѣ свои силы, все искусство, все, что можешь внушиць гнѣвъ и досада. Небо и счастье содѣйсшвуютъ его напряженіямъ.

Арганшъ, покрытый броней, поддерживаемый собственною его тягостію, прошивоспоишъ, недвижимъ, съ неизмѣннымъ мужесшвомъ, всѣмъ его нападеніямъ. Такъ, посреди бурнаго моря, безъ кормила, безъ вѣтриль и безъ мачшъ, корбль борешся съ волнами; бока его, согбенные изъ крѣпкаго дуба, еще посмѣваются яросши волнь, и спасають плаващелей опть смерти и ошчаянія.

Но ты уже гибнуль, Арганшъ, когда Вельзебуль приспѣль изыяшъ шебя изъ челюстей смерти. Изъ облака сосшавляешъ онъ призракъ въ образѣ человекскомъ; даешъ ему чершы и вооруженіе величавой Клоринды: ея гласъ, ея шпанъ и ея движенія.

Привидѣніе подходитъ къ Орадину, оплечающемуся въ искусствѣ стрѣломешанія. „Славный Орадинъ!“ вѣщаешъ ему, „ты, ко-

„ему послушная стрѣла ударяеть прямо въ
 „цѣль, указуемую окомъ твоимъ! можешь ли
 „быть равнодушнымъ къ несчастію, если
 „Герой, защитникъ Палестины, погибнетъ
 „въ сраженіи? если врагъ, съ совлеченными
 „съ него доспѣхами, возвратится порже-
 „спевающей спокойно въ спань къ себѣ?

„Покажи во всемъ блескъ искусство твое;
 „напой стрѣлы твои кровію Галльского хищ-
 „ника. Подвигъ сей увѣнчаешь тебя сла-
 „вою, и признаешь твоего Владыки
 „удостоверитъ тебя въ наградъ, соразмѣр-
 „ной достоинству заслуги.“ Рече — и
 стрѣлокъ, обольщенный мечтательными
 обѣщаніями, изъемиетъ изъ колчана убій-
 ственную стрѣлу и напрягаетъ лукъ свой.

Задрожала звонкая шепива; съ свистомъ
 летиетъ стрѣла въ воздухъ, пронзаетъ бро-
 ню Раймондову и останавливается на шлѣ
 его, содѣлавъ легкую язву. Небесный Во-
 инъ ослабилъ ударъ и не попустилъ оспрію
 углубиться далѣе.

Графъ изпоргаетъ стрѣлу; видитъ ше-
 кущую кровь свою; грознымъ и исполнен-
 нымъ негодованія гласомъ укоряетъ Срацы-
 на въ нарушеніи вѣрности. Годофредъ,
 коего око неушомимо слѣдовало за Раймон-
 домъ, зреть измѣну; мнитъ, что рана мо-
 жетъ быть смертельна; выпустилъ вздохъ,
 и сердце его оледенѣло отъ ужаса.

Взоромъ и словами возбуждаетъ онъ ко
 мщению своихъ воиновъ. Мгновенно опу-
 снулись забралы шлемовъ, проспершы

копья, и ринулись всадники. Въ одну минуту и Христиане и Срацины приходять въ движеніе; поле исчезаетъ подъ вихрями крушащейся пыли; подьмлясь къ небу, носится она, какъ темная пуча.

Заспональ воздухъ опъ звука шлемовъ, щиповъ, одинъ о другой ударяющихъ, и раздробляющихся копей. Тамъ лежить конь; тамъ другой рыщетъ безъ всадника; здѣсь поверженъ убитый воинъ; подлѣ его спонетъ умирающій. Битва пламенѣетъ. Смѣшиваются, пѣснятъ другъ друга, низвергають и закалають.

Быстрый Аргантъ, избывъ опъ врага своего, врываеися посреди множества, изпоргаеъ у нѣкогого воина желѣзную палицу, машетъ ею въ сгустившихся вокругъ его толпахъ и отверзаеъ себѣ широкій путь; ищетъ одного только Раймонда, на него только гоповишь пляжестъ своего оружія; на него пылаеъ гнѣвомъ и мщеніемъ: подобенъ алчному волку, казалось, хощетъ пожраъ его.

Трудень путь ему: вездѣ оружіе полагаеъ предъ нимъ жестокія преграды. Орманъ, Рожеръ Бернавильскій, Гвидъ и двое Жерардовъ съ нимъ вспрѣчаются, нападають; но ничпо не удерживаетъ, ничпо не ослабляетъ ни силъ, ни ударовъ его: чѣмъ болѣе спѣсненъ, тѣмъ паче яросненъ. Такъ заключенное пламя, изпоргаясь изъ пемницы своей съ вящими ужасами, далече несетъ гибель и разрушеніе.

Орманъ испускаетъ духъ, Гвидъ раненъ, Рожеръ въ слабости и ушомленіи падаетъ между мертвыми. Но толпы множатся; грозный и сгущенный рядъ воиновъ и оружія окружаетъ Срадына. Между тѣмъ, какъ онъ одинъ пославлялъ оплотъ для защиты невѣрныхъ, одинъ удерживалъ въсы жребія, Годофредъ призываетъ брата своего. „Шеспвуй,“ рекъ ему, „съ своими войсками!

„Обрапись къ лѣвому крылу, гдѣ сраженіе убійственнѣе; окружи непріятеля.“ Двигнулся Бадуинъ, и роскошный Азіатецъ, какъ бы лишенный и рукъ и оружія, не можетъ выдержать удара Хриспіанъ, успушаетъ — бѣжитъ; ряды сломлены; кони, воины, знамена — все падаетъ, все опровержено.

Правое крыло также увлекается въ бѣгство разбитіемъ лѣваго, и одинъ только Арганшъ удерживаетъ мѣсто сраженія; между тѣмъ, какъ окрестъ его всѣ бѣгутъ, всѣ ускоряютъ искать спасенія, онъ осматривается непоколебимымъ и предспавляетъ Хриспіанамъ грозное чело свое. Таковъ, или еще менѣе, былъ бы ужасенъ спорукій исполинъ, поражающій пшьюдесятью мечами и прикрывающійся поликими же щитами.

Одинъ выдерживаетъ спремшельность коней и всадниковъ; одинъ пропвиборспвуетъ цѣлому ополченію. Раздроблено его вооруженіе, разперзаны члены; кровь и попь купно спруятся съ него, и онъ,

казалось; того не чувствуетъ. Но сами невѣрные сполпляются, пѣснятъ и увлекаютъ его въ бѣгство свое.

Противъ воли уступаетъ онъ быспрошѣ пошюка, его влекущаго — бѣжитъ, но не сходствуетъ съ бѣглецомъ ни по сердцу, ни по движеніямъ, если только можетъ наружно быть зеркаломъ внутренности; шю же ужасъ проникаетъ изъ сверкающихъ очей его, шюю же яростію дышатъ уста грозящія. Тщепны однакожь всѣ печенія его оспановитъ шюны убѣгающихъ.

Его мужество и его усилія не могутъ ни удержатъ ихъ, ни возстановитъ порядка; шракъ не знаетъ воинской подчиненности: не внемлютъ прозьбамъ, и шщепны повелѣнія. Между шѣмъ ревностный Годофредъ, пользуясь благопріятншвующимъ ему шасніемъ, продолжаетъ поражение и посылаетъ новую помощь побѣдителямъ.

Еслибъ шакъ былъ жребій, Небомъ предначертанный, сей день могъ бы быть днемъ шоржешва Христіанъ и концемъ ихъ подвиговъ; но адское полчище, усматривая въ сей битвѣ колеблемость владычества своего, по данному ему попущенію, внезапно собираетъ грозныя шчи и разрѣшаетъ буйныя вѣпры.

Темная завѣса сокрыла топъ очей смертныхъ солнце и его сіяніе; небесный сводъ воспылалъ огнемъ мрачнѣйшимъ, чѣмъ пламень шаршара: ревутъ грома, шумитъ проливный дождь, сыплется градъ, поражаетъ

злакъ полей и наводняетъ долины; ломить древа бурный вихрь, потрясаетъ крѣпкіе дубы, каменистыя скалы и горы въ ихъ основаніяхъ.

Дождь и вѣпръ, градъ и молнія соединенно разятъ въ лице Христіанъ. Устрашенное нечаянною бурею воображеніе измѣняетъ мужеству сердца; и хотя нѣсколько ихъ оспаша подъ знаменами, но Клоринда, видя распростиравшіяся между ими безпорядокъ, пользуется удачною минутою и скачетъ впередъ на конѣ своемъ.

„Друзья!“ вопіетъ она своимъ: „небо побораетъ за насъ, опмщая права наши; гнѣвъ его щадишь насъ и поражаетъ полково враговъ; у препещущихъ и побѣжденныхъ уже опъемлетъ оно свѣшь и изшоргаетъ оружіе. Стѣшимъ, печемъ попуши, судьбою намъ проложенному.“

Возбужденные ею обращаютъ хребетъ стремленію адекой бури, и Клоринда съ ними громишь Христіанъ жесточайшимъ нападеніемъ; посмѣваенся безплоднымъ ихъ усиліямъ зацпишишь себя; самъ Аргантъ возвращается и несенъ къ побѣдишелямъ своимъ гибель и смяшеніе. Они оставляютъ бранное поле, бѣгутъ отъ бури и непришеля.

Гнѣвъ беспѣлесныхъ и мечъ челоѣковъ гоняшь бѣгущихъ; кровь печешъ, сливаешся съ ручьями низпадающаго дожда и обагрешъ снѣзи ихъ. Во множествѣ мершвыхъ и умирающихъ Пирръ и храбрый Ро-

дольфъ падають, лишеныя жизни: первый опъ руки Клоринды, послѣдній опъ пораженій Арганша.

Такъ убѣгали Хриспіане, шакъ Сирійцы и духи злобы неушомимо ихъ преслѣдовали. Единый Годофредъ противопосшавляешъ оружію, перунамъ и бурѣ чело неуспрашимое; порицаешъ слабосшь вождей, и ушвердясь предъ входомъ въ станъ на росломъ конѣ своемъ, зовешъ и собираешъ разсыпанныхъ въ долину рашиниковъ.

Двукратно выспушаетъ прошиву свирѣпаго Арганша, и двукратно удерживаетъ спремленіе дерзкаго варвара; двукратно мечъ его разрушаетъ стущенные ряды нападающихъ. Наконецъ со всѣми своими удаляется подъ зашщину окоповъ. Симъ прервалъ онъ побѣду Срацыновъ. Они возвратились въ Солимъ, и ушомившіеся, погруженные въ уныніе Хриспіане заключающа въ спанѣ своемъ.

Но и въ огражденіяхъ его нѣшъ для нихъ спокойнаго убѣжища: гнѣвное дыханіе бури гаситъ шо въ одномъ, шо въ другомъ мѣспѣ разведенные огни; вода проникаешъ въ шашры; буншующіе вихри раздирають ихъ, срывають съ мѣспѣ и разносятъ. Вопли, свиспѣ въпровъ, прескъ грома и шумъ біющаго дожда въ оглушающемъ, спрашномъ аккордѣ своемъ ужасають природу.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Успихъ громъ, преспала буря и укропили вѣтры шумное дыханіе ихъ; злапная зоря съ челомъ, увѣнчаннмъ розами, изходила уже изъ небесныхъ черпоговъ своихъ: но злбные возмушишли спихій еще не оспавили мрачныхъ замысловъ, и Аспаромъ обращается къ единокровному ему Раздору съ сими изреченіями:

„Ты зришь воина, избѣжавшаго опъ мспительной руки героя, подкрѣпляющаго владычествво наше. Мы не можемъ положить препинанія въ пупи его, и онъ поспѣшишь возвѣшишь Хриспіанамъ о плачевной судьбѣ опважнаго повелителя своего и его спунниковъ; опкроешъ важная спайспва, кои, можешъ спашься, убѣдяпъ ихъ призвашъ обратпо сына Берпольдова.

„Тебѣ извѣспно, сколь пагубно было бы для насъ его возвращеніе, сколь нужно предупреждать великія собыпія, въ самыхъ началахъ ихъ, силою или хиспроспю. И спакъ спѣши къ ополченію Хриспіанъ; пекись обратишь прошиву ихъ самихъ всешо, чшо можешъ имъ опкрышь сей воинъ къ собспвенной пользѣ ихъ; вдохни въ сердца ихъ яроспъ спвою; пролей спвой ядъ въ жилы Лапина, Гельветійца и жипеля Бришаніи; раздуй пламень меспи и возмушенія; внеси во весь спанъ ихъ безпорядокъ и пагубу.

„Таковой подвижъ достоинъ шебя;
 „и пы нѣкогда съ чувствомъ величія увѣ-
 „рилъ въ совершеніи его нашего Монарха.“
 Такъ вѣщаль Аспаротъ, и не споль много
 попребно было къ возбужденію любаго чу-
 довища на исполненіе гибельнаго предпрія-
 шія. Между шѣмъ неизвѣстный рапникъ
 приходилъ въ Хриспіанскій станъ и про-
 ситъ представитъ его Полководцу.

Толпа любопытныхъ препровождаетъ
 его въ наместъ Годофреда. Почтипательно
 преклонилъ онъ и облобызалъ грозную ру-
 ку, препепомъ новый Вавилонъ поражаю-
 щую. „Герой непобѣдимый,“ рекъ онъ, „ко-
 „его слава не имѣетъ другихъ предѣловъ,
 „кромѣ океана и свѣшилъ небесныхъ! я же-
 „лалъ бы принести шебѣ щаспливѣйшія
 „извѣстія.“ Съ симъ словомъ шяжко воздох-
 нулъ и продолжалъ:

„Свенонъ, единспвенный сынъ Облада-
 „теля Даніи, слава и подпора Царспва его,
 „старалъ желаніемъ прійти подъ знамена
 „швои, приобщилъ къ воинамъ, по совѣ-
 „шу швоему препоясавшимъ мечъ къ опмще-
 „нію за Богочеловѣка; спрахъ опасностей
 „и шрудовъ, прелеспъ діадимы, ему пред-
 „назначенной, нѣжная любовь къ родителю,
 „опягченному лѣшами — ничшо не мог-
 „ло охладитъ въ великомъ сердцѣ священ-
 „ной ревности, воспламенившей его.

„Онъ хопѣлъ, подъ руководствомъ споль
 „знаменишаго Наставника, познать суро-
 „вую и шрудную науку браней; душа его

„гнушалась посрамительной неизвѣстности; слава Ренальда, въ цвѣтущей юности сравнившись съ опличившими Рыцарями, исполняла его спыдомъ и ревнованіемъ. Но несравненно болѣе всѣхъ патковыхъ ощущеній, желаніемъ безсмертной и небесной славы одушевлялось его мужество.

„Движимъ непергъливостію, собралъ онъ подъ начальство свое сонмъ храбрыхъ воиновъ; направляетъ путь во Фракію и достигаетъ Византіи. Тамъ Императоръ Греческій почилъ его благосклоннымъ гостепріимствомъ въ чертогахъ своихъ; тамъ узрѣлъ онъ гонца своего, копорой возвѣспилъ ему и покореніе Антіохіи и ея удержаніе.

„Возвѣспилъ о защищеніи града сего опъ Персовъ, ополчившихся и осаждавшихъ ее въ шолікомъ множествѣ, что, казалось, не оставили они въ великомъ Царствѣ своемъ ни жилищей, ни оружія. Въщаль ему о себѣ, о герояхъ своихъ; въщаль о Ренальдѣ; сказалъ и о благородномъ бѣгствѣ изъ опечесства юнаго Рыцаря, и о подвигахъ, ознаменовавшихъ въ испанѣ своею храбростъ его.

„Присовокупилъ на послѣдокъ, что ны уже при врагахъ Солима, гоповъ, подобень грому, разрушилъ стѣны его; пригласилъ Царевича поспѣшить къ участию хотя въ послѣдней побѣдѣ своей. Бесѣда сія воспалила юную опважность его: часть

„казался ему вѣкомъ; онъ алкалъ желаніемъ
 „сразиться съ невѣрными и обмышь въ
 „крови ихъ руку свою

„Казалось, швое мужество упрекало его
 „въ малодушіи. Снѣдаемый чувствомъ слы-
 „да, опвергаетъ совѣшы и не внемлешь
 „умоленіямъ. Единою поспавляемъ для се-
 „бя опасностію, не раздѣлишь швоей опас-
 „ности, не учасствовашъ въ славѣ швоей:
 „никакой другой онъ не знаетъ, или не
 „почитаешь достойною уваженія.

„Самъ онъ ускорилъ совершеніемъ горе-
 „стной судьбы его; въ пылкихъ своихъ дви-
 „женіяхъ едва дождался перваго свѣпанія
 „зари къ опшествою, избиралъ пупи са-
 „мые крапчайшіе; не радѣль избѣгашъ ни
 „проходовъ запруднишельныхъ, ни спранъ,
 „обишаемыхъ злѣйшими нашими врагами.
 „Слѣцы, мы слѣдовали за вождемъ своимъ.

„Здѣсь гладъ поспигаешь насъ; далѣе,
 „природа спавишь преграды; всюду поп-
 „ребно было или превозмогашъ явную силу,
 „или избѣгашъ сокровенныхъ сѣпей. Но
 „мы преодолѣвали все препятствія: из-
 „пробляли, или обрацали въ бѣгство про-
 „шивныхъ, и обезпеченные побѣдами, гор-
 „дясь успѣхомъ, уже касались предѣловъ
 „Палестины.

„Тамъ передовые всадники извѣспи-
 „ли насъ, что они слышали звуки оружія,
 „видѣли развѣваюціяся знамена, и по всемъ
 „признакамъ опасашося приближенія силь-
 „наго воинства. Неустрашимый Свенонъ,

„всегда пвердый въ своихъ предпріятіяхъ,
 „не измѣняешся ни въ лицѣ, ни въ голосѣ:
 „яснымъ и спокойнымъ окомъ смотришь а
 „поблѣднѣвшихъ его воиновъ.

„Товарищи! воскликнулъ онъ: день
 „сей дарспвуетъ намъ пальмовую вѣпвь или
 „побѣды, или мученическаго свидѣтель-
 „ства Вѣры. Я надѣюсь первой, и не менѣе
 „желаю послѣдней, какъ доспойнѣйшей по
 „заслугамъ и обѣщавающей равную славу.
 „Нѣкогда спашъ сей преобращиши храмомъ
 „въ память нашу, и будущіе роды припе-
 „купъ сюда почпишь наши гробы, или
 „удивляясь профеямъ, нами приобрѣшен-
 „нымъ.

„Рекъ — и поспавляетъ спражу, раз-
 „дѣляетъ должності и шруды, повелѣ-
 „ваетъ, да каждый спійшь вооружень; самъ
 „не слагаетъ съ себя ни шлема, ни доспѣ-
 „ховъ. Среди глубокой ноци, въ шо время,
 „какъ все покоилось въ безмолвіи, внезапно
 „спрашные вопли возмущающъ воздухъ и
 „поприсясающъ землю.

„Къ оружію! — восклицаютъ — къ
 „оружію! и Свенонъ первый, съ грознымъ
 „мечемъ, выступаетъ предъ сонмомъ своихъ
 „рашниковъ. Опважності блиспала въ очахъ
 „его; лице казалось пламеннымъ. На насъ
 „опвсюду нападающъ сгущенные ряды вра-
 „говъ; шѣснящъ и окружающъ; лѣсъ копій и
 „мечей облегаещъ насъ; шучи спрѣль гра-
 „домъ сыпающъ на звенящіе шлемы.

„Въ неравной битвѣ сей каждый имѣлъ
 „пропиву себя двадесять непріятелей;
 „многіе уязвлены, многіе издыхали въ пем-
 „нощѣ опъ незримыхъ ударовъ; но число
 „убитыхъ и раненыхъ перялось во мракъ,
 „и ночь скрывала и нашу гибель и наши
 „подвиги.

„Свенонъ между шѣмъ всюду познава-
 „емъ былъ по крѣпости руки, по тяжести
 „ударовъ его; ручьи крови пропекали во-
 „кругъ его; коспры убитыхъ служили ему
 „защипою; куда бы онъ ни обрапился,
 „всюду несеть ужась въ очахъ и смершь въ
 „десницѣ.

„Мы сражались, доколѣ заря освѣшила
 „небо первыми лучами ея; прогоняя ужасы
 „нощи, ясность ея опкрыла намъ ужасы
 „смерши. День споль желанный предста-
 „вилъ взорамъ нашимъ одно полько зрѣлице
 „спраха и жалоспи. Весь спанъ былъ усѣянъ
 „прупами и покрьпъ обломками оружія.

„Нась было двѣ пысящи, и едва оспа-
 „лось единое спю. Видя сполько пролив-
 „шейся крови, сполько мерпвыхъ шѣлъ
 „громадами, не знаю, возмушилось ли сердце
 „героя; но не измѣнилось чело его. — То-
 „варищи! сказалъ онъ, возвыся голось: по-
 „слѣдуемъ за сими великодушными война-
 „ми; поспѣшимъ, какъ и они, къ блажен-
 „спву и славѣ по пупи, проложенному ихъ
 „кровію! —

„Рекъ — и съ улыбкою вспрѣчая близ-
 „кую смершь, пропивооспавляетъ попо-

„ку, на него проливающимся, твердость
 „духа и неуспрашимое мужество: никакая
 „броня, хопябъ изъ крѣпчайшей стали,
 „или изъ непроицаемаго адаманта была
 „составлена, не могла выдержать ударовъ
 „руки его. Но скоро все плѣло его содѣла-
 „лось единою язвою.

„Трупъ неукрошимый! нѣсть, не жизнь,
 „одна только храбрость поддерживала и
 „одушевляла меня! — Безъ опдыха воз-
 „даешь онъ за ударъ ударомъ; чѣмъ болѣе
 „изъязвленъ, тѣмъ болѣе спрашенъ. Нако-
 „нецъ воинъ, коего взоры были свирѣпы,
 „послупъ ужасна, яростно на него напа-
 „даешь, и вспомоществуемый множествомъ
 „своихъ, по долгомъ и упорномъ сраженіи
 „низлагаешь героя.

„Паль великодушный юноша, паль —
 „и не оспавиль по себѣ мспипеля. О кровь,
 „благородно пролишая! о горестные ос-
 „папки наилучшаго изъ Владыкъ! вами
 „свидѣтельствуюсь, что я не дорожилъ
 „своею жизнью, презиралъ грозящее смер-
 „тно оспріе, дерзалъ на всѣ опасности, и
 „еслибъ Небеса положили тогда предѣль
 „дней моихъ, я заслужилъ право на слав-
 „ное окончаніе ихъ.

„Среди безжизненныхъ плѣлъ сподвиж-
 „никовъ моихъ я паль, не пошеравъ еще
 „жизни, но лишенный и чувспва и памя-
 „ши; черное облако просперлось на очахъ
 „моихъ; смерпное усыпленіе связало мои
 „члены. Наконецъ опверзлись очи мои; ка-

„залось мнѣ, что была погда ночь, и
 „бродящїе взоры мои усмапривали свѣпъ
 „слабый и мерцающїй.

„Я не имѣлъ еще силъ къ различенїю
 „предметовъ и находилса въ соспоянїи, раз-
 „лучающемъ сонъ и пробужденїе; вѣжды
 „мои попеременно опкрывались и закры-
 „вались; мои раны, хладомъ ноци и влагою
 „земли, на копорой поверженъ лежалъ я,
 „раздраженныя, увѣряли меня въ моемъ су-
 „щеспвованїи болѣзненнымъ ошущенїемъ.

„Но свѣпъ, мною усмопрѣнный, по-
 „степенно яснѣетъ; слышу шихїй шорохъ,
 „копорой преспааетъ, приближасъ ко мнѣ.
 „Съ шрудомъ подьемлю опягопѣвшїя вѣжды;
 „зрю двухъ неизвѣстныхъ, облеченныхъ въ
 „длинные одежды, съ пламенниками въ
 „рукахъ. Одинъ изъ нихъ провѣщаль мнѣ:
 „о мой сынъ! ушверди въ Богѣ надежду
 „швою; десница Его подкрѣпляетъ добро-
 „дѣшель и милоспъ предваряетъ моленїя
 „наши. —

„Проспираетъ ко мнѣ благословляю-
 „щую руку, и съ благоговѣйнымъ вниманї-
 „емъ шихо произноситъ изреченїя, кои я
 „едва слышашъ, а еще менѣ шого пони-
 „машъ могъ. Возспанъ! присовокупилъ онъ —
 „и мгновенно воспрянулъ я, исполненный
 „силы и легкости; не чувспвоваль уже бо-
 „лѣзни ранъ моихъ, и, казалось, обновлен-
 „ная крѣпоспъ прошекла по всѣмъ моимъ
 „членамъ.

„Въ изумленіи обращаю взоры на при-
 „шедшихъ, и удивленная душа моя не до-
 „вѣряешь чувствамъ. — Маловѣрный чело-
 „вѣкъ! вѣщаетъ мнѣ спарецъ: гдѣ заблуж-
 „даютъ мысли твои? Не привидѣніе пы-
 „ зришь предъ собою, но служителей ИИ-
 „СУСА ХРИСТА; для послѣдованія за
 „Нимъ бѣжали мы опъ обманчиваго міра и
 „суешныхъ его прелеспей; здѣсь, далече
 „опъ любимцевъ его, обихаемъ мы въ ди-
 „кой пущынѣ.

„Богъ, мановеніе Коего править все-
 „ленною, и Который для произведенія ве-
 „личайшихъ чудесъ не презираетъ слабѣй-
 „шихъ орудій, Богъ избралъ меня къ со-
 „храненію дней твоихъ. Неблагоугодно Ему,
 „да ошанетъя лишеннымъ священныхъ
 „почеспей шѣло, въ коемъ обихала душа
 „прекраснѣйшая, и коему суждено въ без-
 „смертіи и славѣ нѣкогда соединишься съ
 „нею.

„Прахъ Свенона будетъ покоишься въ
 „гробницѣ, достойной его мужества; пле-
 „мена грядущія пришекутъ къ ней для при-
 „несенія молитвъ и обѣщаній ихъ. Возведи
 „къ небу очи твои, зри сію звѣзду, какъ
 „солнце блистающую; лучи ея препрово-
 „дятъ тебя къ мѣсту, гдѣ лежишь шѣло
 „Князя Дашскаго.

„Мгновенно опъ сей свѣтозарной звѣз-
 „ды, или паче опъ солнца сего, низходитъ
 „лучь, и подобно злапой чертъ продол-
 „жаясь, касается плѣлу Героя, Опъ обли-

„спанія споль яркаго свѣта; сама бл-
 „спаешь каждая рана его, и въ сихъ раз-
 „перзанныхъ, окровавленныхъ и лишен-
 „ныхъ вида оспашкахъ я познаю моего Вла-
 „дыку.

„Лице лежащаго не къ землѣ обращено
 „было, но къ небу, куда спремились всѣ
 „его желанія; согбенная десница еще сжи-
 „мала мечъ его, и какъ бы гошова была по-
 „ражаешь еще. Лѣвая рука, на персяхъ воз-
 „ложенная, казалась умоляющею небесную
 „Благоспѣ.

„Между шѣмъ, какъ орошаль я обиль-
 „ными слезами раны его и изливаль скорбь
 „мою, ничѣмъ не облегчаемую, спарець
 „разверзь перспы десной руки его и изъ-
 „яль мечъ, держимый ею. — Осприе сіе,
 „вѣщаль онъ мнѣ, пролившее нынѣ споль-
 „ко крови и еще въ ней дымящееся, еспѣ,
 „какъ извѣспно шепѣ, совершеннѣйшее про-
 „изведеніе въ родѣ своемъ: никакой мечъ въ
 „цѣломъ мѣрѣ превосходнѣе сего бышь не
 „можешь.

„Не хочешь Небо, чшобъ онъ оспался
 „безполезнымъ; должно, чшобъ изъ руки
 „героя прешель онъ въ споль же мужесп-
 „венную и болѣ щаспливую, копорая дѣй-
 „спвовала бы имъ съ шакую же силою и
 „легкостію, но долѣ сохранила бы его, и
 „упошребила на опшщеніе за перваго его
 „обладателя.

„Солиманъ умершвилъ Свенона; мечу
 „Свенонову суждено поразить Солимана.

„Возми его, спѣши къ спѣнамъ Иерусалима
 „въ станъ Христіанскій; не спрашись но-
 „выхъ препяшпвій, могущихъ удержашъ
 „тебя въ спранахъ, коими проходишь бу-
 „дешь. Рука, тебя ведущая, сопрешъ
 „предъ тобою всѣ препоны, кои бы могли
 „заградишь пущъ швой.

„Угодно Небу, да гласъ швой, съ жиз-
 „нію по волѣ Его сохраненный тебѣ, воз-
 „вѣстипть о благочесніи, мужеспвѣ и оп-
 „важноши великодушнаго швоего повели-
 „теля; угодно Небу, да примѣръ его при-
 „обрѣшешъ Вѣрѣ новыхъ поборниковъ и да
 „по испеченіи многихъ вѣковъ воспламе-
 „няешъ героевъ времянь грядущихъ.

„Осшаешя мнѣ сказашь тебѣ о наслѣд-
 „никѣ меча его: то будешъ Ренальдъ, сей
 „Рыцарь, коему всѣ успупаюшъ пальму во-
 „инспвенной доблести. Ему ты вручишь
 „мечъ; речешъ ему, что Небо и вселенная
 „опъ одного только его ожидаюшъ опмще-
 „нія, о кошоромъ вопіешъ пѣвѣ Свенорова. —
 „Еще я внималъ вѣщаніямъ спарца, и но-
 „вое чудо привлекаешъ взоры мои.

„На мѣспѣ, гдѣ лежалъ убіенный, вне-
 „запно возвысилась великолѣпная гробница,
 „и объявъ шѣло Свенорова, заключилась
 „надъ нимъ. Невидимая рука изображаешъ
 „на ней его имя, его подвиги и его добро-
 „дѣшели. Внимашельно разсмапривалъ я
 „зданіе и надпись; взоры мои неопдѣльно
 „къ нимъ прилѣплялись. —

„Въ семь гробъ, продолжалъ старецъ,
 „пѣло владыки своего опочіепъ близъ пра-
 „ха вѣрной дружины его, между пѣмъ какъ
 „души ихъ, блаженствую въ нѣдрахъ Боже-
 „ства, наслаждаешься будущъ вѣчною лю-
 „бовію. Слезы свои принесли дань, дол-
 „жную ихъ праху, и время уже шебъ хопя
 „нѣсколько успокоиться. Предлагаю шебъ
 „жилище мое, доколѣ заря не возбудишь
 „шебя къ опшествію.

„Умолкъ — и ведепъ меня по по хол-
 „мамъ, по по углубленнымъ долинамъ; съ
 „шрудомъ влачился я по спопамъ его, и на-
 „послѣдокъ приближались мы ко входу пе-
 „щеры, изсѣченной въ камени. Тамъ, въ
 „невозмуцаемомъ спокойствіи, обипаль онъ
 „съ ученикомъ своимъ, посреди лѣсныхъ чу-
 „довищъ, и не имѣлъ нужды ни въ доспѣ-
 „хахъ, ни въ шлемѣ для защишы своей.

„Предлагаепъ мнѣ сельскую прапезу.
 „Суровое ложе приемлешъ упружденные чле-
 „ны и обновляешъ силы мои; но съ первымъ
 „разсвѣпомъ зари воспали пуспынножище-
 „ли, и всѣ прое купно принесли мы Выш-
 „нему жершву хвалы и возслали молишвы
 „свои. Я просшился со спарцемъ и шесп-
 „воваль по пупи, мнѣ имъ указанному.“

Симъ окончилъ пришедшій повѣспъ свою,
 и Годофредъ ему опвѣспвоваль: „Велико-
 „душный воинъ! ты принесъ намъ жестпо-
 „кое и прискорбное извѣспіе: оно, возму-
 „щая сердце, извлекаепъ слезы изъ очей
 „нашихъ. — И такъ единый часъ похипилъ

„столько храбрых вишазей и вѣрныхъ дру-
 „зей! незримый уголь земли сокрыль брэн-
 „ные оснашки ихъ! Подобень молніи, Князь
 „швой блеснулъ только для того, чшобы
 „мгновенно исчезнуть!

„Но о чемъ я сѣкую? Смерть принесла
 „имъ блаженство: могутъ ли замѣнить со-
 „кровища и побѣды столь прекрасный ко-
 „нецъ жизни? Видѣла ли когда древняя
 „Капитолія столько благородные лавры?
 „Возсѣвшие въ превыспреннихъ, въ черпо-
 „гахъ вѣчной славы, они приобрѣли въ на-
 „граду ихъ подвига вѣнецъ безсмертія. Тамъ
 „открываютъ они раны свои, и поржеспи-
 „вуютъ своимъ паденіемъ.

„Но ты, пережившій ихъ, ты, коему
 „на семь позорищъ вѣчной брани суждено
 „еще испытаніе безпокойства и опасности!
 „наслаждайся ихъ поржеспвомъ, и да про-
 „яснится чело швое, омраченное грустію!
 „Ты вопрошаешь о сынѣ Бершольдовѣ; онъ
 „спранствуетъ далече отъ насъ, и я совѣ-
 „тую тебѣ ожидать, доколѣ будемъ имѣть
 „объ немъ вѣрнѣйшія извѣстія, прежде не-
 „жели предпримешь искашь его.“

Разговоръ ихъ пробудилъ во всѣхъ нѣж-
 ное чувство къ Ренальду. „Ахъ!“ вѣщаютъ
 одинъ другому, „юный герой скитается
 „между невѣрными!“ Каждый наперерывъ съ
 воспоргомъ повѣспвуетъ Дапчанину о чемъ-
 либо изъ великихъ дѣлъ Рыцаря; разспила-
 ютъ одинъ за другимъ предъ удивленнымъ

взоромъ его чудесное сопканіе жизни, плодovитой опшличными дѣянiями.

Такъ, воспоминая объ немъ, размягчались сердцаmi. И се являеся дружина воиновъ, кои, для снисканiя добычи бывъ въ поляхъ, сопредѣльныхъ спану, возвращались съ спадми, опогнанными у непрiятели, съ хлѣбомъ и немалымъ количествомъ сѣна, для продовольствiя гладныхъ коней.

Они принесли съ собою ошупительные по наружности признаки несчастнаго событiя: по были шлемъ и доспѣхи Ренальдовы, поврежденные и обогранные кровiю. Мгновенно молва въ тысячи различныхъ разглашенiй, всѣхъ равно сомнительныхъ, промчалась по спану; шепчущъ, спѣсняющъ въспревоженные шолпы, и при споль печальномъ извѣстiи о Рыцарѣ желаюшъ сами видѣть обрѣшенное вооруженіе.

Разсмаприваютъ его, и несомнѣнно познаютъ крѣпкую броню, блестящiй шлемъ и величественную плицу, испытывающую въ полетѣ къ солнцу ппенцовъ своихъ, но въ силѣ крыль ихъ еще неувѣренную. Прежде видѣли они по же самое вооруженіе на пуши чеспи и славы; нынѣ, сокрушенное и окровавленное, влачiтся во прахѣ, и видѣ его возбуждаеъ въ сердцахъ зрипелей чувствования гнѣва и соспрананiя.

Между тѣмъ, какъ происходишъ тихiй шопощъ, и каждый опноситъ смерпъ героя къ разнымъ причинамъ, Годофредъ призываеъ Алипранда, начальника воиновъ,

бывшихъ въ опрядѣ для снисканія добычи. Алипрандъ имѣлъ мужество Рыцаря и опкровенность проспаго война. „Скажи мнѣ“ рекъ ему Полководецъ: „гдѣ ты взялъ сіе вооруженіе? Щастіе ли по, или злоключеніе, ничего не скрывай предо мною.“ —

„Въ двудневномъ опъ спана разспоянн“ опвѣспвуешъ сей, „къ предѣламъ Газы, еспъ излучистая долина, со вѣхъ спранъ опоясанная возвыщенностями, съ коихъ низвергаешся испочникъ, извивающійся между зеленымъ дерномъ и осѣняемый густыми вѣспвями деревь. Ни въ какомъ другомъ мѣспѣ не было сполько удобностей для сокрытія засады.

„Мы искали спадъ, тамо пасущихся. Вдругъ усмаприваемъ на правѣ кровавые слѣды и недалече опшуда на брегѣ испочника прупъ война. Видъ познаннаго нами вооруженія, не спопря на кровь и пылъ, его покрывающую, насъ поразиль. Я приближился къ спѣлу, хопѣлъ спочнѣ узнать черны лица; но оно было обезглавлено.

„Недоспавало спакже правой руки, и шуловище пронзено было съ пылу многими ранами; нѣсколько далѣ лежалъ шлемъ, украшенный орломъ съ бѣлыми распросперными крылами. Между спѣмъ, какъ искалъ я взорами, кого бы могъ спросить о спомъ, являешся нѣкпо изъ споселянь, уединенно спходящій позади насъ робкими спопами; но бивъ примѣченъ, спспѣшно опспунаешъ и спдаешся бѣспспу.

„Его догнали, удержали и вопрошаютъ;
 „опвѣстивуешь, что въ минувшій вечеръ
 „онъ видѣлъ появившуюся изъ лѣсу шолпу
 „воиновъ, коихъ приближеніемъ бывъ устра-
 „шенъ, онъ сокрылся; что одинъ изъ нихъ
 „держалъ рукою окровавленную главу за
 „власы свѣтлорусые, и по видимому была
 „по глава безбрадаго юноши.

„Что сей самый воинъ, скрывъ ее во
 „влагалище, привѣсилъ на сѣдлѣ коня сво-
 „его; повѣстующій присокупилъ къ по-
 „му, что по одеждѣ сихъ воиновъ онъ при-
 „зналъ ихъ за Христіанъ. — Я повелѣлъ
 „снять съ шѣла вооруженіе, оросилъ без-
 „дыханное моими слезами, и пошомъ оспа-
 „вивъ для совершенія надъ нимъ послѣдня-
 „го долга, взялъ съ собою шлемъ и доспѣхи.

„Но когда шѣло, нами видѣнное, въ
 „самомъ дѣлѣ естъ шѣло юнаго Рыцаря,
 „оно достойно инаго гроба и иныхъ по-
 „честей.“ По сихъ словахъ Алипрандъ, какъ
 незнающій ничего дѣшевѣрнѣйшаго, былъ
 опущенъ. Прискорбный Годофредъ, по-
 грузясь въ размышленія, тайно воздыхалъ;
 но сердце его продолжало отвергать па-
 губную мысль. Онъ хочеть по извѣстнѣй-
 шимъ признакамъ увѣриться, чей былъ
 найденный шруцъ и кто совершилъ
 убійства.

Наспала ночь и распросперла темныя
 крыла свои по пространному небу; сонъ
 пришелъ успокоить духъ пріятными меч-
 тами и излишь въ сердца забвеніе шрудовъ

и горестей. Одного лишь тебя, Аржилланъ, пронзаетъ стрѣла лютой скорби; одна швоя грудь обуреваея порожденіями мрачныхъ мыслей швоихъ: не смыкаюся вѣжды швои и душа опвергаешъ спокойствіе.

Въ обхожденіи дерзоспный, въ пылкости необузданный и во нравахъ спровопный, Аржилланъ получилъ жизнь на брегахъ Тронны; возраспалъ среди междоусобныхъ браней, шпшался ненавистію и мщеніемъ; скоро попомъ, изгнанный изъ опечесшва, наводнилъ кровію долины и холмы, опуспошилъ мѣспа, зрѣвшія его рожденіе. Наконецъ брань Креспоносцевъ увлекла его въ Азію, гдѣ удачно совершенныя предпріятія ознаменовали мужеспво жестокаго Рыцаря.

Не прежде, какъ при разсвѣпаніи ушра; сомкнулись очи его: не сонъ разсыпалъ маковые цвѣшны на забывшагося, но раздоръ упоилъ его ядомъ своимъ. Потруженный въ оцѣпенѣніе, ужаснѣйшее самой смерти, онъ смущается призраками, и даже спящій не можетъ успокоинься; люпая фурія предшпала предъ него въ грозномъ видѣ и воздвигла бурю въ душѣ его.

Пріемлешъ попомъ образованіе обезглавленнаго Рыцаря, коего правая рука опсѣчена была опъ соспава ея, а лѣвая поддерживала окровавленную, безжизненную и блѣдную главу. Лице, пронцаемое смертію, двыжешъ мускулами и произношпшь задох-

лые звуки; прерывающіяся слова изшоргаются съ кровію и вздохами: „Бѣги, Аржил-лань! — бѣги мѣспь, оскверненныхъ пресупленіемъ! бѣги спана, грозящаго пагубою, и Вождя нечеспиваго!

„О друзья мои! кто защититъ васъ отъ жестокаго Годофреда и отъ предательства, коего я содѣлался жертвою? „Варваръ, пожираемый завистию, алчущій злодѣйствъ, мыслитъ только о способахъ и васъ въ слѣдъ за мною низвергнувъ въ бездну гибели. Но если ты не равнодушенъ къ славѣ, если увѣренъ въ крѣпости руки твоей, не помышляй о бѣгствѣ; нѣтъ! кровь пирана да будетъ принесена въ жертву тѣни моей: ею да воздастъ онъ за смерть мою.

„Тѣнь моя будетъ сопровождать стопы твои; она воспалитъ гнѣвъ твой и вооружитъ тебя остріемъ на изшорженіе жизни его; я укрѣплю сердце и руку твою.“ Такъ вѣщало привидѣніе и наполнило грудь его новою яростию. Оплешилъ онъ отъ Рыцаря; въ объявленіи его изшупленіи онъ вращаетъ очи, чреватые ядомъ и неисповсвомъ; вооружается, и порываемый адскою злобою, созываетъ воиновъ Ишаліи.

Собираетъ ихъ въ самомъ помѣстѣ, гдѣ привѣшены были доспѣхи великодушнаго Ренальда. Тамъ пресупныя уста его ошпрыгнули буйную возмущительность, подъ покровомъ справедливаго негодованія, въ

снхъ изреченіяхъ: „И пакъ народъ варварскій
 „и властолобивый, закляшійся врагъ спра-
 „ведливости, невѣрный своимъ обѣщаніямъ,
 „немогущій насыпишься ни златомъ, ни кро-
 „вю, опягопишь на насъ желѣзный скиппиръ
 „и подклонишь главы наши подъ иго свое?

„Оскорбленія, нами претерпѣнныя, же-
 „спокоси, какія въ печеніе седми лѣтъ
 „испытали мы подъ тяжестію владычест-
 „ва ихъ, доснапочныбъ были чрезъ десять
 „вѣковъ въ нѣдрахъ Рима и Испаліи раздушь
 „пламень гнѣва и мщенія. Не буду напо-
 „минашь вамъ о Киликіи, покоренной ору-
 „жіемъ и храбростію Танкреда, но попомъ
 „присвоенной Франками и содѣлавшейся въ
 „рукахъ ихъ цѣною измѣны.

„Умолчу и о томъ, что когда нужда и
 „случай требують смѣлой руки, швердо-
 „сти и мужества, всегда кшо-либо изъ
 „насъ шествуешь первый, сквозь пысащу
 „смершей, съ мечемъ и пламенемъ; но ког-
 „да среди мира и спокойствія должно раз-
 „дѣлшь пальмы и добычу, насъ не позна-
 „юшь уже; одни только Франки веѣмъ поль-
 „зуются: славою, побѣдами, сокровищами
 „и профеями.

„Было время, когда подобныя обиды
 „могли уязвишь сердца наши и благород-
 „ную гордосшь; но я оспавляю ихъ: въ сра-
 „вненіи съ неслыханною люпостію, съ ужас-
 „нымъ преступленіемъ, нынѣ совершившимъ-
 „ся, должно почесшь ихъ только легкими доса-
 „дами. Безчеловѣчныя умершвили Ренальда,

„попрали законъ Божеспвенный и законъ
 „природы. И Небо еще не мещетъ перуновъ
 „своихъ! земля не разверзлась еще для по-
 „глощенія злодѣевъ!

„Они умершвили Ренальда, крѣпкій
 „оплоць, защитника Вѣры, — и Герой
 „не опмщенъ, не опмщенъ еще! Чшо я
 „рскъ. Обогренное кровію, разперзанное
 „шѣло его просперпо еще во прахъ, ли-
 „шенное погребенія! Вы вопрошаете о
 „варварѣ, вопрошаете о совершилелѣ убій-
 „ства? О друзья мои! кто не узнаетъ
 „его? кому изъ насъ неизвѣсны Годофредъ
 „и Бадуинъ, завидующіе нашимъ добле-
 „сшямъ? —

„Но почшо искашь доводовъ? — Небомъ
 „свидѣтельствуюсь, Небомъ, Копорое внем-
 „летъ словамъ моимъ и казнитъ вѣролом-
 „ство! Въ сіе самое упру, при восхожде-
 „ніи зари, я видѣлъ блуждающую шѣнь зло-
 „получнаго Рыцаря. Какое люное, спраш-
 „ное зрѣлище! и какія въ будущемъ време-
 „ни злодѣйства нынѣ исполненное предвѣ-
 „щаетъ намъ! Такъ, я видѣлъ его, и не
 „сонъ по былъ: онъ еще предспоитъ моимъ
 „взорамъ; всюду обрѣшаю его.

„Чшо начашъ? Должно ли, чшобъ ру-
 „ка, еще искапающая кровь, неправедно
 „пролишую, управляла и предводила насъ?
 „Бѣжашъ ли далече опъ власполюбца на
 „брега, Ефрапомъ орошаемые? шуда, гдѣ
 „на плодоносныхъ поляхъ сполько градовъ
 „и селеній напоешъ и угоджаетъ онъ для

„парода женоподобнаго? — Почпожь и не для
 „нась? Они будупь нами приобрѣнены, и
 „побѣду ихъ не раздѣлимь мы съ попомка-
 „ми Галловъ.

„Поспѣшимь! и если шакъ должно, пусть
 „останепся безъ опмщенія знаменипая и
 „невинная кровь! Но еслибъ мужество,
 „нынѣ унывающее въ хладномъ бездѣйствіи,
 „одушевилось пламенемъ, ему свойствен-
 „нымъ, скоро сей ненависпный змій, по-
 „жравшій цвѣпъ и украшеніе Ипаліи, по-
 „гибуль бы подъ нашими ударами, и смерпъ
 „его послужила бы грознымъ примѣромъ по-
 „добнымъ чудовищамъ.

„Я желалъ бы . . . шакъ — если вели-
 „кій духъ вашъ восхопщепь должнаго, если
 „вы опважишесь на возможное — желалъ
 „бы сею рукою погрузипь казнь въ нече-
 „стпвое сердце, гдѣ обипаепь измѣна.“
 Такъ вѣщаль въ неисповспвѣ гнѣва Аржил-
 лань, и яростъ его распроспранилась въ
 душахъ воиновъ. Изспупленный вопіепъ:
къ оружію! къ оружію! Бодрая юность
поепоряепь за нимъ: къ оружію! къ оружію!

Раздоръ посреди ихъ сверкаепь желѣ-
 зомъ, вооружающимъ убійспвенную руку, и
 проливаепь въ сердце ядопворный пламень
 свой. Раздраженіе, бѣшенспво, преспуп-
 ная жадностъ крови, возгорѣлись и пыла-
 юпть сильнѣе съ каждою минушою; зараза
 распроспраняепь и изъ опдѣленія спа-
 на, зземлемаго Ипалійцами, достигаепь
 къ Гельвепіанамъ и до шапровъ Бриптаніи.

Не одно только гибельное происшествіе, не одна упраса любимаго Рыцаря пипаюпть возмущеніе; прежнія неудовольствія присоединились къ нимъ, и усыпленная досада пробуждается: порицаюпть Франковъ безбожными и власполюбцами, ненависть дышетъ въ угрозахъ и не знаетъ предѣловъ.

Такъ на сильномъ пламени препенущая вода закипаетъ, и потомъ клубяся, съ шумомъ изъ сосуда изшоргаенся. Малое число разсудительныхъ, коихъ озаряетъ испина, безсильны удержашъ слѣпошествоующее и буйное скопище. Танкредъ, Камилль, Вильгельмъ и прочіе, со власнію и уваженіемъ Рыцари, всѣ удалились изъ спана.

Разноплеменные въ смѣшеніи и безпорядкѣ шпремяпся къ оружію, воздухъ спонепть опть мяшежныхъ воплей и звука военной трубы; между шѣмъ многіе спшекаюпся къ Годофреду, и опшвсюду шзываютъ къ нему, да скорѣе вооружипся онъ. Бадуинъ первый предспалъ и занялъ мѣспо, къ нему ближайшее.

Герой, шнимая обвиненію, возвелъ къ небу очи свои, въ немъ шолько находя прибѣжище и помощь. „О Боже мой!“ воскликнулъ онъ въ гореспи: „Тебѣ извѣспно, какъ ужасно для меня пролить кровь брашьевь моихъ. Разжени, о Всесильный! облако, взоры ихъ омрачившее; удержи яроспъ, ихъ объемлющую, и да познаетъ, ослѣпленный міръ невинностп мою, предъ Тобою открышную!“

Рекъ — и чувствуюеть новый пламень, прошекающій въ жилахъ его; надежда проникла въ сердце, и мужество заблнспало на челъ его. Окруженный своими, приближаешся къ воинамъ, мечпающимъ опмцаеть за смереть Ренальда; слышиеть звукъ оружія; смущенные вопли и угрозы пошрясають воздухъ; но ничшо не можеть удержашъ его.

Облеченный броней и поржеспивенными одеждами, шесливуетъ онъ съ безоружною рукою, съ откровеннымъ лицемъ, исполненнымъ небеснаго величеспва. Пошрясаеть злашымъ жезломъ своимъ, и не хочеть инаго оружія къ укрощенію мяшежныхъ движеній. Являешся предъ возмущенными; вбщаетъ имъ, и гласъ его въ силъ и выразишельности превышаетъ гласъ человка смершнаго.

„Что означають угрозы сіи, шщепная молва, коснувшаяся до слуха моего? Какой испочникъ ихъ, и шакъ ли воздають мнбъ должное почтеніе? послбъ поликихъ опытовъ еще ли не познають меня? Пошдорввають Годофреда, обвиняють въ вбшроломствб, и — рукоплесканія ободряють его обвинителя! Можеть быеть, уповали вы, что я преклонюсь предъ вами, буду себя оправдывать, унижусь даже до умошленія?

„Нбшп! гремящая именовъ моимъ вселенная не укоритъ меня въ столь постыдной слабости. Не ищущи другихъ защитниковъ,

„кромѣ верховной власти моей, воспомина-
 „нія моихъ подвиговъ и истины. Но право-
 „судіе дастъ мѣсто милосердію; не всѣхъ
 „виновныхъ поразитъ наказаніе, и уважая
 „прежнія заслуги ваши, уважая Ренальда,
 „прощаю вамъ.

„Одинъ Аржилланъ да обмочитъ въ кро-
 „ви своей общее преспуленіе, Аржилланъ,
 „виновникъ мяшежності, по слабымъ со-
 „мнѣніямъ увлекшій васъ въ заблужденіе!“
 Онъ вѣщаль — и взоры его, исполненные
 грознаго величія, блиспали какъ молнія.
 Изумленный, сраженный въ духъ Аржил-
 ланъ пренецетъ — кто бы помыслилъ? —
 опъ одного гнѣвнаго взора.

Наглая и дерзостная толпа, за мину-
 ту предъ пѣмъ кипѣвшая неукротимую
 злобою, и коей рука, въ порывахъ ярости,
 вооружалась мечемъ и пламенемъ — уже
 безмолвно повинуется. Съ поникшею гла-
 вою, съ поспыжденнымъ челомъ и устра-
 шеннымъ сердцемъ внемлетъ повелитель-
 нымъ изреченіямъ Героя; безъ малѣйшаго
 сопротивленія допускаетъ взять и оковать
 цѣпями Аржиллана, посреди оружія, со
 всѣхъ странъ его окружающаго.

Такъ гордый и свирѣпый левъ ры-
 каетъ, потрясая ужасною гривой; но коль
 скоро видитъ руку, смирившую дикую
 младость его, преклоняетъ подъ тяжестъ
 цѣпи надменную главу, пренецетъ опъ
 угрозы, ни и космашая выя, ни великіе
 зубы, ни оспрые когти, съ поликою си-

лою проспираемые, не возбуждають въ немъ прежней ошеажности.

Повѣспвуютъ, что крылатый Воинъ съ спрашинымъ и грознымъ видомъ покрывалъ тогда благочестнаго Военачальника небеснымъ щипомъ; что въ десницѣ его блискала мечъ, еще дымящійся кровію. Безъ сомнѣнія, по была кровь Царствъ и народовъ, коихъ злодѣянія воспламенили долгоперпящее правосудіе Вѣчнаго.

Такъ упихло возмущеніе, повержено оружіе и погасла ненависть. Годофредъ возвратился въ наметъ свой, размышляя о великомъ предпріятіи, порожденномъ въ душѣ его. Прежде нежели солнце прешично погрузитъ въ океанъ лучезарный кругъ свой, онъ мыслитъ учредитъ приступъ; обзрѣваетъ строеніе исполинскихъ и шпжкихъ орудій, коимъ должно попрясти пвердыни и ввергнуть въ Содимъ смерть и опустошеніе.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Адское чудовище видѣло возвращеніе ненавистной ему пишины и повиновеніе обезоруженныхъ возмущенпелей, видѣло — и не имѣя силъ ни превозмочь судьбу, ни измѣнить незыблемый порядокъ вѣчныхъ законовъ — оплешаетъ въ ярости; спѣшишь въ иныхъ мѣстахъ разлишь новый ядь, новыя распространитъ заразы. Всю-

ду, гдѣ лепишь оно, опъ плетворныхъ взоровъ его блѣднѣеть солнце, вянееть злакъ и, изсыхая, умираеть.

Житсель теены знаеть, что пагубная хитросеть клеветовъ его изгнала изъ спана Христианъ знамениаго сына Бершольдова, что Танкредъ и опаснѣйшіе по храброспи своей Рыцари шакже удалились. „Чегожь я жду еще?“ помышляеть оно: „призовемъ Солимана съ мечемъ и пламенемъ; не шрудно ему одержать побѣду, „напавъ нечаянно на ослабѣвшее и раздѣленное несогласіями воинство.“

Такъ помыслило — и лепишь къ симъ кочующимъ ордамъ, коими Солиманъ началъ швовалъ. Солиманъ, ужаснѣйшій изъ смертныхъ, противу Небесъ возмупившихся, Солиманъ — коего древняя баснь включила бы въ число исполиновъ, сихъ чадъ земли, державшихъ нѣкогда вознеспись къ Олимпу — царшвовалъ надъ Опшоманами, и Никія была прешоломъ его владычества.

Области его, сопредѣльныя Греціи, проспирались опъ испочниковъ Сангары до береговъ Меандра: шаспливыя страны, населаемыя нѣкогда Мизійцами, Фригійцами, Лидіянами и народами Понта и Вифоніи; но побѣды Лашинцовъ испровергли прешоль его, и онъ самъ въ двухъ сраженіяхъ зрѣлъ послѣднее мерцаніе славы своей.

Вошце противоборшвовалъ онъ шаспшю; изгнанный изъ своихъ владѣній, принужденъ былъ во Египтѣ искашь убѣжища:

шамъ онъ принялъ былъ благосклонно Государемъ добродушнымъ и величественнымъ, копорый, вознамѣрясь ополчиться противу побѣдоносныхъ Христіанъ, благодарилъ случаю, приобщившему къ его предпріятіямъ героя, извѣстнаго по своей неуспрашимости.

Но прежде приведенія въ дѣйствіе намѣренія его, онъ желалъ, чпобъ Солиманъ, снабдивъ себя знапомъ изъ сокровищъ Египта, искалъ помощи наемныхъ Арабовъ. Такъ согласясь, между шѣмъ, какъ самъ онъ собиралъ народы Азии и Африки, Солиманъ шествуетъ къ варварамъ и безъ труда увлекаетъ съ собою толпы жадныхъ и продажныхъ грабителей.

Начальствуя ими, онъ опустошаетъ Палестину, пресѣкаетъ Христіанамъ сообщеніе съ моремъ. Преисполненный чувствомъ мщенія за преперіѣнныя пошери, хочетъ онъ сильными ударами ознаменованъ ярость свою; но предпологая къ шому различныя мѣры, духъ его оставался въ нерѣшимости.

Раздоръ предшааетъ ему въ видѣ блѣднаго и изможденнаго шарца; браздами лѣтъ изрыпо было чело привидѣнія; бришва обнажила брану его, но верхняя челюсть покрывалась густыми волосами; шюрбанъ свивался на главѣ; длинная одежда до пятъ низпускалась; мечъ на бедрѣ, лукъ въ рукахъ и колчанъ со стрѣлами звучалъ на его раменахъ.

„Мы скипаемся“ вѣщаешь „въ зной-
 „ныхъ поляхъ, въ песчаныхъ и бесплод-
 „ныхъ пуспыняхъ, гдѣ не можемъ ни при-
 „обрѣсти добычи, ни срывать лавровъ,
 „между тѣмъ какъ Годофредъ зыблетъ
 „спѣны Солима. Уже пвердыни его, упа-
 „дая, разверзаются, и если умедлимъ еще,
 „увидимъ пламя, поядающее его развалины.

„Сожженные хижины, нѣсколько похи-
 „щенныхъ воловъ — вопль знаменитые
 „профеи Солимана! Симъ образомъ возвра-
 „щаешь ты Царство свое, мспишь за ос-
 „корбленія и поперя! Собери мужество и
 „опважность твою. Поспѣшимъ во мракъ
 „нощи подавить угнѣщающаго насъ шира-
 „на въ окопахъ его. Вѣрь преспарѣлому
 „Араспу, коего приверженность испыталъ
 „ты и на престолѣ и въ изгнаніи.

„Врагъ не ожидаешь и не спрашиваешь
 „насъ; онъ презираешь Аравлянъ, неискус-
 „ныхъ ни въ успройствѣ, ни въ сраженіи.
 „Никогда не помыслишь, чпюбъ варвары,
 „пріобыкшіе къ хищенію и бѣгству, поку-
 „сились на чпо-либо важнѣйшее; но сіи
 „варвары, одушевляясь твоимъ мужест-
 „вомъ, пойдуть безъ страха проптиву спа-
 „на беззащитнаго и погруженнаго въ усып-
 „леніе.“ Съ сими словами изливъ въ него
 пламень ярости, привидѣніе исчезло въ воз-
 духѣ.

Сулпанъ подьмелъ руки къ небу. „О
 „спы,“ воскликнулъ онъ „чпо возжигаетъ въ
 „душѣ моей гнѣвъ и раздраженіе, духъ,

„представшій мнѣ въ образѣ человѣческомъ!
 „Я за тобою слѣдую, лечу, куда призыва-
 „ешь меня; такъ, лечу! успею поле ко-
 „спраи шѣль, и кровь потечетъ рѣками.
 „Поражай со мною, и — невидимое въ нѣд-
 „рахъ воздуха — правь рукою и мечемъ
 „моимъ!“

Умолкъ, и поспѣшаетъ собрать дикихъ своихъ воиновъ; согрѣваетъ косную кровь ихъ пламенемъ, его пожирающимъ; пробуждаетъ рвеніе во всемъ скопищѣ, алчущемъ уже за нимъ слѣдовать. Самъ Раздоръ прубитъ въ бранный рогъ, самъ подаетъ къ опшествою знакъ, самъ адекою рукою развиваетъ гибельное знамя. Лепяпъ — и быспрѣ молвы ускоряють варварскія орды.

Чудовище сопровождало ихъ; но скоро оплешѣвъ, пріемлетъ видъ и принадлеж-ности гонца; въ шѣ самыя минушы, когда ночь, прошивоборснвуя дню, кажешся, раздѣляетъ съ нимъ вселенную, входитъ въ Солимъ, пробѣгаетъ унылыя толпы, возвѣщаетъ Царю о шеспвіи Солимана, сказуетъ о его намѣреніяхъ, часѣ и знакѣ нападенія.

Мракъ, поспепенно стущаясь, уже облекалъ природу пемнобагровымъ покровомъ, опягченнымъ смерпоносными испареніями. вмѣсто хлада ноши шеплая и кровавая роса увлажила землю; чудовища, привидѣнія мелькали въ воздухѣ. Послышался шорхъ могильныхъ шѣней и скишающихся призраковъ; черная бездна изрыгла всѣхъ

своихъ жипелей и пролила на землю всѣ ужасы шаршара.

Прикрываясь сею глубокою пьюю, гордый Сулпанъ ближился къ шапрамъ Хриспіанскимъ; но когда ношъ совершила половину печенія своего, онъ оспановился недалече отъ шой часпи ихъ спана, гдѣ Франки вкушали спокойный сонъ. Тамъ онъ повелѣваетъ воинамъ своимъ подкрѣпить силы ихъ, и попомъ спѣшитъ наполнить сердца ихъ новымъ жаромъ къ стремительному нападенію.

„Вы видите предъ собою“ вѣщаль онъ, „спанъ, обогащенный множествомъ хищной, не столько страшный, сколько возвеличенный славою; подобенъ жадному морю, онъ пожралъ всѣ сокровища Азіи: Небо предаетъ его вашимъ пораженіямъ и предаетъ безъ опасности. Сіи оружія, сіи кони, покрытые златомъ и пурпуромъ, скорѣе будутъ вашею добычею, чѣмъ послужатъ защипою обладателямъ ихъ.

„Не то уже предъ вами воинство, которое побѣдило Персію, покорило Никію, Брань, столь продолжительная, столь обильная происшествіями, пожалала оспрымъ серпомъ своимъ наибольшую часть его; но еслибъ оно и сохранило прежнія силы, можешь ли пропивиться въ минушу сію, безоружное и погруженное въ сонную безчувственность? Одно мгновение повергнешъ его изъ объятій сна въ объятія смерти.

„За мною, за мною, храбрые воины! Я первый хочу по издыхающимъ шѣламъ ихъ проложитъ вамъ путь ко спану; мой мечъ для каждаго будетъ наставникомъ, какъ поражаешь должно. Я покажу вамъ, какъ насыщается яросшь и ищенье. Нынѣ падешь Царство Сына Маріина, нынѣ Азія будетъ свободна, и вы увѣчаешься безсмертною славою!“ Такъ варваръ поощрялъ ихъ, и попомъ, предшествова въ молчаніи, приближался ко спану.

Между шѣмъ при свѣтѣ, едва примѣпномъ, постепенно сквозь мраки проникаетъ начинающемъ, онъ видитъ спражу, измѣнившую надеждамъ его и охраняющую Годофреда отъ внезапностей. Узрѣвъ Солимана и множество, ему послѣдующее, спражи опешупили и воплями ихъ пробуждающъ передовые опряды, кои, вооружаясь, приготавливаются къ сраженію.

Варвары, удосповѣрясь, что уже познано приближеніе ихъ, прекращающъ молчаніе звукомъ бубновъ своихъ; ужасные клики потрясающъ воздухъ, шумъ оружія и ржаніе коней сливаются; спонуть холмы и доли; пропасти и вершины въ продолжительныхъ опголоскахъ опвѣспивуютъ имъ. Раздоръ возжигаетъ адскій пламенникъ и даетъ жителямъ Солима условный знакъ.

Султанъ стремительно нападаетъ на Христіанъ, еще не успроенныхъ. Съ меньшею быстротою несутся бури, вырвавшіяся изъ заклеповъ своихъ, водопадъ, что

увлекаешь древа и кущи паспырей, перунъ, разящій и пополяющій высокія зданія, вулканъ, наполняющій землю разрушеніемъ и ужасомъ, были бы слабыми подобіями его ярости.

Каждый ударъ его несетъ язвы и смерть; сто рукъ подъемятся, сто мечей достигаютъ его въ одно мгновеніе; звучитъ его шлемъ, сыплются искры; но онъ ничего не чувствуетъ, или, обладая чувствомъ боли, небрежетъ и презираетъ всякую рану.

Одинъ онъ разбилъ первый опрадь, и поноки Аравлянъ уснастились по слѣдамъ его. Христиане обращаются въ бѣгство; побѣдители и побѣжденные сполпились, смѣшались и вошли въ окопы совокупно; по всему стану прошекли стонъ, ужасъ и пагуба.

На шлемѣ Солимана видѣнь былъ спрашчый змій; глава его воздымалась, и ошибъ свивался кольцами; при жала выникали изъ зѣва его между волнами синеватой пѣны; мнѣшь слышатъ его шипѣніе, и въ жару битвы казалось, что онъ, возгараясь, извергаетъ дымъ и пламя.

Въ семь чудовищномъ украшеніи Солиманъ являлся еще ужаснѣе. Таковъ представляется грозный океанъ плавапелю въ бурную ночь, при облистпаніяхъ молніи. Видя его, одни въ шрепешъ, лишаясь чувства, убѣгаютъ; другіе смѣлою рукою емлются за оружіе. Ночь съ каждою мину-

пою сугубить смятеніе и множишь опас-
ности, сокрываемые во мракахъ ея.

Лашинусъ, рожденный въ Италіи на
брегахъ Тибра, изъ первыхъ спѣшилъ озна-
меновать свое мужество; безпрестанные
шруды не испощили силъ его, ни вѣкъ не
ослабилъ опважности. Пять сыновъ, едва
доспигшихъ юношескаго возраста, всегда
сражались по спрану его; тяжкая броня
угнѣшала нѣжные и лѣпами неукрѣплен-
ные члены ихъ.

Одушевленные примѣромъ родителя;
острили они мечи и гнѣвъ свой къ бивѣ.
„Идемъ,“ вѣщаль имъ опецъ „идемъ прошивъ
„нечестивца, гордящагося бѣгствомъ на-
„шихъ воиновъ! Да не удержишь смѣлости
„вашей кровавое зрѣлище несчастныхъ,
„закланыхъ опъ руки его. Дѣти мои! не
„забывайте, что лавры, безопасно срывае-
„мые, заслуживаютъ одно только презрѣніе.“

Такъ свирѣпая львица наславляетъ въ
кровожадности младыхъ скимновъ своихъ:
еще косматая грива не волнуется на выи
ихъ, еще возрастъ не раскрылъ силы, еще
не образовалъ даннаго имъ природою убій-
ственнаго оружія; но она уже научаетъ
ихъ искать добычи, презирая опасности,
перзаетъ паспыря, возмущающаго убѣжище
ихъ, и преслѣдовать робкихъ живописныхъ.

Поспѣшаль спарець за дерзновенною
дружиною; окружили, и нападающъ на Со-
лимана. Въ одно и то же время одно дви-
женіе управляетъ шестью копьями. Спа-

рѣйшій изъ сыновъ, имѣя болѣе отважно-
сти, скоро оставяетъ копіе свое, сбли-
жается съ Солиманомъ и мечемъ своимъ по-
кушается убить коня его.

Подобно какъ при брегѣ моря каменный
упесъ, поражаемый бурями, утверждаясь
въ собственной пятости, пропивоспоитъ
совокупнымъ напряженіямъ неба и пучины:
такъ неподвижный Сулманъ пренебрегаетъ
и оружіе и усилія ихъ — однимъ ударомъ
разсѣкаетъ главу дерзновеннаго.

Чувствительный Араманиъ прости-
раетъ руку свою къ издыхающему брату;
щепная и гибельная нѣжность, ускорив-
шая смерть его! Врагъ поразилъ прости-
шую руку и повергъ одного на другаго; оба
пали, смѣшали кровь ихъ и послѣдніе вздохи.

Сабинъ издали направлялъ копіе свое.
Солиманъ сокрушаетъ его, усремляется
на юнаго Рыцаря, низвергаетъ его и топ-
четъ конемъ своимъ. Душа его съ наси-
емъ рветъ пріятныя узы, ее державшія,
оставляетъ съ прискорбіемъ свѣтъ и жизнь,
обѣщавшую ей блаженные и спокойные дни.

Пикъ и Лавренцій еще жили: оба въ
единое время начали дышать воздухомъ,
оба имѣли одинаковый видъ, одинаковыя
черты, и ихъ сходство часно было для
ихъ родителей источникомъ сладкаго за-
блужденія; но Солиманъ полагаетъ между
ими жесткую разность: одному отсекаетъ
голову и пронзаетъ грудь другому.

Опець — и ахъ! какъ скоро онъ уже не могъ назваться опцомъ! — зрѣлъ въ смерти пяши сыновъ его свою собственную и попомства, коимъ ласкала себя старость его. Жертва мучительныхъ спраданій! еще ли дышетъ онъ? еще ли въ силахъ сражаться? — Можешь быть, не видѣлъ онъ лица дѣшей своихъ, покрышаго пѣнию смерти; можешь быть, не видѣлъ рукъ ихъ, проспершихъ къ нему, послѣднихъ вздоховъ, къ нему посланныхъ.

Ночь подѣ благодарительною завѣсою сокрыла опъ него по крайности часъ его бѣдствія; но самую побѣду онъ почиаетъ ничтожною, если самъ не погибнетъ съ ними. Не жалѣя крови своей и алкая пролишь Солиманову, не извѣстно, умеривишь ли, умереть ли онъ желалъ болѣе.

„Варвары!“ вопіетъ онъ ко врагу своему: „или презираешь ты мой преклонный вѣкъ, и мою слабость? или всѣ мои напряженія не могутъ обратишь на меня пвоей ярости?“ Съ сими словами поражаетъ Султана страшнымъ ударомъ, проникшимъ доспѣхи и опверзшимъ въ боку широкую и глубокую рану; кровь его, клубясь, зашруилась.

При воплѣ, имъ произнесенномъ, при жестокомъ ударѣ, люшый врагъ устремляетъ во гнѣвѣ мечъ свой; пронзаетъ пвердый щипъ, изъ семи кожъ составленный; пронзаетъ броню его и погружаетъ смертоносное желѣзо во внутренности. За-

спональ несчастный Лапинусъ, испустилъ духъ, и его кровь излилась двумя испочниками попеременно: устами и раною.

Какъ на високахъ Анпенина суковатый дубъ, въ печеніе вѣковъ превозмогавшій вѣпры и бури, внезапно изпоргнушій силою вихря, увлекаешъ въ паденіи своемъ древа, къ нему близкія: шакъ несчастный Рыцарь, упадая, сѣпляется со врагами, его окружающими, и съ собою низвергаетъ ихъ. Випязь споль грозный могъ ли иначе погибнуть, какъ не сопровождаемый многими жерпвами?

Между шѣмъ, какъ Сулпанъ насыщаль убійствомъ гладную его ненависть, Арабы, поощряемые примѣромъ его, гнали и изшребляли Христіанъ. Брипанецъ Генрихъ, Олоферъ Баварскій погибли подъ ударами швоими, о ужасный Драгущъ! Аріадинъ поразиль и Гильберта и Филиппа, родившихся на берегахъ Рейна.

Однимъ ударомъ палицы Албазаръ убиваетъ Эрнеспа. Энгеррандъ палъ подъ сильною мышцею Алгазеля. И кто можетъ изчислить несмѣшное множество погибшихъ въ смятенной бившѣ? — Но Годофредъ, пробужденный первыми воплями, уже воспрянулъ опъ ложа своего; уже вооружился, уже собралъ многочисленныхъ воиновъ; уже спѣшно приближается, начальствуя ими.

Съ возрастающими каждую минушу ужасами шревоги, онъ заключиль, что Ара-

бы напали на спань его. Хотя извѣстно было ему, что они разоряли окрешности; но не могъ вѣрнѣе, чтобъ робкіе хищники покусились дѣйствоватьъ прошиву его на-супнапельно.

Въ продолженіе шестивія слышишь съ другой стороны восклицанія: *къ оружію! къ оружію!* Ужасные вопли наполняютъ воздухъ: шо была Клоринда, ведущая осажденныхъ къ новому нападенію, и Арганшъ ей соупшвоваль. Годофредъ обратился къ Гельфу, которой подъ нимъ началъ швоваль.

„Слышишь ли“ рекъ ему „сей шумъ, „брань возвѣщающій ошъ шпраны града? „Должно, чтобъ швое мужество и опыш- „ность удержали врага въ первомъ его „шпремленіи. Шествуй, ускорай и защиши „окопы шпана съчастію сихъ воиновъ, меж- „ду шѣмъ какъ я съ оспальными пойду про- „швивъ варваровъ, здѣсь нападающихъ.“

Сказаль — и оба текуть къ цѣли раз- ными путями, но съ равнымъ успѣхомъ. Гельфъ шѣшилъ къ осажденнымъ, и Го- дофредъ къ Аравлянамъ, кои, занявъ мѣ- сто бившы, шоржешвовали уже безъ со- шпривленія. По мѣрѣ, какъ приближался онъ, возрастпали силы его, и наконецъ, шпращенъ и могущественъ, достигаетъ шу- да, гдѣ Солиманъ окружилъ себя убійшвомъ и ручьями крови.

Такъ Эриданъ, кропкій въ началѣ сво- емъ, шихо шпекаетъ по наклонности горъ, шкрывающихъ источникъ его, и едва обмы-

ваепъ узкій и спѣсненнй логъ; но чѣмъ далѣе, шѣмъ болѣе гордясь, возраспаешъ и множишь воды свои; напослѣдокъ возносишь надменное чело, преходишь прибрежные оплошы, разливаешъ въ долинахъ побѣдоносныя волны, и прошивоборшвуя морю, кажешся, брань несешъ ему, а не дань покорную водѣ своихъ.

Годофредъ, видя Христіанъ въ страхѣ убѣгающихъ, пришекъ и грозно возопилъ: „Воины! чего прещете вы? куда убѣгаешъ? Хопя окиньте взорами, кшо васъ прещуеши! Вы спрашишесь шолпы презрѣиныхъ варваровъ, не знающихъ ни поражаши, ни быши пораженными прямо въ лице непріятелю. Возрашишесь! долѣшъ одинаго взора вашего, да оледенѣюшъ они ошъ ужаса.“

Такъ вѣщая, бодешъ спремянами коня своего и скачешъ среди пожара, Салиманомъ произведеннаго; лешшъ сквозь кровь и пылъ, дерзашъ на подъятое оружіе, на опаснoshi и смершъ. Его мечъ, его усилія опшверзаюшъ предъ нимъ швердѣишія преграды, распоргаюшъ гущѣишіе ряды; на шу и другую шпрану падаюшъ предъ нимъ воины и оружіе, всадники и кони ихъ.

Несешся по громадамъ убишыхъ и раненыхъ. Безспрашнй Сулшанъ не бѣжишъ угрожающей ему бишвы, самъ предупреждаешъ нападеніе и возносишъ свой грознй мечъ, да поразишъ Годофреда. Какихъ Ры-

царей, какихъ тероевъ жребій совокупилъ изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ міра, гошовыхъ сразисься и взаимно испыпашь силы свои!

Мужество вступаешь въ единоборство съ испуленною яростію, и въ пѣснѣмъ кругѣ заключилась судьба цѣлой Азіи! Какое око можешь слѣдовать за быстрымъ движеніемъ мечей ихъ? какой языкъ можешь изрещи ихъ дѣйствія? — Какая ужасная бишва! Я прехожу въ молчаніи пысящу подвиговъ, сокрывшихся въ шемношѣ ноци, и кои достпойны были имѣть свидѣшьями солнце и вселенную.

Подъ предводителствомъ Начальника ободренные Христіане двигнулись на враговъ своихъ; Султана шакже окружили во множествѣ его воины и составили спѣшенные ряды. Лапшцы, невѣрные, все орошали землю ихъ кровію; побѣждающіе, побѣжденные, умерщвляли и были умерщвляемы.

Какъ вѣпры юга и сѣвера, другъ другу прошивные, съ равными силами оспоришаютъ владычество надъ воздухомъ и океаномъ; шучи противъ шучь напшраютъ, волны опражающа волнами: шакъ въ семъ ужасномъ сраженіи ни та, ни другая спрана не опспушаешь, никто не обрацаешь шыла: щипъ прошивъ щипа, мечъ прошивъ меча, шлемъ прошивъ шлема, шѣсняпть себя взаимно, спалкшвающа и закалающа другъ друга.

Съ тѣмъ же свирѣпствомъ, съ пою же яростію кипитъ быхва со сыраны града; тучи жипелей бездны наполняютъ воздушное пространство и подкрѣпляютъ невѣрныхъ; нѣтъ ни единого, кто бы помыслилъ объ опустуленіи, и адскій огонь сугубитъ природную пылкость Арганпа.

Уже обратился онъ въ бѣгство преднюю спражу; однимъ скокомъ пренесся за окопы, наполнивъ рвы опсѣченными членами, и опверзь предъ собою кровавый и широкій пупъ. Опрядь его за нимъ слѣдуетъ и несетъ смерть въ ближайшіе шапры. Посыдно для Клоринды усупитъ ему первенство, и ея стремленіе равняется быспропъ его.

Христіане предавались уже бѣгству, когда Гельфъ успѣшилъ къ нимъ съ его войсками. Онъ созвалъ бѣгущихъ, привелъ ихъ въ порядокъ и проповоспалъ жаркому нападенію невѣрныхъ. Всюду сражаются, всюду кровь печетъ ручьями. — Но се съ высоты эмпирея Превѣчный низводитъ всеобъемлющіе взоры Его на сіе зрѣлище ужасовъ.

Свѣдѣній въ непроницаемомъ свяпилицѣ, всегда правосудный, но и всегда милосердый, изъ средопочія его даетъ Онъ законы вселенной; все производитъ и все украшаетъ въ подлунномъ мірѣ. Нѣтъ разума, нѣтъ истины, кои бы не въ Немъ имѣли исночникъ свой. На превознесенномъ и вѣчномъ пресполѣ единичный Свѣплъ бли-

спашеть въ происшвенномъ сіяніи; у ногъ Его простерты послушныя исполнили воли Его: судьба, природа, движеніе и время, имъ измѣряемое;

И пространство, и по слѣпое щасіе, что, не имѣя уха для нашихъ ропсавій, по несповѣдимому промыслу, разноситъ какъ дымъ или прахъ нашу тщетную славу, скиптры и сокровища. — Сіяніе, Его облакающее, неприступно и чистѣйшему оку; окрестъ престола Его парятъ мириады духомъ, въ равномъ блаженствѣ, различныхъ въ поспешностяхъ наслажденія имъ.

Небесное жилище звучитъ гремящими ликованіями свѣтоносныхъ существъ. Вседержитель призываетъ Михаила, пламениющаго въ блескѣ адамантоваго вооруженія. „Ты зришь“ вѣщаетъ ему „нечестивое скопище, восстающее противу народа Моего; зришь, какъ износитъ оно изъ смертной бездны смятеніе во вселенную.

„Спѣши, вѣщай имъ, да осшавятъ биввы воинамъ, да не изливаютъ неисповсво и ядъ свой на земли живыхъ; да возвращаются въ вѣчный мракъ, въ которомъ пребывашь осуждены пресупленіями; шамъ да насыщаютъ ярость свою мученіемъ самихъ себя и предавшихся имъ порочныхъ душъ. Такова естъ воля Моя! шакъ я повелѣваю!“

Изрекъ — и небесный Воевода въ благоговѣніи преклонился къ стопамъ Его.

Мгновенно распростирает онъ златныя крыла свои, и быспрѣ чѣмъ мысль пренесся за огненную сферу, за сіи блистающія селенія, гдѣ слава и блаженство утвердили жилище неподвижное. Сгѣшно пролетѣлаешь кристальное небо, и уже предсталъ предъ очами его кругъ звѣздъ, увлекаемыхъ прошивнымъ движеніемъ.

Видишь въ шуй спранѣ каплящихся Сатурна и Юпитера; видишь свѣтила, коихъ неравными движеніями управляетъ рука невидимая: и опъ тѣхъ щеспливыхъ равнинъ, кои украшаются вѣчнымъ днемъ, низходишь въ пространства, гдѣ буншуютъ громы и бури; гдѣ мѣръ, преданный всегдашней брани, безпреспанно умираетъ и безпреспанно возрождается изъ собственныхъ разрушеній.

Паришь — и движенія крыль его рассыпаешь стущенную тѣму и ужасы мрака; ноцъ позлащается опблескомъ лица его. Такъ солнце послѣ бури рисуешь облака живѣйшими цвѣтами; шакъ звѣзда, разсѣвая воздушную жидкость, въ машернее лоно земли упадаешь.

Наконецъ доспигъ онъ мѣсть, гдѣ геенская подна раздувала въ невѣрныхъ пламень ярости; оспановляетъ полетъ свой посреди воздуха, и пошрясая страшнымъ кошемъ своимъ, „нещасные!“ гласишь имъ — „вы, чпо въ безднѣ ничпожества, „казней и ужасной бѣдности еще сохра-

„няете гордость свою! вамъ бы надлежало
„уже познать перуны Бога мщителя.

„Верховная воля начершала въ книгѣ
„небесъ, да сѣсны Сіона преклонялися
„предъ грознымъ знаменемъ, да врапа его
„ошверзуща Хрисціанамъ. И вы еще про-
„шивоборсвуеши судьбамъ непреложнымъ,
„и вы еще возжигаете Небесный гнѣвъ?
„Родъ, запечашлѣнный проклятіемъ! воз-
„врапитесь въ заклы свои, въ жилища
„смерпи и мученія; въ нѣдрахъ мрачныхъ
„темницъ вашихъ продолжайте вѣчную
„брань и поржесивуйте победы свои!

„Насыщайте памь яроспѣ свою, испо-
„щайте свои неисповснѣ надъ осужден-
„ными; ихъ споны, вѣчный скрежешъ зу-
„бовъ, узы и цѣпи, да будутъ свойствен-
„ными вамъ наслажденіями!“ Такъ вѣщаль
онъ — и его пагубоносное копіе гонитъ и
поражаетъ нерадивѣйшихъ. Спеная, ос-
тавляющъ они обшель свѣша и позорище
звѣздное.

Ускоряють полетъ свой въ преиспод-
нюю, и сѣшати, перзая жертвы свои,
удовлетворитъ злобѣ, ихъ пожирающей. —
Таковы, и не споль еще многочисленны,
съ приближеніемъ мразомъ, являються спа-
ницы пищъ, прелешающія моря и ищу-
щія умѣреннѣйшаго небосклона; не споль
изобильно падають лиспья и покрываютъ
землю, когда хладная осень испощаетъ въ
сосудахъ ихъ пишашельные соки. — Нахму-
ренное, при видѣ адскаго полчища, небо

мгновенно возвращаетъ чиспону и ясность свою.

Арпанпа не поджигаетъ уже пламеникъ Раздора, не подспрекаютъ змии его; но ни пылкость, ни опважность не попухли въ сердцѣ невѣрнаго: кровавый мечъ его носился въ рядахъ, наиболѣе спѣсенныхъ; безъ различія пожинаятъ и неизвѣстныхъ и славныхъ воиновъ, спакже сбѣкаютъ главы ничпожныя, какъ и возносящіяся въ горделивости.

Недалече отъ него Клоринда окружала себя равнымъ кровопролитіемъ: она углубляетъ мечъ ея въ груди Беренжера, пронзаетъ сердце его, и окровавленное оспріе насквозь проходитъ между раменами. Поражаетъ въ горшань Албина и въ лице Галлуса.

Опсѣкаетъ десную руку Гарніэру, ее уязвившему; рука сія движется во прахъ и щещно ищетъ сосава, съ нею разлученнаго. Такъ разсѣченный змій поминся въ щещныхъ усиліяхъ къ его соединенію. Воинспвенница обрапилась къ Ахиллу, и его обезглавила.

Капится обогрениая кровію глава, между шѣмъ какъ шуловище, предметъ ужаса и жалости, держится еще на конѣ, уносящемъ его. Живошное, освобожденное отъ бразды, спѣснявшей пылкость его, скачешъ, кружится, и попомъ свергаетъ съ себя гореспную ношу свою.

Въ пожь самое время, когда неушомимая Клоринда громить и низвергаешь Христиань, другой Рыцарь проносилъ между Срацінами смерть и ужасы: по была Гильдиппа. Обѣ одинаго пола, являли одинаковую отважностъ, одинаковое мужество; но имъ не суждено было испытать взаимно силы свои, и жребій сохранилъ ихъ врагамъ, болѣе грознымъ.

Обѣ устремились, обѣ хопѣли вергнувшись одна на другую; но всѣ ихъ усилія не могли раздѣлить сгущенной толпы, ихъ разлучающей. На послѣдокъ храбрый Гельфъ двинулся на Клоринду и ударомъ меча вскользь ранилъ бедро ея; она равномерно къ нему обращается и поражаетъ въ доспѣхи.

Гельфъ повторяетъ; но Озмидъ, Палестинянинъ, случайно вержешся между имъ и Амазонкою, пріемлетъ ударъ, не ему назначенный, и издыхаетъ съ раздвоеннымъ челомъ. Между тѣмъ умножающіеся въ числѣ своемъ Христиане, шѣнясь, окружили Героя; невѣрные спешились вокругъ Клоринды; ропшущая, и битва сильнѣе возгорается.

Уже румяная заря смѣшала злато лучей своихъ съ лазурью небесною. Свирѣпый Аржилланъ, при наступленіи тревоги сокрушившій оковы свои, емлется за оружіе, безъ выбора случаемъ ему представленное, и ускоряетъ новыми подвигами загладить прежнее его заблужденіе.

Какъ конь, пипаемый для браней, рветъ узы, его привязующія, и несется, подобень вихрю, соединившись съ шабуномъ, или освѣживъ себя прозрачными водами, или бодрыми прыжками попираетъ луга цвѣтущіе; поприсааетъ волнующею по выѣт гривою, машетъ гордою главою, воздымающеюся на крѣпкихъ плечахъ, бьетъ копыпомъ въ землю, движетъ дымящимися ноздрями и звонкимъ ржаніемъ наполняетъ поля окрестныя.

Такъ несется Аржилланъ съ пламенѣющимъ взоромъ и беспрашнымъ лицомъ. Въ сильныхъ скакахъ его едва оспавляетъ онъ на песокъ слѣды своихъ; доспигаетъ къ мѣсту битвы и бросается въ среду враговъ. „Гнусное отрѣбленіе человѣчества!“ возопилъ онъ гордо и презрительно: „не, смысленные жипели пустынь! кто воз, жегъ въ васъ шолікую дерзоспъ?“

„Вамъ ли носиспъ тяжелый шлемъ; вамъ, ли держаспъ щипъ, когда неспособны вы, ни вооружиспъ грудь, ни защиписпъ хребетъ? Нагіе и робкіе хищники! ваши удары заблуждаютъ въ воздухъ, и спасеніе, ваше въ одномъ шолько бѣгспвѣ. Сокры, шное въ ничтожеспвѣ рыцарспво ваше из, вѣспво одной шолько ноци, коей мрачноспъ, вспомощеспшвуеспъ малодушію; но она уда, ляется — и гдѣ будеспъ ваше убѣжище? Дню, шпопрѣбны оружія, смѣлоспъ и мужеспво.“

Еще вѣщаль онъ — и уже поразилъ въ горшанъ Алгазеля. Невняшныя слова из-

чезли на устахъ его. Внезапный ужасъ сомкнулъ вѣжды, и хладъ смерти пропекъ по жиламъ его; паль — и въ скончавающейся ярости грызешь персть, приѣмлющую послѣдній вздохъ его.

Аржилланъ умерщвляетъ Саладина, Агрикальпа и Мулей-Ассема; однимъ ударомъ разсѣкаетъ надвое Алдіазила; погружаетъ мечъ во грудь Аріадина, и поверженнаго еще оскорбляетъ поношеніями. Невѣрный силился усремишь на него взоръ подъ опягченными рѣсницами, и уста, сжимаемая смертію, произносятъ послѣдній опвѣтъ:

„Кипобъ ты ни былъ, жестокій побѣдидишель, но ты не долго будешь порже-сшвовашь смерть мою! Тотъ же тебя ожидаешь жребій, и скоро сильнѣйшая рука просипреть тебя на семь же прахъ.“ — „Небо рѣшишь жребій мой,“ возразилъ Аржилланъ съ горькою улыбкою: „издыхай, и будь пищею псамъ и хищнымъ яспребамъ!“ Съ сими словами попираетъ его, и изшоргнувъ собственнй его мечъ, опъемлетъ оспѣпки жизни.

Во множесствѣ спирѣлковъ и копейщиковъ разсѣжалъ любимый пажъ Солимана; возрасшь не покрылъ еще мягкимъ пухомъ ланишь его, украшаемыхъ розами юноспи; пошь, обывающій лице его, блиспаль какъ перлы, какъ капли росы; пыль, прилипающая къ волнующимся власамъ его, казалось, сугубила нѣжностъ ихъ; самый гнѣвъ, коимъ

вооружалось цвѣшущее чело его, придавалъ ему новыя прелести.

Снѣгъ, падающій на высотахъ Аппенина, не превосходилъ въ бѣлизнѣ коня его; въ скокахъ и прыжкахъ своихъ онъ быспрѣе, чѣмъ молнія, легче, чѣмъ пламя. Юный воинъ вооруженъ былъ кинжаломъ; излучистая сабля висѣла на бедрѣ его. Какъ роскошный Азіаецъ, онъ имѣлъ на себѣ богатую одежду, сошканную изъ злапа и пурпура.

Жаждущій славы, коей первыя пріятности ласкали младую храбросць его, повсюду рыскалъ онъ, повсюду разносилъ смятеніе; но никто еще не обращалъ на него ударовъ своихъ. Аржилланъ, наблюдая за нимъ, вдругъ приближается; пронзаетъ коня его внезапнымъ пораженіемъ и емлетъ самаго юношу, когда воспѣвалъ онъ оцъ паденія.

Вопще несчастный Лесбинъ молишь о пощадѣ; немилосердою рукою жестокой спремилъ убійственное желѣзо въ лице его. Казалось, мечь содѣлался чувствительнымъ и, соспрадапельнѣе руки, имъ дѣйствующей, превращается плашмя; но варваръ повпоряетъ ударъ, и послушное безчеловѣчному остріе раздираетъ чершны, которыми гордилась природа.

Солиманъ, замѣнивъ опасность, угрожающую любимцу его, оставилъ бишну съ Годофредомъ, ринутся на конѣ своемъ; уперившись и опровергъ все, чшо заграждало

путь ему; но приспѣлъ поздно для помощи, по крайности не поздно для опмщенія. О! какъ горесивно ему видѣшь милого Лесбина поверженнымъ на земли, подобно сорванной лиліи!

Зришь его помные взоры, гошовые за-крышыся вѣчнымъ сномъ; его главу, на выю преклоненную, и блѣдность смерти, споль прогашельную въ прелесномъ юношѣ. Дрогнуло крѣпкое сердце выпязя, гнѣвъ погрузился въ чувствѣ жалости, и полились изъ очей горькія слезы. Ты плачешь, Солиманъ? плачешь? — шы, что швердымъ окомъ видѣлъ паденіе швоего престола и гибель швоихъ обласпей!

Но мечъ врага дымился еще кровію; для него сполько любезною; при семъ видѣ исчезла нѣжная чувствительность; воспылалъ гнѣвомъ Султанъ, успремился на Аржиллана и однимъ ударомъ разсѣкъ щипъ, шлемъ, главу и горшанъ его: споль сильно поражение! споль велика была ярость Солиманова!

Не удовольствуюсь симъ, соскакиваетъ съ коня, бросается на бездушный прупъ, колетъ и терзаетъ его, подобно псу, въ бѣшенствѣ грызущему камень, въ него верженный. Безсильное врачевство неизлѣчимой болѣзки! Аржилланъ сполько перспъ, лишенная чувства и жизни. — Годофредъ не терялъ время въ безплодныхъ напряженіяхъ.

Тысяща Опшомановъ сражались нераздельнымъ сонмомъ, защищаемые доспѣхами, шлемами и щитами; смѣлое мужество оживляло крѣпкія мышцы ихъ; пріобыкшіе къ опасностямъ, они были нѣкогда подпорою владычества Солиманова, и неизмѣнные въ вѣрности, послѣдовали за нимъ въ его бѣдствіяхъ и изгнаніи.

Ихъ спѣшенныя ряды непроницаемы были всѣмъ усиліямъ, всей храбрости Франковъ, и на нихъ-то обращающіеся Годофредъ: поражаетъ гордаго Коркуна въ лице, Ростина въ ребра; обезглавливаетъ Селна и опсѣкаетъ обѣ руки у Россена; иныя жертвы падаютъ во множествѣ подъ его ударами, издыхающія, или покрытыя ранами.

Разишь, и защищается. Щастіе держало еще въ равновѣсіи надежду и страхъ невѣрныхъ. Но внезапно ближисія густое облако пыли, несущее въ нѣдрахъ своихъ бранные перуны; мгновенно изпорглась изъ него неожиданная молнія и изумили Срациновъ.

Явились пятьдесятъ Рыцарей, и побѣдоносный Крестъ, въ сребряномъ полѣ изображенный, пурпуромъ блискала на хоругви ихъ. Нѣшь! — еслибъ имѣлъ я сто успѣ, сто языковъ, желѣзную грудь и сто жетвердый гласъ — никогда бы не изчислилъ множества, падшаго подъ оружіемъ страшнѣйшей дружины сей. Малодушный Аравлянинъ гибнулъ беззащитно; неукротимый Опшоманъ прошивился и умиралъ, сражаясь.

Повсюду воцарились ужась, люпоспъ, гореспъ и смяшеніе; повсюду поржеспвующая смерпъ являлась въ безчисленно различныхъ видахъ; кровь наводнила чисное поле. Аладдинъ еще при началѣ битвы изшелъ за врага съ частію своихъ воиновъ, и занялъ возвышенноспъ, въ чаяніи насладиться успѣхомъ, коимъ обманчивая надежда льстила его желаніямъ; опшуда озираль онъ мѣсто брани и обоюдные успѣхи.

Но коль скоро увидѣль бѣгспво Арабовъ, топъ же часъ повелѣль шрубить къ опешупленію, и чрезъ посланныхъ убѣждаешъ просипъ Арганпа и Клоринду возвращишь ся въ Солимъ. Безспрашная купа, упившаяся кровію и ослѣпленная яроспю, опвергаешъ его шребованія; наконецъ они успунающъ, спараясь по крайноспи собрапъ оробѣвшихъ воиновъ и удержашъ онъ разсѣянія.

Но кто удержипъ смяшенныя толпы? кто положипъ мѣру спрашу и малодушію? Всѣ бѣгущъ въ беспорядкѣ, всѣ ищущъ спасенія; топъ кидаетъ свой щипъ, другой мечъ, и оружіе не защита для нихъ, но шяжкое бремя. Между градомъ и спаномъ лежалъ пропяженный долъ, копорый, возвышаясь къ западу, спускался ниже къ полудню: шуда бѣгущъ они; вихри пыли, покрывая ихъ, кашились клубомъ къ укрѣпленіямъ.

Между шѣмъ, какъ побѣжденные шеклм но долинь, побѣдишпели съ жаромъ ихъ пре-

„оружія моего возмутишь его спокойствіе ,
 „попрясни владычество, еще неутвержден-
 „ное. Успую ли я? Нѣтъ! моя ненависть
 „также будешь безсмертна, какъ и память
 „спыда, мною преперѣннаго: изъ самой
 „глубины гроба возстану я съ усугублен-
 „ными ужасами къ наказанію врага и къ
 „моему опмщенію.“

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Погруженный въ сихъ гореспныхъ умо-
 предшавленіяхъ, Солиманъ видить коня
 безъ всадника, случайно къ нему бѣгущаго;
 смлепъ за поводъ и вскакиваетъ на него,
 не сморя на успалость свою и ослабленіе
 отъ ранъ. Спало уже со шлема его по
 спрашное украшеніе, которое возносилось
 поверхъ его; на окровавленныхъ и распер-
 занныхъ доспѣхахъ не оспалось ни единого
 признака блеска и великолѣпія ихъ.

Какъ волкъ, изгнанный изъ овчарни,
 бѣжитъ въ лѣса сокрытъ въ нихъ посрам-
 леніе и ярость свою; жершвы, имъ по-
 жранныя, препенуть еще въ разширенной
 ушробѣ его; но изсунушый изъ зева языкъ,
 жаждущій крови, не преснаетъ облизы-
 вать ея оспашки на губахъ своихъ: шаковъ
 душегубный Солиманъ, упившійся кровію и
 ненасыщенный пролипиемъ ея, оспавлялъ
 мѣспо бишвы.

Тучи сирѣль лешали надъ нимъ; пыща копій, пыща мечей окружали его; но судьба укрыла опъ гибели варвара. Непознанный, удалялся онъ уединеннѣйшими спезями посреди пустынь, и нерѣшимый духъ его волновался множествомъ различныхъ помышлений.

Наконецъ вознамѣрился шествовать туда, гдѣ Монархъ Египта собиралъ силы свои; хотеть присоединиться къ его ополченію, хотеть еще испытать неизвѣстный жребій брани. И такъ, не колеблясь долге, обращается по пути, имъ знаему, къ предѣламъ древней Газы.

Болѣзненное чувство язвъ его содѣлалось ошрѣе и пронзительнѣе, упомленность и спраданіе удручили весь составъ его; но онъ не хотѣлъ ни свергнуть съ себя досѣловъ, ни вкусить покоя. Весь день продолжалъ свой трудный путь и, когда ночь распростерла уже шемный покровъ свой, онъ сошелъ съ коня, привязалъ раны свои и навалъ плодовъ съ дикой смоковницы для уполенія глада.

Удовлениворивъ необходимымъ пошребностямъ природы, возлегъ на голую землю, и положивъ главу на швердый щипъ, искалъ, хопя мало, облегчить болѣзнь свою и успокоить возмущенныя мысли; но его раны часъ опъ часу болѣе воспалялись. Душевная горестъ и наружное спраданіе, какъ хищныя шипцы, уязвляли его и раздирали.

При наступленіи уже глубокой ноци и воцарившагося съ нею молчанія, изнуренный успалостію, сомкнулъ онъ ошягощенные вѣжды свои; безпокойный и шомный сонъ разсыпалъ на него печальный макъ и крашкое забвеніе гореспей. Заснулъ — и грозный гласъ поражаетъ слухъ его:

„Солиманъ! Солиманъ! опложи до щасливѣйшаго времени прязднось и упокоеніе; швое опечесство, швои подданные спонуть подъ игомъ чужеземца — и шы спишь! Нещасный! шы спишь на землѣ, покрышой расшерзанными членами швоихъ воиновъ, коихъ блуждающія шбни шребують у тебѣя погребенія! Можешь ли шы въ обяшяхъ сна ожидашь равнодушнo, да и еще день освѣшпшь тебѣя въ мѣспахъ, свидѣтельствующихъ о шпыдѣ швоемъ?“

Проснулся Сулпанъ, и видить предъ собою челоуѣка, согбеннаго подъ бременемъ лѣшъ: обвешшалаый скелеть опирался на суковашый жезлъ, съ помощію коего ушверждались спопы его. „Кто шы, ненависшый призракъ, пришедшій возмушпшь покой спранника? Чшо имѣешь шы обящаго съ безчеспіемъ моимъ, или моимъ мщениемъ?“

— „Твои намѣренія,“ отвѣспповалъ ему спарець „мнѣ извѣсппны; болѣе, нежели шы мыслишь, я беру учасшіе въ судьбѣ швоей. Я пришелъ изоспришь и укрѣдишь припуленное швое мужество. Про-

„спи, Государь! моей опкровенности; я
 „упрекнулъ тебя только для того, чшобъ
 „оживопворишь доблесь твою.

„Ты хочешь соединиться съ Монар-
 „хомъ Египта; но вѣрь моимъ предчув-
 „ствіямъ, и опложи спранспвованіе, споль-
 „ко же спрудное, сколько бесполезное. И
 „безъ тебя владѣпель сей скоро явишься
 „здѣсь съ своимъ воинспвомъ; не пашь ты
 „можешь доказать общимъ врагамъ нашимъ
 „безспрашную опважность твою.

„Но если угодно тебѣ, да буду я путе-
 „водцемъ твоимъ, по обещаю, чшо при
 „свѣтѣ дня, безъ опасности и спспровив-
 „ленія, введу тебя во внуспренность спѣнь,
 „осаждаемыхъ Хрисиіанами. Тамъ, съ ору-
 „жіемъ въ рукѣ ты можешь, по волѣ тво-
 „ей, прошивоборспвованъе опасностями и
 „покрыть себя славою, споль драгоцѣнною
 „для сердца твоего. Ты будешь защищать
 „спвердыни наши, доколѣ Египецъ при-
 „спѣшь къ намъ съ помощію и опмще-
 „ніемъ.“

Взоры спарца и гласъ его впечатлѣли
 почшеніе къ нему въ надменномъ Солиманѣ;
 исчезли гнѣвъ и гордость его, и онъ оп-
 вѣспспвовалъ ему: „О мой отецъ! я спѣшу
 „за тобою, гоповъ лепѣшь по слѣдамъ тво-
 „имъ. Наилучшимъ совѣпомъ признаю топъ,
 „кошорой предспавилъ болѣе спрудноспей
 „и опасности.“

Спарецъ изъявилъ свое одобреніе; из-
 дилъ на раны его, раздраженныя хладомъ

нощи, благопворный бальзамъ, онъ коего онъ въ минушу закрылись, и возвратилъ ему крѣпость и силы. Уже восходящее солнце лучами своими позлапило розы зарри упренней. „Время къ опшеспвию!“ рекъ незнакомецъ: „день освѣщаетъ пущь нашъ, и призываетъ къ шрудамъ.“

Недалече опшуда колесница ожидала ихъ; онъ восходитъ на нее съ гордымъ Никейцемъ, и рука его съ легкостію правитъ конями, понуждаетъ и оживляетъ ихъ. Опъ оси раздается свистъ, колеса капая по песку, едва ка аяс. его; запыхающіеся кони обмываются попомъ и убъляютъ пѣною удила ихъ.

Внезапнымъ чудомъ воздухъ, окрестъ ихъ сгущаясь, превращается въ сплошное вещество и образуетъ пвердое облако; никакой ударъ, ни праща, ни шаранъ, спѣны разрушающій, не могли бы проразитъ его. Облако сіе, облекая колесницу, со всѣхъ странъ закрываетъ ее; прозрачно только для нихъ, и изъ среды его видятъ они небо и все, ихъ окружающее.

Нахмурился Солиманъ; бразды простерлись по челу его; изумленные взоры его утвердились на облакъ и колесницѣ, лепящихся съ быспропою молніи. Спарецъ, чияя на неподвижныхъ черпахъ сопупника удивленіе, поразившее душу его, прервалъ молчаніе; взываетъ къ нему, и Султанъ приходитъ въ себя.

„О спарець!“ восклицаетъ онъ: „кто бы
 „ты ни былъ, покоряющій природу зако-
 „намъ твоимъ, и коего око проницаетъ
 „тайны, во глубинѣ сердець сокровенныя!
 „если и самую будущность объемлюшь воз-
 „ры свои, вѣщай, умоляю тебя, какой
 „предопредѣлило Небо конецъ движеніямъ,
 „потрясающимъ Азію, и какія бѣдствія
 „еще ожидаютъ насъ?“

„Но скажи мнѣ прежде, кто ты? ка-
 „кою мудростію производишь чудеса столь
 „великія? Въ смущеніи, меня объемлющемъ,
 „если не разсѣешь ты мое невѣдѣніе, не
 „могу я ни внимать, ни уразумѣть тебя.“
 Спарецъ улыбнулся и ошвѣщивовалъ:
 „Не трудно мнѣ исполнить часть твоихъ
 „желаній. Я Исмень; упряжняюсь въ наукѣ,
 „невѣдомой человѣкамъ обыкновеннымъ, и
 „Сирияне волхвомъ именуютъ меня.

„Но раздрать предъ тобою завѣсу бу-
 „дущаго, раскрыть предъ очами твоими
 „вѣчную книгу судебъ, есть превыше мо-
 „гущества человѣческаго. Въ юдоли смерп-
 „ной шествуемъ мы посреди бѣдности и
 „заключеній; для избѣжанія прошивно-
 „стей намъ даны разумъ и мужество. Не
 „рѣдко герой и мудрый успѣваютъ быть
 „шворцами собственнаго блага.

„Небо даровало тебѣ сердце, ничѣмъ
 „непобѣждаемое; рука твоя можетъ за-
 „щищать спѣсны, пѣнимыя облежаніемъ
 „варваровъ, и она можетъ потрясти все
 „зданіе Христіанскаго владычества. Ше-

„спвуй прошиву меча и пламени; дерзай,
 „перпи, надѣйся, и я все могу пред-
 „вѣщашь оиъ швоихъ усилій. Но въ угод-
 „носшь тебѣ ошкрою собышя, прозрѣвае-
 „мыя мною сквезь шемное облако будущ-
 „носши.

„Свѣшпило, въ знаменіе времяъ сошво-
 „ренное, не совершешь еще многихъ паше-
 „риць круга, имъ ошпекаемаго, и я уже
 „вижу, или мню видѣшь рожденіе героя,
 „копорый великими дѣлами прославешь
 „Азію. Не буду ошисывашь тебѣ успѣховъ
 „въ наукахъ и искусстввахъ, кои украсяшь
 „Египешь подѣ шаспливымъ его правлені-
 „емъ; не буду исчисляшь множествва его
 „добродѣтелей, коихъ въ раздѣльности
 „душевное око мое ошзрѣшь не можешь:
 „но должно бышь лесно для сердца шво-
 „его и удовлетворешельно для чувствва
 „мщенія шо, что онъ испровергнешь могу-
 „ществво Христіанъ.

„Въ напряженіи силъ своихъ онъ раз-
 „рушешь неправедное владычество ихъ даже
 „до основанія, и ничтожные ошатки сихъ
 „варваровъ будущъ искашь убѣжища на
 „неошпаемыхъ скалахъ, однимъ шолько мо-
 „ремъ защищаемыхъ. — Герой сей произы-
 „дешь оиъ крови швоей.“ Умолкнулъ чаро-
 „дѣй, и Солиманъ въ душевномъ движеніи
 „произнесъ: „О какъ шаспливъ смершный,
 „когого Небо предназначило къ шоликой сла-
 „вѣ!“ Радосшь, его объявша, расшвори-
 „лась чувстввомъ зависши.

„Благопоспѣшенъ ли будешь жребій“ продолжалъ онъ „или пропивенъ моимъ желаніямъ, я всегда пребуду независимъ опъ его своенравія; всегда онъ узришь меня, съ неизмѣннымъ челомъ приѣмлющаго дары его и пренебрегающаго суровостями. Скорѣ луна испоргнешся изъ круга ея, скорѣ звѣзды соврапятся съ пушей своихъ, чѣмъ Солиманъ уклонится опъ спези, имъ избранной.“ Такъ вѣщаль онъ, и рдѣло лице его, въ очахъ сверкаль пламень опважноспи.

Наконецъ приближились они къ шатрамъ Хриспіанъ — и какое ужасное зрѣлище предспавилось взорамъ ихъ! въ какихъ безчисленныхъ образахъ смерть явилась предъ ними! Облако болѣзненныхъ опущеній сгустилось надъ очами Солимана; слезы оросили ланипы его. О! какъ горько видѣшь ему хоругви свои, прежде споль грозныя, но погда влачимыя во прахѣ, раздранныя и окровавленныя!

Побѣдоносные и торжеспвующіе Хриспіане попирали шрупы вѣрнѣйшихъ и любезнѣйшихъ друзей его; ругаясь, совлекали съ нихъ одежды и вооруженіе. Здѣсь погребали своихъ съ торжеспвенными обрядами; шамъ пылаль обширный костерь; шѣла Опшомановъ и Арабовъ, смѣшанныя безъ различія, ввергались въ единое пламя.

Видя то, Солиманъ испустиль тяжкій вздохъ. Съ испоргнушымъ мечемъ успремляется изъ колесницы, да нападесть въ яро-

спи на враговъ своихъ; но чародѣй восклицаетъ къ нему, удерживаетъ его и укрощаетъ безразсудный гнѣвъ. Паки возсѣли, направляюще путь къ холмистымъ возвышеніямъ и оспаваютъ спань Хрисціанскій позади себя.

Сходяще — и колесница исчезаетъ. Не пресѣвая бысть сокрытыми въ нѣдрахъ облака, обращающе влѣво по спезѣ, проложенной въ междугорномъ долѣ; достигаютъ къ мѣстамъ, гдѣ крупизны Сіона освѣщались послѣдними лучами заходящаго солнца. Тамъ остановившійся чародѣй устремляетъ къ свѣсу горы испытующій взоръ.

Въ нѣдрахъ каменной скалы отверзалась темная пещера, ископанная за многіе вѣки. Поросше густой травой и кустарникъ укрывали безвѣстный входъ ея. Исмень опспрашиваетъ ихъ, и наклоненный проникаетъ въ сіе тѣсное и мрачное ущеліе. Единою рукою осязаетъ его направление, другую подаетъ Султану и приглашаетъ его за нимъ слѣдовать.

„О Небо! въ какой мрачности хочешь ты сокрыть мое шествіе!“ вскричалъ изумленный Солиманъ: „рука моя, еслибъ только позволилъ ты, можетъ опкрыть болѣе меня достойный путь.“ — „Храбрый мужъ!“ опвѣщивовалъ Исмень: „не гнушайся путемъ, копорой нѣкогда проложилъ себѣ великій Иродъ, Царь, споль знаменитый во браняхъ.“

„Онъ ископавъ сей подземный ходъ,
 „когда располагался обузданъ спрощи-
 „вось своихъ подданныхъ. Сямъ путемъ
 „опъ швердыни Аншоніевой, такъ на име-
 „нованной по имени вѣрнаго друга его, не-
 „видимый преходилъ онъ въ древній великій
 „храмъ; сямъ путемъ осшавлялъ онъ шайпо
 „Солимъ, вводилъ въ него и изводилъ
 „своихъ воиновъ.

„Но никому, кромѣ одного только ме-
 „ня, неизвѣстенъ сей темный и сокрышый
 „ходъ. Онъ доведеть насъ шуда, гдѣ болѣе,
 „можетъ быть, нежели должно, возму-
 „щенный угрюмымъ взглядомъ щаспія,
 „Аладдинъ собираеть на совѣтъ къ себѣ
 „первѣйшихъ въ силѣ и мудрости. Въ часъ
 „сей попребно швое присушествіе. Будь
 „внимашеленъ къ разсужденіямъ ихъ и без-
 „молвешуй; при удобномъ случаѣ можешь
 „ознаменовашъ свое мужество.“

Убѣжденный Султанъ послѣдовалъ ему
 и ползъ въ области вѣчной шьмы подъ
 упѣсняющею рослое шѣло его навислосшію;
 но далѣе мало помалу сводъ разширялся.
 Они уже свободно могли шествовать, и
 скоро достигли середины мрачнаго вершпа.

Чародѣй опшверзаетъ впереди ихъ шѣс-
 ную дверь. Оба восходящъ по ступенямъ
 полуразрушеннымъ, гдѣ изъ опдаменнаго
 опшверстія проходилъ блѣдный и едва при-
 мѣтный свѣшъ, и наконецъ изъ глубокой
 пропасти возвысясь, вступаютъ въ пыш-
 ный и ярко освѣщенный чершогъ. Здѣсь,

со скиптромъ въ рукѣ и съ челомъ, увѣнчаннымъ діадимомъ, сидѣлъ Аладдинъ; горелъ, написанная въ очахъ его, отражалась на все, его окружающее.

Изъ нѣдръ облака, невидимый, Солиманъ созерцаетъ величественное собраніе и внемлетъ Царю, съ высоты прешола его печально произносящему слова сіи: „О мои друзья! мои вѣрные подданные! пагубенъ былъ для насъ вчерашній день; исчезаетъ надежда, и одна только помощь Египта остается намъ.“

„Но какъ еще отдаленна помощь сія въ опасности, нестерпящей времени! Я нынѣ собралъ васъ, да воспользуюсь совѣтомъ cadaго.“ Умолкъ — и вокругъ его распространился тихій шопотъ, подобный шуму вѣтровъ, дышущихъ въ густотѣ дубравы. Но возсталъ Арганъ; ясность чела его и смѣлый видъ на всѣхъ налагаетъ молчаніе.

„Великій Монархъ! почто искушаешь ны мужество наше? Положеніе, въ какомъ мы находимся, съ излишкомъ извѣстно, и само возвѣщаетъ себя; но — Государь, я дерзаю по сказанью: въ самихъ только себѣ должны мы утвердить надежду свою. Ничто не спрашно доблести, и ею вооружимся мы; ее только призовемъ въ помощь, и поставимъ жизни шу только цѣну, какую она опредѣляетъ.“

„Не для того, чпобъ опчаявался я въ помощи Египта; нѣтъ! владыка мой обѣ-

„щаль ее, и пресупно было бы сомнѣ-
 „вашься въ вѣрности слова, имъ даннаго;
 „но я бы желалъ видѣть въ нѣкоторыхъ
 „изъ своихъ воиновъ болѣе мужества и не-
 „успрашимости; я бы желалъ, да, гошове
 „ко всѣмъ происшествіямъ, не опчаяются
 „ся они въ побѣдѣ, и встрѣчаютъ смерть
 „безъ ужаса.“

Не сказалъ ничего болѣе Артанъ: само-
 любіе его хочетъ властвовать надъ мнѣ-
 ніями, пренебрегая убѣжденіемъ. Орканъ
 восплаетъ по немъ, и въ его наружности
 проникала внутренняя увѣренность въ соб-
 ственномъ превосходствѣ. Знаменивъ по
 происхожденію, онъ прославилъ себя по-
 двидами брани; но, прилѣпленный попомъ
 къ юной красотѣ, окружаемый дѣвками; въ
 коихъ полагалъ все свое упѣшеніе, онъ
 уже былъ только супругомъ и опцомъ.

„Государь!“ вѣщаетъ онъ: „я не могу
 „оуждать благородной гордости, раждае-
 „мой мужествомъ и обнаруженной въ изре-
 „ченіяхъ, можетъ быть, несвойственныхъ
 „должной умѣренности. Артанъ, предъ
 „лицемъ Царя и въ собраніи совѣта, безъ
 „сомнѣнія, много допустилъ себя ув-
 „лечь спремительной пылкости; но смѣ-
 „лость, имъ употребленная въ выраже-
 „ніяхъ, гремитъ въ дѣлахъ его и дѣлами
 „оправдана.“

„Твоя, Государь, мудрость усовершен-
 „ствована временемъ и опытами: ты знаешь,
 „какъ обуздать ревность, вышупающую

„изъ предѣловъ приличія; шебѣ принадле-
 „житъ сравнить съ предстоящею опасно-
 „сною надежду опдаленную, судить о
 „могущесствѣ непріятели, и о томъ, сколь-
 „ко можемъ полагаться на древнія шверды-
 „ни и шѣвы, шобою вновь исправленные.

„Природа и искусство укрѣпили Солимъ;
 „но — если скажешь мнѣ позволено — Хри-
 „стіане угрожаютъ ему всѣми орудіями бра-
 „ни. Не знаю, что готовишь намъ судъ-
 „ба; но между страхомъ и надеждою, опа-
 „саюсь неизвѣспности битвы, опасуюсь
 „продолжисельности облежанія и ужасовъ
 „града.

„Запасы, спада сіи, кои вчера благо-
 „разуміе швое и шчасіе препроводили въ
 „спѣны града, между шѣмъ какъ врагъ уни-
 „вался нашею кровію, могутъ быть поль-
 „ко слабыми и крѣпковременными пособіями
 „для народа многочисленнаго. Вообще об-
 „ладашель Египта, вѣрный его обѣщанію,
 „поспѣшишь къ намъ на помощь, хопя и
 „во время, имъ назначенное; оружіе его не
 „можетъ защитить насъ отъ угрожающаго
 „обдѣшвія.

„Чтожь будетъ тогда, если замедлишь
 „помощь сія? Но предположивъ, что упре-
 „дишь онъ и свои увѣренія и надежду на-
 „шу, я не вижу еще побѣды, не вижу из-
 „бавленія Солима. Намъ должно сражаться
 „съ Годофредомъ, съ сими Рыцарями, кои
 „шополикокрашно побѣждали и обращали

„въ бѣгство Аравлянъ, Опшомановъ, Сириянь
„и Персовъ.

„Ты знаешь ихъ, храбрый Аргантъ, ты,
„что осмавлялъ имъ споль часпо поле сра-
„женія! ты, что въ одномъ полько бѣг-
„стве споль часпо находилъ опъ нихъ спа-
„сение! Клариндъ извѣсны они, я также
„знаю ихъ, и всѣ мы одинъ предъ другимъ
„похвалишься не можемъ. Должно ли мнѣ
„винить кого, если мы упопресли все,
„что полько зависѣло опъ нашей храб-
„рости?

„И еще присовокуплю: хопя иной не-
„годуешь, услышавъ испину; хопя угро-
„жаешь мнѣ злобными взорами: неизбѣж-
„ная судьба ведишь нашихъ враговъ, и ни
„силы оружія, ни высота пвердынь не мо-
„гутъ удержать спремленія ихъ. Усердіе
„къ Црю моему и любовь къ опечесству од-
„ни полько внушаютъ мнѣ опкровенность
„сію, и Небо да будешь моимъ свидѣтелемъ!

„Мудрый владѣтель Триполя! ты умѣлъ
„пріобрѣсти миръ и сохранишь пресполь
„свой; но непреклонный Сулпанъ, въ ми-
„нуту сію, можетъ бытъ, поверженъ во
„прахъ, или, презрѣнный невольникъ, спо-
„нешъ въ оковахъ; можетъ бытъ, изгнан-
„ный, бѣглець, далече опъ опечества, вла-
„чишь жизнь, предназначенную къ концу
„еще горестнѣйшему. Но онъ могъ бы да-
„рами, или данію обезражитъ побѣдипе-
„ля и спасши часпъ своихъ обласшей.“

Такъ, подъ прикровеніемъ хипросплетенныхъ вѣщаній, Орканъ предлагалъ совѣпы свои, не дерзая сказать явно, что надлежитъ искапъ мира и покориться Христіанамъ. Сулпанъ, приведенный въ негодовапіе слабостію его и оскорбленіями, не можетъ болѣе удержатъ себя. „Пошерпишь „ли пы,“ рекъ ему Исмень „чтобъ малодушный поносилъ и сполько унижалъ шебя?

— „О! почшо не могу я“ опвѣшествовалъ Солиманъ „распоргниушь завѣсу, меня „сокрывающую, когда стараю опъ гнѣва и „досады?“ Изрекъ — и мгновенно облако, раздѣлясь, исчезаетъ. Герой является во свѣтѣ, его окружающемъ; гордость и неуспрашимость дышуть на челѣ его.

„Се“ воскликнулъ онъ „робкій и убѣгающий Сулпанъ! Рука сія умѣетъ доказатъ „поносителю, что онъ малодушный лжець. „Я бѣглець! я, кто пролилъ рѣками Христіанскую кровь! я, кто усѣялъ поля прупами ихъ, и окруженный множествомъ „враговъ, одинъ оспался изъ всѣхъ моихъ „воиновъ! я бѣглець!

„Если сей презрѣнный прусъ, или другой подобный ему измѣнникъ закону и „опечеству, дерзнетъ упомянуть о безчестномъ и постыдномъ мирѣ — дозвошь, Государь, да рука моя испоргнетъ душу „его. Прежде агнцы въ единой оградѣ возлягутъ съ волками, въ единомъ гнѣздѣ „вмѣстятся голуби со зміями, чѣмъ узы

„мира совокупяшъ подь единымъ небомъ Хри-
„стіанъ съ Музульманами.“

Такъ вѣщая, держался онъ рукою за
свой ужасный мечъ. При сихъ словахъ, при
семъ грозномъ видѣ, всѣ изумились, всѣ
безмолвствуюшъ. Наконецъ, умѣривъ спро-
госпъ взоровъ своихъ, Султанъ приближаеш-
ся къ Аладдину. „Государь!“ сказалъ онъ:
„дай мѣсто надеждѣ въ душѣ твоей — Со-
„лиманъ съ шобою!“

Монархъ повергся къ нему съ простер-
тыми объятіями. „О великодушный другъ!“
возопилъ онъ: „съ какою радостію объеблю
„тебя! Забываю всѣ мои поперы и не
„спрашусь ничего въ будущности. Если
„Небо не опринесть обѣщаній нашихъ, ты
„можешь въ одно и то же время подкрѣ-
„пить престола мой и возстановишь твой
„собственный.“ Рекъ — и прижалъ его къ пер-
сямъ своимъ.

Потомъ, возведя его на Царскій пре-
столъ, самъ возсѣлъ по лѣвую сторону, и
Исмень занялъ мѣсто близъ его. Между
тѣмъ, какъ оба они бесѣдовали, оба вопро-
шали другъ друга и взаимно оповѣщивова-
ли, Кларинда послѣшила воздашь Герою
должныя почести, и всѣ ей послѣдовали.

Солиманъ обрѣщается между ими Орму-
са, одного изъ Аравійскихъ военачальниковъ,
которой въ то самое время, когда бывша
услилась, прошелъ уснраненными спешями
съ опрядомъ своимъ въ Солиманъ, и пользуясь
темнотою ночи и безмолвіемъ, дославиль

изнуреннымъ жипелямъ запасы и вспомо-
женіе.

Гордый Черкесь одинъ только оспавался неподвиженъ, молчалъ и кидалъ взоры, оправ-
ленные ревностію и досадою, подобенъ
льву, когда онъ пламеннымъ окомъ пожи-
раешъ добычъ, еще далекую отъ когшей
его. Но скорбящій и въ размышленіяхъ уг-
лубленный Орканъ не смѣешъ возвестъ на
Султана очей своихъ. Такъ соединившіеся,
владѣтель Палестины и повелитель Опшо-
мановъ, во едино смѣсили и ненавискъ къ
Хрисціанамъ и предпріятія ихъ.

Между шѣмъ благочестный Годофредъ,
продолживъ свои пораженія, разсѣлъ ос-
пашки побѣжденныхъ непріятелей, ошдалъ
священный долгъ погребенія убитымъ его
воинамъ, и повелѣваешъ попомъ чрезъ два
дни изготовившя къ присупу. Величе-
спвеннѣе и грознѣе, чѣмъ прежде, явля-
лось лице его, предвѣщавшее невѣрнымъ
близкую гибель.

Знаменистую дружину, принесшую въ
пылу сраженія Хрисціанамъ споль нужную
помощь, соспавляли Герои, заблуждавшіе
по спопамъ Армиды, и съ ними Танкредъ,
бывшій заключеннымъ въ шемницѣ ея. Го-
дофредъ приглашаешъ ихъ въ намешъ свой,
допуспивъ къ свиданію сему шолько Петра
Опшельника и извѣспнѣйшихъ ему въ благо-
разуміи Рыцарей.

„Не опкажите мнѣ“ рекъ онъ „въ повѣ-
„спвованіи о крапковременомъ заблужденіи

„вашемъ ; возвѣсните, какими пупями воз-
 „вращило васъ Небо по потребности и жела-
 „ніямъ нашимъ.“ Проникнуты спыдомъ и
 раскаяніемъ, предспояли они, каждый съ
 преклоненною главою, и напоследокъ Князь
 Брипаніи, возведя очи свои, прерываесть
 молчаніе.

„Признаюсь, Государь! прельщенные лю-
 „бовію, увлеченные спраспію, во узахъ об-
 „манчивой красоты мы пренебрегли зако-
 „ны швои и назначеніе жребія ; слѣдовали
 „неизвѣспными спезями за пупеводите-
 „лемъ опаснымъ и пагубнымъ. Ревностъ и
 „совмѣспничесество раздѣлили насъ, и вол-
 „шебница словами ея, взорами, — о ! какъ
 „поздно мы познали шо ! — пипала взаим-
 „ную нашу ненавистъ купно съ пламенемъ
 „виновной любви.

„Мы достигли мѣспъ, гдѣ дымяпся
 „еще перуны правосудія — земли, плодо-
 „носной нѣкогда, спраны пріятной, но ны-
 „нѣ покрываемой смолиспыми водами и
 „убійспвеннымъ для всего раждающагося
 „озеромъ, изъ коего подъемлюпся нечиспые
 „и ядоносные пары, свидѣспели преспупле-
 „нія человеквъ и гнѣва небеснаго.

„На водахъ сихъ не шонупъ шягчайшія
 „шѣла: человекъ, желѣзо, камень, плаваюпъ
 „по поверхноспи, какъ легкое древо. Посреди
 „озера возвышаепся замокъ, соединяемый съ
 „землею шѣннымъ моспомъ, и шуда ввела
 „насъ вѣроломная Царевна. Въ очарован-

„номъ жилищѣ семь все улыбалось, все ды-
„шало наслажденіями.

„Подъ яснымъ небомъ царствовала благо-
„растворенный воздухъ; вѣчная зелень
„древесъ разсыпала свѣжестъ и тѣнь на
„дернистыя площадки; подъ навислостію
„влюбленныхъ миртовъ текли воды чистыя
„и прозрачныя; журчащій ручей, зефиръ
„шепчущій въ листьяхъ, гармоническія пре-
„ли пщицъ, проливали во всѣ чувства рос-
„кошную помноспъ и пламень вождельній;
„злапо и мраморъ подъ пысящю различ-
„ныхъ образованій подражали природѣ и
„возвышали красопы ея.

„На цвѣтущемъ лугѣ, подъ густою тѣнію,
„опражающеюся въ зеркальной поверхности
„водѣ, Армида предложила намъ роскош-
„ный и изобильный споль. Здѣсь соединя-
„лось все, чѣмъ ласкаетъ нѣжная весна, чѣмъ
„награждаетъ жаркое лѣто и что приво-
„дитъ въ зрѣлостъ щедрая осень: дары зем-
„ли и богатства морей въ искусномъ смѣше-
„ніи. Спо прекраснѣйшихъ дѣвицъ намъ
„услуживали и предупреждали наши желанія.

„Прелестъ бесѣды и еще прелестнѣй-
„шая улыбка измѣнницы упоили насъ оча-
„рованіемъ; съ жадностію поглощали мы
„ядъ, ею изливаемый, и забвеніе самихъ се-
„бя. Но внезапно воспаетъ она. — Я
„возвращусь — рекла, и скоро возврати-
„лась; но не та ясностъ, не та нѣжность
„проникала изъ взоровъ ея. Одною рукою

„держала она легкую проснь, а другою
„книгу, въ коей пихо нѣчто прочишывала.

„Читаешь — и я чувствую во всемъ
„существовѣ моемъ непонятное превращеніе:
„мои мысли, мои чувства, мои побужденія
„измѣнились; мгновенно уснаряюсь я въ
„пекущія воды и погружаюсь въ нихъ; чле-
„ны мои сблизились, срослись: я превра-
„тился въ рыбу, и шѣло мое покрылось
„чешуею.

„Товарищи мои, помуже подверженныя
„жребію, ныряли со мною въ жидкомъ кри-
„сталѣ, и о семь соспояннн оспалось мнѣ
„одно шолько смѣшанное, подобное сонной
„мечшѣ, воспоминаніе. Чрезъ нѣсколько
„времени чародѣйка возврашила намъ преж-
„ній образъ: мы онѣмѣли опъ удивленія и
„ужаса; но взоромъ еще ужаснѣйшимъ и
„угрозами она умножила горестъ, нами
„овладѣвшую.

„Вамъ извѣстно уже, рекла, могущест-
„во мое; извѣстно, что я имѣю надъ вами
„ничѣмъ неограниченную влассть: однимъ
„словомъ могу погрузить васъ въ вѣчную
„нощъ; однимъ словомъ могу превраиить
„васъ въ ищицъ, въ распѣнія, въ пресмы-
„кающихся, измѣнитъ существо ваше въ
„камень или текущій ручей, дашь видъ чу-
„довищей лѣсовъ.

„Но вы можете избѣгнупъ гнѣва мо-
„его, если волю мою поставите закономъ
„себѣ: опспуните опъ вѣры вашей, и за-
„щицаа Державу Музульмановъ, вооружи-

„песь прошиву безбожнаго Годофреда. —
 „Всѣ мы возмутились душею, всѣ оприну-
 „ли ужасный договоръ, и одинъ только
 „Рамбальдъ изъявилъ пресшупное къ тому
 „согласіе; насъ повергла она въ темницу,
 „ни малѣйшему лучу свѣта непроницаемую.

„Судьба привела Танкреда въ сіе жили-
 „ще пагубы; по мужъ и онъ подвергнулся
 „заключенію. Но темница наша скоро оп-
 „верзлась, и если должно вѣришь слуху, до
 „насъ достигшему, Армида, по желанію вла-
 „дѣтеля Дамаскаго, повелѣла опвеспи насъ
 „къ Монарху Египта безоружныхъ и око-
 „ванныхъ, подъ охраненіемъ спочисленной
 „спражи.

„Мы были уже въ пуши, когда, по дѣй-
 „ствію небеснаго Промысла, встрѣпились
 „съ храбрымъ Ренальдомъ. Знаменимый Ры-
 „царь, непреспанно прославляющій себя но-
 „выми подвигами, напалъ на воиновъ, окру-
 „жавшихъ насъ, побилъ ихъ, или обратилъ
 „въ бѣгство, и возвращилъ намъ собствен-
 „ное наше оружіе, ими присвоенное.

„Я видѣлъ его, мы всѣ видѣли, сжима-
 „ли побѣдоносную руку, внимали гласу его.
 „И такъ не вѣрь шщепной молвѣ. Герой
 „живетъ еще; не минуло прехъ дней,
 „какъ опсавилъ онъ окровавленные и раз-
 „дробившіеся доспѣхи его, какъ въ одеждѣ
 „странника обратилъ къ Анпіохіи спопы
 „свои.“

Князь Брипанскій симъ окончилъ повѣ-
 спвованіе, и Опшельникъ возвелъ къ небу

очи, слезами орошенные; цвѣтъ и черпы его измѣнились, и — какое священное, какое поклоненія достойное сіяніе окружаетъ его! — Исполненная божественнаго восторга душа мудраго спарца возвышается въ жилище безсмертныхъ; раскрылась будущность предъ взоромъ его, и мысль углубилась въ безднѣ вѣковъ и времени.

Наконецъ разрѣшился языкъ его: торжественнѣйшимъ гласомъ прорицаетъ онъ событія, сокровенныя въ недрахъ грядущаго; при его видѣ, при громѣ его вѣщаній, всѣ пребываютъ изумленны и внемлютъ ему въ безмолвіи. „Ренальдъ живетъ еще!“ возгласилъ онъ: „вѣроломнѣйшая изъ женъ воспользовалась нашимъ легковѣріемъ. Онъ живетъ еще, и Небо сохранило юное мужество его для величайшей славы.

„Его подвиги, удивляющіе Азію, ничто иное, какъ забавы младости и предвѣспники возраспающаго величія. Текутъ годы — и я зрю его ополчающимся на нечестиваго преемника Цесарей и усмиряющимъ дерзость его. Орель его изпоргнетъ Римъ и Церковь изъ когтей лютаго ястреба, и покроешь ихъ крылами своими; онъ возродится въ чадахъ, достойныхъ отца своего.

„Просяженный рядъ попомковъ шепсвуетъ по спезямъ его, сокрушаетъ жезлъ власполюбцевъ и мечъ возмущенныхъ; Вѣра и Первосвященники успокоиваются подъ сѣнію щита его. Низлагають гор-

„достъ, усладяшь горестъ злополучныхъ,
 „покровительствовать невинность и каз-
 „нить пресупленіе — се ихъ жребій! Такъ,
 „орель Эстскаго Дома просиреть полетъ
 „свой превыше пупей, обпекаемыхъ
 „солнцемъ.

„И достойно, да ему ввѣрены будутъ
 „бранные перуны; да распросшираетъ онъ
 „непобѣдимыя и поржесшвуюющія крыла свои
 „шамъ, гдѣ за честь Спасителя подъемлютъ
 „оружіе! Такова природа его; таковы свой-
 „ства, данныя ему по непреложнымъ зако-
 „намъ судьбы. — Съ нимъ соединенъ успѣхъ
 „священнаго нашего предпріянія, и Небеса
 „повелѣвають намъ призвать его.“

Сими прореченіями Ошшельникъ разсѣ-
 ялъ страхъ, внушенный извѣстіемъ о смер-
 пи Ренальда; но при восклицаніяхъ, изъ-
 являвшихъ общую радость, верховный Вождь
 безмолвствовалъ, погруженный въ глубокія
 размышленія. Между тѣмъ настала ночь
 и омрачила землю. Всѣ удалились, всѣ пре-
 дались сладосшямъ пріятнаго сна; одинъ
 только Годофредъ бодрствуетъ, и душа
 его чужда успокоенія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

